

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА СО РАН
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
РОССИЙСКОЕ ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

МАТЕРИАЛЫ VI РЕГИОНАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ СИБИРИ В ОБЛАСТИ ГУМАНИТАРНЫХ
И СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

Новосибирск
2008

ББК 87
УДК 303.01

Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований. Материалы VI Региональной научной конференции молодых ученых Сибири в области гуманитарных и социальных наук / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2008. 197с.

ISBN 978-5-94356-667-7

В сборнике публикуются доклады участников VI Региональной научной конференции молодых ученых Сибири в области гуманитарных и социальных наук «Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований».

Книга рассчитана на специалистов в области социальных исследований, философии и теоретических проблем права, а также всех интересующихся проблемами и перспективами социальных и гуманитарных исследований.

Труды изданы при финансовой поддержке Совета научной молодежи ННЦ СО РАН.

*Сборник издан по решению
Ученого совета
Института философии и права СО РАН*

*Рецензент
д-р филос. наук, проф В. В. Целищев*

*Ответственные редакторы
канд. филос. наук А. М. Аблажей
канд. филос. наук, доцент Н. В. Головкин*

ISBN 978-5-94356-667-7

© Коллектив авторов, 2008

© ИФПР СО РАН, 2008

© Новосибирский государственный
университет, 2008

Содержание

Пленарные доклады	9
<i>Аблажей А.М.</i> Инновационный потенциал вузов Сибири: методы и критерии оценки.....	9
<i>Карпович В.Н.</i> Легитимность власти и политические обязательства как концептуальные конструкции в политической и правовой теории	17
<i>Шевченко А.А.</i> О политической субъектности.....	20
<i>Дидикин А.Б.</i> Неопозитивизм как альтернатива натурализации в современной эпистемологии права	23
Раздел I Социальные исследования.....	29
<i>Абрамова М.А.</i> Образ семьи в рисунках учащейся молодежи.....	29
<i>Артёмова И.В.</i> Семейные отношения в представлениях русского населения Хакасии.....	32
<i>Седен А.В.</i> О реализации государственной молодёжной политики в Республике Тыва	35
<i>Ушаков Д.В.</i> Межэтнические отношения старших школьников в Республике Алтай	39
<i>Куликова Д. Н.</i> Организация антирелигиозной пропаганды среди женщин Западной Сибири в 1921-1925 гг.	44

<i>Мадюкова С.А.</i> Социокультурный неотрадиционализм: формирование постсоветских идентичностей	47
<i>Потылицына Л.И.</i> Проблема преступности среди людей с нарушениями интеллекта в современном российском обществе	49
<i>Акимов Н.А., Диц М.А., Кружкова Л.П.</i> Формирование рейтинга радиостанций г. Новокузнецка	52
<i>Абдылдаев К.К., Ишенбекова Н.Т.</i> Состояние животноводства в Кыргызской Республике.....	58
<i>Абдылдаев К.К., Ишенбекова Н.Т.</i> Современное состояние и перспективы развития животноводства в Кыргызской Республике.....	61
Раздел II Философские исследования	64
<i>Философия, логика и методология научного знания.....</i>	64
<i>Резников В.М.</i> Об убедительности оснований в пользу юмовского позитивизма.....	64
<i>Нестеров А.Ю.</i> Определение понимания как основание понятия рациональности.....	66
<i>Скрыпка А.В.</i> Прикладные методы искусственной разумности.....	70
<i>Литовка И.И.</i> Математический принцип бинарных вычислений: методологические параллели от Древнего Египта к современным ЭВМ	71
<i>Филопповский В.А.</i> Онтология и категориальная структура языков	75

<i>Хлебалин А.В.</i> Субстантивистская теория и универсальность критерия истинности	78
<i>Головко Н.В.</i> Теоретические и операциональные ограничения в натурализованной семантике.....	83
<i>Черезов А.А.</i> Эпистемический инструментализм: аргумент К.Стенфорда против научного реализма	87
<i>Колмакова Е.А.</i> Синергетическая рациональность в современном познании.....	92
<i>Сергеев В.А.</i> Лом диалектики.....	94
 <i>История философии в новом интеллектуальном контексте..</i>	
<i>Доманов О.А.</i> Субъективность и формальные символические системы.....	99
<i>Филатова О.В.</i> Русская философия XVIII в. как процесс коммуникации.....	102
<i>Брудасова М.А.</i> Понимание иронии в Античной культуре и философия кинизма.....	104
 <i>Социально-философские исследования.....</i>	
<i>Цыганков В.В.</i> Миросистемный анализ: опыт интерпретации Российской истории.....	109
<i>Захидов О.Х.</i> Политическая философия марксизма и Россия.....	111
<i>Трубицын О.К.</i> Безопасность и свобода в структуре политических ценностей	114

<i>Гриценко А.А.</i> Философско-методологические основы определения сущности феномена безопасности	118
<i>Лигостаев А.Г.</i> Сущность социальных революций и фактор их формирования	122
<i>Лыгденова В.В.</i> Риск как фактор формирования российской организационной культуры	125
<i>Руди М.Ш.</i> Конфликтогенность социума	127
<i>Мантуров О.С.</i> Социальность тотальная – социальность ускользающая	130
<i>Микичур Е.А.</i> «Критическая теория» общества как опосредованное выражение гуманистической ориентации ее создателей	132
<i>Колесник М.В.</i> Философия права: опыт начальной рефлексии	135
<i>Погребняк С.П.</i> Особенности реализации в праве разных аспектов справедливости	137
<i>Этика, антропология, философские вопросы культуры и образования</i>	139
<i>Немцев М.Ю.</i> О двух жизненных стратегиях и антропологии внимания.....	139
<i>Рудакова Ю.С.</i> К вопросу о некоторых особенностях процесса понимания.....	142
<i>Никитченко Е.Э.</i> Свобода совести: философско-антропологическое измерение политико-правового содержания.....	144
<i>Жапарова А.К.</i> О гендерном содержании дефиниций сущности человека	147

<i>Зимарина Е.Ю.</i> Образовательные инновации как предмет социологического изучения.....	151
<i>Петров В.В.</i> Элитное образование в обществе знания.....	153
<i>Калмазан А.В.</i> Подготовка специалиста, ориентированного на самообразовательную деятельность, в аспекте ведущих педагогических подходов.....	156
<i>Мошонкин Г.Б.</i> Инновационные подходы в системе образования.....	161
<i>Шилова И.С.</i> Фотография в контексте индивидуальной памяти .	164
<i>Ляшенко Ю.А.</i> Телевидение и образ жизни человека в современном обществе	167

Раздел III Теоретические проблемы права.....170

<i>Дидикин А.Б.</i> Наука конституционного (государственного) права в советский период (40-80-е гг.).....	170
<i>Синяков Д.К.</i> Интегральное правопонимание: некоторые проблемы	174
<i>Акашкин А.Ю.</i> Правовая категория: содержание и значение	177
<i>Сереева Е.Ю.</i> Право на жизнь как элемент системы правомочий права на свободу и личную неприкосновенность человека	180
<i>Кириченко К.А.</i> К вопросу об алиментных обязательствах между родителями ребенка.....	183
<i>Мангир А.В.</i> Меры по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних	185

<i>Третьякова Е.С.</i> О некоторых аспектах нарушений общепринятых правил юридической техники, выявляемых при проведении юридической экспертизы нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации	188
<i>Семанов В.А., Серегина Т.А.</i> Государственная корпорация и учреждение: сравнительный анализ организационно-правовых форм.....	190
<i>Загивный В.А.</i> Порядок реализации регистрационно-лицензионных полномочий Банка России.....	192

Пленарные доклады

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ВУЗОВ СИБИРИ: МЕТОДЫ И КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ*

А. М. Аблажей

Институт философии и права СО РАН
Новосибирский государственный университет

Тема инновационного образования – сегодня одна из наиболее популярных в среде не только теоретиков, и практиков высшего профессионального образования (ВПО). В условиях, когда на фоне массовизации высшего образования вузы почти не получают сигналов обратной связи со стороны потребителей (прежде всего абитуриентов и студентов), на первый план выходят усилия государственных органов по развитию сферы ВПО в нужном для государства направлении. Одним из таких направлений (в рамках Национального проекта «Образование») и стало развитие инновационных компонентов в инфраструктуре, образовательной и научной деятельности вузов.

В то же время, как это ни парадоксально, даже на уровне органов исполнительной власти, принимающих решения стратегического характера в данной сфере (например, Федерального агентства по образованию), не сложилось единого представления о том, что такое, собственно, инновационный вуз. Один из проректоров, с которым мы беседовали, так описал эту ситуацию: *«Когда я прочитал документы Рособразования о конкурсе (Инновационных образовательных программ – Авт.), потом на совещаниях в Москве был, там проводили разъяснения те, кто лично разрабатывал эти документы, но даже там не звучало четко, что они понимают под инновационным вузом»*. Объяснение подобного парадокса (в самом деле, становится непонятным, на основе каких критериев отбирались победители подобного конкурса) необходимо искать в том, что Федеральное агентство, скорее всего, и не ставило перед собой задачу четкой формулировки подобных критериев. Наш собеседник, кстати, вполне соглашается с такой ситуацией (*«На самом деле это было, наверное, правильно, надо было самому вузу осознать, что это такое. Может даже и не стоит создавать такого единого понятия инно-*

* Статья подготовлена в рамках реализации проектов, поддержанных РГНФ (грант № 07-03-65305а/Т «Комплексная оценка потенциала инновационного развития региональной системы высшего профессионального образования (на примере Новосибирской области)») и Президиумом СО РАН (экспериментальный грант «Инновационный потенциал вузов Сибири» (2007 г.)

вационного вуза, т.к. у нас в законодательстве до сих пор не определено, что такое инновационная деятельность, и каждый может вкладывать свой смысл»). [1]

На уровне экспертного сообщества также не сложилось четкого представления о том, что такое инновации в образовании. По словам Е.В. Брызгалиной, «понятие инновационности настолько расплывчатое, что ни на одной из проведенных конференций, в любом формате, не удалось прийти к более – менее общему, разделяемому всеми определению инноваций». В то же время относительная ясность существует относительно того, в каких сферах ВПО инновации проявляются в первую очередь: «Инновационность в современном контексте понимания качества [высшего образования] часто трактуется именно как ориентации на практические нужды, это с одной стороны, а с другой, это использование всяческих интерактивных форм обучения, развитие дистанта, использование инновационных технологий, но поскольку образование – это достаточно консервативная сфера, поэтому инновационность, может быть, в большей степени следует связывать с какими-то формами образования, чем с содержанием». [2]

Прежде чем переходить к анализу результатов исследования, проведенного в Новосибирске и других городах Сибири, несколько слов о том, в каком состоянии сегодня находится высшее образование в России. Сегодня структура предлагаемых системой ВПО образовательных услуг во многом нерациональна и рассчитана на стереотипы массового сознания, имеющих во многом нерациональный характер. 90 % заказа на высшее образование – это реализация представлений родителей абитуриентов о том, какое образование должны получить их дети. Уже сегодня участники рынка демонстрируют резкое усиление спроса на услуги разного рода аналитических, прежде всего рейтинговых, агентств, призванных поставлять всем заинтересованным потребителям максимально полную и реальную (что в условиях ангажированности многих экспертных центров весьма актуально) информацию о том, какие виды, профили и направления профессионального образования востребованы рынком труда, какие вузы являются высокорейтинговыми (и наоборот). Важнейшее место в их работе займет прогнозирование перспективных направлений развития образования с точки зрения именно общественных интересов, а не узко–корпоративных целей самих вузов [3].

В краткосрочной перспективе можно прогнозировать масштабный кризис перепроизводства в системе российского образования, поскольку предложение с его стороны, как было сказано выше, далеко не всегда соответствует реальной структуре спроса на рынке труда. Об отсутствии рыночной координации между производителями и потребителями образовательных услуг говорит тот факт, что более половины выпускников вузов не находят работу по специальности. Результатом отсутствия налаженных каналов обратной связи системы образования и рынка труда, свидетельствующих о востребованности подготавливаемых профессиональных кадров, стала несогласованность действий государства, образовательной системы и работодателей. Одни из наи-

более очевидных и уже реализуемых на практике выходов из такой ситуации – активные действия органов исполнительной власти как на федеральном (Национальный проект «Образование»), так и на местном уровне (пример – проведенный Администрацией Новосибирской области конкурс Центров инновационных компетенций) по ускоренному реформированию этой сферы, приданию ей динамизма и четких ориентиров развития.

Что касается непосредственно нашего исследования, то в качестве основного метода сбора социологических данных применялось экспертное интервью «Инновационный потенциал вуза». Была разработан сценарий такого интервью, включающий в себя следующие блоки, по которым структурировалось мнение эксперта:

1. принципы построения и опыт реализации политики вуза по поиску и отбору абитуриентов, довузовская подготовка;
2. соотношение видов финансирования, удельный вес федерального, местного и собственного;
3. состояние и перспективы обновления материально-технической базы учебного процесса, в том числе по направлениям подготовки (как существующим, так и перспективным);
4. роль вуза в регионе – учет региональных интересов при формировании и реализации программ подготовки, вуз как экспертный центр, вуз как работодатель;
5. научно-исследовательская работа в вузе – направления, роль в учебном процессе, сверхзадача;
6. качество профессорско-преподавательского состава, перспективы его переподготовки и обновления;
7. анализ опыта открытия новых факультетов, кафедр и специализаций – цели, ресурсы, учет интересов рынка труда и т.д.
8. состояние сегмента послевузовского и дополнительного образования; аспирантура и докторантура;
9. миссия вуза, степень управляемости и автономии вуза.

В качестве экспертов привлекались, как правило, руководители вузов (проректоры по учебной и научной работе).

Таким образом, и это обстоятельство необходимо специально подчеркнуть, в ходе исследования представление об инновационном потенциале конкретного вуза определялось на основе анализа целой системы оценок и показателей, выявлялось **наличное** состояние важнейших компонент деятельности учебного заведения, степень осознания руководством вуза его перспектив, способов достижения поставленных целей, методики достижения желаемого уровня взаимодействия с социальным окружением. Интегральным показателем инновационного потенциала вуза выступало, таким образом, желание и способность руководителей вуза строить перспективные планы его развития, опираясь на новейшие тенденции развития рынка труда, экономики в целом, степень осознания того, что современная, достаточно благоприятная ситуация в ВПО может измениться, а в условиях конкуренции преимущество,

и весомое, получают прежде всего те вузы, которые правильно расставили ориентиры и смогли выстроить в соответствии с ними свою стратегию.

Один из важнейших критериев высокого уровня инновационного потенциала – степень востребованности выпускников вузов на рынке труда. Между тем в современной российской высшей школе «зоны профессиональных потерь», по сути, выявляются уже на стадии самого обучения. Как показывают многочисленные социологические опросы, проводимые среди студентов, заметное их число вовсе не собираются работать по профилю обучения. Здесь особенно выделяются студенты педагогических (до 70–75 %) и аграрных (свыше 60 %) вузов, что связано и с состоянием оплаты труда в сфере образования и сельского хозяйства, и с престижностью этих отраслей. Но достаточно много и тех, кто оказывается не в состоянии найти себе работу по специальности. Причины подобной ситуации можно разделить на две группы. Первая – это следствие продолжающейся подготовки в ряде технических вузов специалистов узкой специализации, по лекалам советской промышленной эпохи, без должного учета серьезных изменений в реальной потребности экономики, происшедших в связи с закрытием ряда производств, сокращением масштабов деятельности у многих из оставшихся или их перепрофилирования. Вторая – ориентация на моду (а в большинстве случаев – и сознательное формирование подобной моды) в среде абитуриентов, без оценки перспектив рынка труда и своих потенций в подготовке соответствующих кадров. Пожалуй, самым наглядным примером в данном случае может служить набор студентов на экономические и юридические факультеты, причем в институтах, где он никак не соответствовал их многолетнему профилю, и во многих коммерческих вузах. [4]

Недоверие работодателей к традиционной системе массового профессионального образования стало особенно сильно проявляться в последние годы. Исследования, проведенные в рамках мониторинга экономики образования, инициированного ГУ - ВШЭ, показывают, что:

- ♦ только за последние годы доля предприятий, не сотрудничающих с вузами, упала с 51 до 70%. Особенно заметно снизилась распространенность такой важнейшей формы сотрудничества предприятий с вузами, как стажировки и производственные практики студентов;

- ♦ предприятия за последние годы создали собственную систему переподготовки и дополнительного образования. 29% предприятий, опрошенных по репрезентативной выборке, ведут собственную образовательную деятельность: 15% – имеют курсы переподготовки, 11% – учебные центры, по 2% – ПТУ, колледжи и вузы.

- ♦ Работодатели также предпочитают направлять работников на обучение на другие предприятия, а не в официальные образовательные учреждения, которые, таким образом, теряют рынок дополнительного профессионального образования;

- ♦ с точки зрения нанимателя, наиболее важной характеристикой потенциального работника является не качество полученных им знаний и

профессиональных компетенций, а опыт работы. Это, с одной стороны, свидетельствует о том, что получаемые в процессе обучения знания и умения в массе своей не востребуются, а с другой – приводит к тому, что обучающиеся массовым образом начинают работать еще до окончания учебного заведения.

♦ недоверие к системе профессионального образования стало повсеместным явлением. В то же время работодатели могли бы оказывать большее влияние на систему профессионального образования. Это демонстрируют крупнейшие российские предприятия, которые, с одной стороны, предъявляют высокие требования к качеству рабочей силы, а с другой – активно сотрудничают с образовательными учреждениями. [5]

С точки зрения работодателей Новосибирска, наиболее серьезной проблемой для высшего образования (в данном случае речь идет о выпускниках таких вузов как Новосибирский государственный технический университет и Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики) является отсутствие у выпускников навыков решения конкретных производственных задач. На первое место эту проблему поставили работодатели обеих направлений. На второе место по значимости работодатели направления «информационные технологии» поставили низкую активность вузов при реализации совместных проектов по подготовке студентов, серьезной проблемой является также слабый учет реальных проблем отрасли при организации учебного процесса. Что касается работодателей по направлению «машиностроение», то они также указали на необходимость более адекватного учета реальных производственных проблем при организации учебного процесса.

Работодателей также попросили высказать свое мнение о профессиональных качествах идеального выпускника по их направлению профессиональной специализации, что могло бы служить основанием для коррекции существующих планов подготовки «информационные технологии», конкурентоспособный выпускник по данной специальности должен, в первую очередь, обладать знанием современных технологий и умением их правильно использовать; немаловажное значение имеет также наличие таких качеств как умение применять теоретические знания для практического решения задач, высокая адаптивность к изменчивому внешнему миру, способность генерировать новое на базе полученных знаний. Наименее востребованное качество – выгодно позиционировать себя на рынке труда.

Что касается направления «машиностроение», то здесь портрет идеального выпускника немного иной, он должен включать такие качества как способность находить общий язык с разными людьми и конструктивно участвовать в деловых переговорах, рабочих встречах, а также обладать знанием современных технологий и умением их правильно использовать, способностью применять теоретические знания для практического решения задач. Наименее востребованное качество - удачливость в делах.

Большинство работодателей признавали, что приходящие к ним молодые специалисты нуждаются в тех или иных видах дополнительной подготовки, с

целью адаптации к специфическим требованиям компании. Необходимость и специфика подобного рода дополнительного образования также может служить важным показателем качества полученного выпускником образования.

С точки зрения работодателей по направлению «информационные технологии», главной проблемой для молодых специалистов остается недостаток практических навыков и умений (почти 24% ответов); этот же недостаток еще более выражен с точки зрения работодателей по направлению «машиностроение» - более 43%. На втором месте по значимости, причем вновь для представителей и той, и другой группы работодателей, следует поставить отсутствие опыта работы в команде: 19 и 26% ответов соответственно. Работодатели по направлению «информационные технологии» обращают внимание также на такие стороны профессиональной подготовки как незнание традиций и специфики отрасли, недостаточное владение иностранными языками и психологическую незрелость молодых специалистов в своей отрасли.

Для работодателей по направлению «машиностроение» относительную, хотя и гораздо менее выраженную значимость, имеют такие аспекты как недостатки в специальной теоретической подготовке и незнание традиций и специфики отрасли.

В целом работодатели по направлению «машиностроение» не выразили большой озабоченности относительно качества подготовки молодых специалистов. В частности, ранжируя причины того, почему выпускники не закрепляются на том или ином предприятии, чаще всего назывались недостаточный размер заработной платы (32% ответов) и отсутствие перспектив в решении жилищного вопроса (24% ответов), т.е. факторы, не имеющие прямого отношения к проблеме качества образования. Для работодателей по направлению «информационные технологии», напротив, важное значение имеют такие факторы как неготовность к ежедневному труду, к самостоятельной работе (18,2% ответов), неумение применять полученные знания (13,6%), слабая специальная подготовка (13,6 % ответов). Т.е. их запросы носят выраженный рыночный характер.

Для получения целостной картины аналогичный сравнительный анализ был сделан и в отношении мнений преподавателей профильных дисциплин на выпускающих кафедрах. Различия в оценках, обусловленные профессиональной спецификой респондентов из числа *преподавателей* выпускающих кафедр, также весьма значительны. Около 17% преподавателей по специальности «машиностроение» указали эффективность такой меры как «проведение регулярной внутренней самооценки деятельности кафедры», тогда как среди преподавателей по специальности «информационные технологии» таких не было вообще. Напротив, самой эффективной мерой (25% ответов), с точки зрения преподавателей по специальности «информационные технологии», могла бы стать модернизация материально-технической базы кафедры, тогда как по специальности «машиностроение» этот критерий указали лишь немногим более 11% опрошенных. Более 16% респондентов, работающих на кафедрах со специализацией в области машиностроения, указали такую меру

как «увеличение финансирования со стороны государства», тогда как среди «информационщиков» с эффективностью такой меры согласны лишь чуть более 6% ответивших. Здесь, напротив, большего эффекта ожидают от увеличения заработной платы преподавателей (около 22% ответов), при этом не важно, за чей счет – государства или других потребителей образовательных услуг – оно будет произведено. В данном случае мы вновь сталкиваемся со спецификой направлений подготовки: для машиностроения более характерным является традиционный расчет на помощь государства, тогда преподаватели направления «информационные технологии» в большей степени рассчитывают на рыночные механизмы как при оценке своего труда, так и для повышения эффективности профессиональной подготовки в целом.

Полученные результаты позволяют сделать ряд важных выводов. Прежде всего, становится очевидной необходимость выстраивания более адекватных требованиям рынка труда образовательные стратегии в вузах (пример – развитие центров инновационных компетенций). В то же время следует понимать, что быстро этого не сделать, как в силу инерционности самой системы высшего образования, так и отсутствия у самих работодателей навыков формулировки своих запросов. Косвенным доказательством этому может служить тот факт, что работодатели, в подавляющем большинстве, не очень активно идут на сотрудничество с вузами (в данном случае имеется в виду практика чтения лекций, руководство производственной практикой, дипломными работами, и т.д.). К сожалению, за годы реформ вузы и предприятия во многом разучились сотрудничать, не было заинтересованности друг в друге. По выражению министра образования и науки РФ А. Фурсенко, «образование оуклилось и замкнулось на себя», ему еще предстоит научиться оперативно реагировать на запросы рынка труда, тому, что так хорошо научилась делать американской системы образования, на сегодняшний день самая эффективная в мире. [5]

На уровне регионов назрела необходимость создания общественного совета с включением в него представителей работодателей (в Новосибирске инициатором могла бы стать Межрегиональная ассоциация руководителей предприятий), образовательных учреждений и органов власти (управлений высшего и дополнительного профессионального образования), с целью разработки стратегического плана взаимодействия работодателей и учреждений профессионального образования. Для непрерывного анализа ситуации необходимо продолжить исследования связки «вузы – рынок труда» в мониторинговом режиме, на методологической и методической базе уже проведенных исследований.

В заключение необходимо еще раз подчеркнуть, что в современных условиях вуз, претендующий на право называться инновационным, должен отвечать целому набору критериев. Прежде всего, выпускники такого вуза должны пользоваться спросом на рынке труда, охватывающем высокотехнологичные, инновационно-перспективные отрасли экономики, ее инновационную среду. В таком случае вуз выступает одним из лидеров регионального инно-

вационного процесса. Наконец, подобный вуз должен быть сам способен на создание инноваций в любых сферах, будь то сферы высоких технологий или передовых методов управления и т.д., создавая собственные научные продукты.

Примечания

1. Все приводимые в статье эмпирические данные являются результатом полевых исследований 2006 - 2007 г., проведенных *А.М. Аблажеем и Д.В. Ушаковым*

2. Формирование профессиональной направленности студентов вузов как составляющая процесса подготовки конкурентоспособного специалиста. Стенограмма «круглого стола». НГТУ, 05.10.2007. Новосибирск, Изд-во НГТУ, 2008

3. Подробнее на эту тему см.: *И. Федюкин*. Управление спросом и предложением на российском рынке образования // Отечественные записки, 2007, № 3

4. *А.Д. Попов* Демографическая база профессионального образования: современное состояние и перспективы до 2025 г. / [Электр. ресурс]: <http://www.macroeconomics.ru/Porov2006.doc>

5. Текст доклада «Готова ли Россия инвестировать в свое будущее?» взят с официального сайта ГУ – ВШЭ / [Электр. ресурс]: http://www.hse.ru/temp/2007/09_21_palata.shtml

6. *С. Гуриев*. Америка и российское высшее образование // Pro et contra. 2007, № 2. – С. 42 - 53

ablazhey@philosophy.nsc.ru

ЛЕГИТИМНОСТЬ ВЛАСТИ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА КАК КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ПРАВОВОЙ ТЕОРИИ*

В. Н. Карпович

Институт философии и права СО РАН

Зачастую концептуальные конструкции обсуждаются вне связи их друг с другом, хотя на самом деле эта связь очевидным образом предполагается. Характерным примером являются в теории права понятия легитимности и политических обязательств. Например, не всегда дают ясный ответ на простой вопрос: как соотносятся понятия легитимной публичной власти и долг подчинения ей?

Для теории политических обязательств важно понять, какой характер носит соединение легитимности и политических обязательств – фактический или логический? Очевидно, например, что лебедь как биологический вид *по определению, т.е. логически*, не включает цвет оперения, хотя по преимуществу лебеди белые. По поводу легитимности и политических обязательств не всегда ясно, включает ли понятие легитимности публичной власти обязанность ей подчиняться?

По большей части, авторы, которые пишут о соотношении легитимности и политических обязательств, предполагают долг подчинения. Так, Дж.Раци пишет: "из легитимности власти для поданных вытекает обязанность подчиняться ей" [Raz J. Authority and Consent. – 67 Virginia Law Review, № 103, p.117. 1981]. Анскомб придерживается того же мнения: "Власть - это право на подчинение себе в области компетенции" [Anscombe E. On the Source of the Authority of the State. - Ratio, № 20, p.3. 1978]. Иначе говоря, если граждане власть признают, то обязаны подчиняться закону, установленному этой властью. Тем не менее, остается чисто логический, концептуальный вопрос: какой характер носит эта импликация - материальный или формальный? Иначе говоря, предполагаемая связь фактическая или логическая?

Теоретически можно исходить из того, что связь здесь логическая. Тогда из легитимности власти, ее признания, вытекают политические обязательства, т.е. необходимость подчиняться установленным этой властью законам. Конечно, сам по себе такой анализ методологически сомнителен, если считать это способом обоснования политических обязательств. Даже онтологическое доказательство бытия Бога, т.е. доказательство его существования из факта существования понятия о Боге - предприятие довольно сомнительное. Во всяком случае, многие известные и глубоко верующие люди его не принимали. Так же и с политическими обязательствами - включать их в опреде-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект 07–03–00605а).

ление легитимной публичной власти для доказательства их существования было бы странно.

На самом деле, для обоснования политических обязательств приходится прибегать к дополнительным характеристикам той или иной существующей публичной власти, которые могли бы обуславливать долг повиноваться ей. В качестве таковых могут выступать любые основания признания легитимности власти. Например, из факта общественного договора как основания легитимности может вытекать обязанность соблюдать законы - в этом случае политическое обязательство просто является частью контракта власти и гражданина.

Ясно, что в самом понятии права и закона заложена претензия на соблюдение. Однако как и насколько оправдана ли эта претензия - это большой философский, он же мировоззренческий вопрос. Отсюда многочисленные попытки обоснования позитивного права, и различные интерпретации теоретических оснований права, например, естественно-правовая теория. Любая теория права должна оправдать возможность обоснованного насилия, так как это является минимальным условием легитимности власти.

Отметим, что даже фактическое соблюдение законов всеми гражданами не может служить аргументом для политических обязательств. Допустим власть установила такие законы, что до сих пор случаев несогласия с ними не возникало. Однако отсюда никак не следует, что они не могут возникнуть, и что власть может всегда рассчитывать на подчинение. С этой точки зрения известный аргумент в пользу соблюдения законов "от прошлого согласия", - пока тебя не касалось, ты с законами соглашался, а теперь, когда тебя коснулось, ты возражаешь и сопротивляешься, - очевидно не правилен, хотя и очень распространен. Так, это один из аргументов Сократа в диалоге Платона "Критон", который Сократ выдвигает как основание для соблюдения приговора суда и отказа бежать из тюрьмы перед казнью.

В более общем случае, любая фактическая, материальная связь легитимности и политических обязательств не доказывает, что конкретный человек в конкретном государстве должен подчиняться законам. Пусть из легитимности следует обязательность, т.е. обязательность есть необходимый признак легитимности. Но ведь может оказаться, что вообще ни одна власть, ни одно правительство не является легитимным. Из того, что у единорога один рог, не следует, что у барана один рог - как известно, баран не единорог, и к тому же единороги не существуют. Понятие "легитимного правления" вообще может оказаться пустым. Наоборот, легитимность может как раз проистекать из тех же характеристик, из которых вытекают обязательства подчинения власти, обязательство следования законам, и тогда она очевидным образом будет достаточным признаком легитимности - но "по определению". Это значит, что для обоснования легитимности *сначала* требуется обосновать политические обязательства, а значит, само понятие легитимности не является существенным для рассуждений о политических обязательствах.

Тем не менее, связь легитимности и политических обязательств, в любой ее разновидности, формальной или материальной, может быть значимой и важной.

Во-первых, эта связь позволяет выявить некоторые предпосылки, которые люди не всегда осознают. Например, возможна ситуация, когда люди соглашаются с легитимностью власти, но не согласны принять на себя политические обязательства. Выявление концептуальных взаимосвязей в этом случае обнаруживает, что, признавая возможность применения насилия (легитимность), они также должны признать и необходимость подчинения закону, т.е. принять на себя политические обязательства. А отказ от политических обязательств означает и отказ от признания легитимности власти - что не всегда и не все понимают.

Во-вторых, бывает так, что люди по-разному оценивают значимость логически эквивалентных утверждений. Например, не всякий согласится считать факт существования черных ворон подтверждением для гипотезы «Все лебеди белые», хотя последнее утверждение логически эквивалентно высказыванию «Ни одна из птиц, не являющихся белыми, не лебедь». Почему-то легче соглашаются с тем, что существование черных ворон (не белая птица и не лебедь) подтверждает вторую, но не первую из логически эквивалентных гипотез. То же самое верно для легитимности и политических обязательств. Например, указание на то, что без власти и законов жизнь в обществе практически невозможна, - что в свое время сильно впечатлило Гоббса как свидетеля ужасов гражданской войны, и привело к его теории государственного суверенитета - легко признается относительно в качестве обоснования легитимности фактически *любой* власти. Но тогда необходимо принять на себя и политические обязательства по соблюдению всех предписаний, всех законов, а это почему-то вызывает возражения.

В-третьих, связь легитимности и политических обязательств позволяет проследить последствия тех или иных соглашений относительно границ и пределов публичной власти. Например, часто провозглашается признание легитимности власти, но при этом не вообще упоминаются политические обязательства. Тем самым как бы остается открытым вопрос о том, следует ли принимать на себя политические обязательства по соблюдению законов, и если следует, то в какой мере. Подразумевается, что из признания власти не вытекает соблюдение всех законов, что существуют еще дополнительные основания, *кроме легитимности*, для соблюдения норм права - например, моральные нормы, которые являются более фундаментальными по отношению к нормам права. Однако вряд ли такие соображения об отсутствии соподчиненности понятий легитимности и политических обязательств вовсе не очевидны *по умолчанию*, они нуждаются в аргументации.

И еще важное замечание. Если мы признаем связь легитимности и политических обязательств, то это вовсе не значит, что мы принимаем на себя какие-то конкретные политические обязательства или признаем легитимность какой-то власти. Это всего лишь признание связи двух утверждений.

Для конкретного принятия обязательств (или, соответственно, признания легитимности) необходимы некоторые фактические обстоятельства. С этой точки зрения выявление концептуальной связи между политическими обязательствами и легитимностью, какая бы она не была, еще не означает возникновения политических обязательств или легитимности.

Сами по себе и политические обязательства, и признание легитимности суть конкретные правовые или моральные отношения, а не нормы права и даже не моральные законы. Политические обязательства, как и юридические или моральные обязанности, могут относиться лишь к реализации права или, соответственно, морали. Ни легитимность, ни политические обязательства не являются моральными или правовыми нормами, а потому не могут фактически утверждаться без ссылки на конкретные обстоятельства, которые, наряду с нормативными принципами, представляют собой необходимую предпосылку возникновения соответствующих отношений.

xyz@philosophy.nsc.ru

О ПОЛИТИЧЕСКОЙ СУБЪЕКТНОСТИ*

А. А. Шевченко

Институт философии и права СО РАН

В последнее время часто можно слышать выражение «кризис субъектности». В философии морали и права этот кризис связан с проблемой изменения границ ответственности и определения субъекта ответственности – ретроспективной и перспективной. Эта проблема становится особенно острой в условиях глобализации и в ситуации конфликта частных и общих норм – как права, так и морали. «Поиски субъекта» не прекращаются и в философии политики. Крайним выражением проявления кризиса субъектности (или, как иногда говорят в отечественной общественной науке, «кризиса субъективности») часто считают саму утрату субъектности.

Понятно, что в реальной политике политические субъекты продолжают действовать, речь здесь идет о «потере» субъекта в теории, то есть, об осознании того, что привычные концептуализации политических субъектов либо весьма приблизительно фиксируют реалии современного общества (например, такой субъект, как «социальный институт»), либо недостаточно хорошо определены (например, «политический индивид»), либо сомнительны в силу целого ряда причин теоретического и практического характера («классы» или «нации»). Кроме того, в условиях глобализации создаются новые временные

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 08-03-00569а

и постоянные альянсы, институты и организации с полномочиями и обязанностями, не всегда ясными как с моральной, так и правовой точки зрения, однако участвующие в выработке и принятии политических решений. Теоретические трудности усугубляются огромным разнообразием подходов, что подчас ведет к несоизмеримости словарей. Политическая субъектность исследуется при обсуждении проблем и концепций демократии, глобализации, власти, справедливости. Часто эта проблематика обсуждается и на языке (само)идентичности и (само)идентификации.

«Новейший политологический словарь» (1997) выделяет две основные характеристики политической субъектности: 1) сознание, необходимое для практического осуществления политических целей и идеалов, которое включает знание об объекте, а также ценностно-оценочную шкалу; 2) активность (само реальное действие). Представляется, что первого условия для формирования полноценной политической субъектности явно недостаточно. Вместо сознания существенной характеристикой политической субъектности имеет смысл считать рациональность, причем рациональность особого вида – коллективную, а в качестве минимального требования к политическому субъекту – наличие способности различать между рациональностью индивидуальной (преследованием личного интереса) и рациональностью коллективной (понимаемой как стремление к достижению общего блага, основанное на ясном осознании издержек и выгод такого поведения).

Дополнительно следует отметить существенные различия между субъектом моральным и субъектом политическим. Одним из таких отличий является то, что для политического субъекта *способность к коллективному действию* является необходимым условием его конституирования, в отличие от субъекта морального. Именно способность индивида к совместным действиям с другими людьми, действиям, которые могут привести к изменению ситуации в обществе, делают его политическим субъектом.

Что касается активности, понимаемой как способность к действию или как квинтэссенция воли, то П. Рикер, например, также считает, что в качестве своего «антропологического введения» политическая философия нуждается в размышлении над проблемой «человека могущего»[1]. Воля, переходящая в действие, – действительно необходимое условие, позволяющее выделять из апатичной массы политических субъектов. Однако регулярные, системные, систематические действия лучше описывать на языке «участия». Главный фвопрос заключается в том, что значит в современном мире политическое участие? Ограничивается ли оно двумя, теперь уже стандартными формами: 1) участием в некоторых формальных процедурах, имеющих целью повлиять на власть, например участием в выборах; 2) участием в публичном и рациональном дискурсе в духе Хабермаса? Основания для сомнений возникают вследствие радикального расширения сферы политического в современном обществе, что неизбежно ведет к пересмотру соотношения между публичным и частным. Можно вполне согласиться с Т. Алексеевой в том, что именно здесь следует искать политическое, а не через определение друзей и врагов

[2]. А уже внутри сферы политического мы сможем начать поиски политических субъектов.

Еще более общий подход к поиску политической субъектности формулирует современный французский философ Жак Рансер, который пишет, что «политика не может определяться никаким субъектом, который ей предшествовал бы. Именно в форме политических отношений следует искать политическое «различие», позволяющее мыслить субъект политики»[3]. Идея о том, что человек – продукт общественных отношений, конечно, не нова. Интерес здесь представляет акцент на специфике отношений, формирующих политическую субъектность. Это отношения именно и сугубо политические. До и вне таких отношений политические субъекты не существуют.

Таким образом, поиски политической субъектности ведутся в двух направлениях: как поиски свойств субъекта (сознание, рациональность, способность к коллективному действию), и как поиски отношений, задающих саму область политического. Представляется, что именно второй путь является сейчас наиболее перспективным. А поиск специфики политического, в свою очередь, неизбежно связан с переосмыслением соотношения между публичным и частным.

В целом представляется, что тезис о кризисе или даже «утрате» субъектности чересчур пессимистичен. Плывущие границы политического, конечно, сильно затрудняют задачу идентификации политических субъектов. Однако описание политической субъектности в системе как свойств, так и отношений, дает вполне достаточные возможности для продолжения философской работы.

Примечания

1. Рикер П. Мораль, этика и политика // Герменевтика, этика и политика. М., 1995. С. 39.
2. Алексеева Т.А. «Публичное и «частное»: где границы «политического»? // Философские науки. № 4, 2005. С. 15.
3. Рансер Ж. На краю политического. М., 2006. С. 197.

xyz@philosophy.nsc.ru

НЕОПОЗИТИВИЗМ КАК АЛЬТЕРНАТИВА НАТУРАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ ПРАВА

А. Б. Дидикин

Новосибирский государственный университет

В аналитической философии права существует множество философско-правовых концепций, в которых представлены различные способы анализа и интерпретации структуры правовой реальности. Одним из важнейших факторов развития аналитической философско-правовой традиции в настоящее время становятся попытки прямого применения философской и научной аргументации основных концепций философии науки к анализу традиционной философско-правовой проблематики. Тем самым конкуренция основных методологических подходов в философии права XX в. (натурализм, позитивизм, реализм) в настоящее время превращается в научную дискуссию о поиске наиболее обоснованной аргументации, модели юридического объяснения и альтернатив процессу «натурализации юриспруденции» в современной эпистемологии права.

Наибольшее значение в качестве альтернативы натурализации эпистемологии права составляют идеи правового неопозитивизма Г. Харта, его последователей и критиков (Р. Дворкина, Дж. Холла, Дж. Рэза, Л. Фуллера) [1]. Специфика методологического подхода Г. Харта проявляется в переосмыслении традиционных философско-правовых проблем, в том числе онтологии права, с позиции эмпирического уровня познания государственно-правовых явлений и в контексте анализа эмпирического содержания юридических конструкций, языка и логической структуры правовых норм. Г. Харт стремится последовательно применять аналитический метод при определении границ правовой сферы. В этом смысле предметом исследования является не «позитивное право» в целом, а его отдельные элементы: позитивное право включает в себя различные источники права (законы, обычаи, доктрины, прецеденты), законы состоят из правовых норм, а нормы – из правил [2]. Тем самым главной категорией для Харта становится «правило», то есть правовое высказывание о наличии либо отсутствии определенных правоотношений и их структурных элементах.

Философские основания теоретических взглядов Г. Харта образуют постулаты и методологические установки лингвистической философии (Л. Витгенштейн, Г. Райл, С. Хэмпшир), критика классического «правового позитивизма» (И. Бентам, Дж. Остин) и неокантианской концепции «нормативизма» (Г. Кельзен), разработка понятия «*аскрипции*» как специфической формы правовых высказываний, позволяющих выражать содержание социальных феноменов в языке юридических терминов.

В неопозитивистских правовых теориях (до Г. Харта) предпринимались попытки использования принципа верифицируемости правовых высказыва-

ний. Но фактически суть верификации в праве предполагала не эмпирическое подтверждение данными опыта и редукцию к «предложениям наблюдения», а только многократное сопоставление с нормами действующего законодательства. Правоприменение, однако, искажало установленное значение правовой нормы, что вносит момент «неопределенности» в толкование и концептуальное прояснение действительного функционирования и взаимодействия «права» и «закона». Этим обусловлена популярность философских идей «позднего» Л. Витгенштейна и их использование в философско-правовых исследованиях, в частности проблема «следования правилу» и разработка концепции «семейных сходств». Потребность в изучении повседневного «естественного» языка права и юридической практики становится общепризнанной [3]. Поэтому отдельные авторы вслед за Витгенштейном отмечали, что верифицируемы не высказывания в структуре правовых правил, а их наблюдаемые проявления в правоприменительной деятельности.

Л. Витгенштейн указывает на парадокс процедуры следования правилу: «ни один образ действий не мог бы определяться каким-то правилом, поскольку любой образ действий можно привести в соответствие с этим правилом» [4] Отсюда следует, что если любое поведение можно привести в соответствие с правилом, то любое действие можно *сделать* и противоречащим ему. То есть правило описывает определенную ситуацию «языковой игры» и в этом смысле имеет дескриптивное содержание. Для применения правила необходима его интерпретация, чтобы разграничить «правильные» и «неправильные» действия. Однако Л. Витгенштейном показано, что интерпретация не устраняет проблемы, ибо одна формулировка правила фактически заменяется другой [5]. Кроме того, сложно распознать допущенные ошибки в следовании правилу, так как отсутствуют внешние санкции, налагаемые в случае нарушения действующих правил. Поэтому Витгенштейн отвергает возможность существования «индивидуального языка» и, соответственно, «индивидуального следования правилам», поскольку именно социальный контекст определяет практику употребления языка [6]. Тем самым возникает проблема применения общих правовых правил к конкретным ситуациям.

В правовом реализме делается акцент на юридических следствиях проблемы следования правилу. «Реалисты» полагают, что Витгенштейн указывал на неопределенность правил, в то время как определенность правовых правил необходима для оценки легитимности правовой системы и обеспечения режима «господства права» (М. Ташнет, Дж. Бойл). «Антиреалисты» же оспаривают возможность применения философских идей Витгенштейна к правовой сфере, считая, что его вывод касается многообразия употребления языковых выражений (А. Мармор, Б. Лангилл) [7]. В этом смысле для Г. Харта изучение правового явления предполагает анализ не только концептуальной структуры и регулирующего воздействия правовой нормы, но и специфики ее применения к реальному человеческому поведению.

Представления Г. Харта об аскриптивной форме правовых высказываний в немалой степени сформированы на основе концепции «перформативов»

Дж. Л. Остина и «логического бихевиоризма» Г. Райла. В частности, Дж. Л. Остин утверждал, что помимо констативных высказываний, имеющих дескриптивное содержание, существуют перформативные высказывания, выражающие действия говорящего: «произнося перформативное высказывание, мы всегда осуществляем некоторый акт или, что то же самое, выполняем некоторое действие» [8]. Тем самым перформативы не являются дескриптивными выражениями, не могут быть истинными или ложными высказываниями и их произнесение совпадает с совершением действия. Используя идею Дж. Остина о том, что с помощью перформативов реализуются юридические акты, Г. Харт разрабатывает понятие «аскрипции» как специфической формы правовых высказываний, позволяющих выражать сущность социальных феноменов в языке юридических терминов. Поскольку указанное понятие «аскрипции» становится основой для построения Хартом правовой онтологии, он опирается также на аргументацию Г. Райла в пользу «логического бихевиоризма», согласно которому анализ ментальных состояний возможен через внешнее поведение субъекта [9]. В этом смысле тезис о необходимости разграничения «внешней» и «внутренней» точек зрения на правовые правила основан на эмпирических аргументах как результате анализа правового поведения субъектов права.

Однако отношение самого Г. Харта к бихевиористским концепциям в 50-е гг. в процессе создания собственной неопозитивистской философско-правовой теории было неоднозначным и изменчивым. Влияние Дж. Л. Остина и Г. Райла доминирует в ранних работах Г. Харта, где делается акцент на логических способах анализа условий существования объектов высказывания и на аскриптивных формах юридических высказываний, которые отождествлялись им с реальными действиями субъекта [10]. Позднее Харт будет утверждать, что при анализе значений правовых терминов важно учитывать намерение говорящего и признание этого намерения другим субъектом коммуникации, а в случае неопределенности возможно применение общих «нелогических» правил, в частности принципов «естественного права» к правовым ситуациям [11].

Мнения исследователей о философской позиции Г. Харта расходятся. Одни авторы полагают, что им используется логический анализ нормативных правовых высказываний и «некогнитивистская» оценка правовых обязательств, когда основанием для действия становится суждение субъекта о возможности признания определенных фактов в качестве оснований такого действия [12]. Другие указывают на непоследовательность Харта в следовании Д. Юму, поскольку, разделяя «должное» (мораль) и «сущее» (право), он тем не менее «должное» выводит из «сущего» [13]. Более обоснованной представляется точка зрения П. Дэйвиса о критике Хартом двух теорий человеческого поведения: «старой» теории (корреляция «действия» и «намерения» как ментального события) и «современной» теории (связь физических движений и последствий выбора способа поведения). В этом смысле в теории Г. Харта юридические действия *аскриптивны*, то есть физические движения

становятся юридическим «действием», если субъект принимает за них ответственность или может принять ответственность. Однако очевидно, что не все действия подлежат юридической квалификации и не все юридические высказывания верифицируемы; в частности, «судейское усмотрение», «равенство» и т.д. не сводятся к описанию и интерпретации реального поведения. Однако естественное и равное право каждого быть свободным Г. Харт рассматривает в контексте способности людей к выбору, а не волевого поведения субъекта [14].

В юридическом языке существует особый вид языковых выражений, основная функция которых состоит не в описании конкретных ситуаций, а в выражении правовых требований и в юридической квалификации событий, состояний и действий, придающей природным, социальным явлениям и процессам правовой смысл. Фактически Г. Харт переинтерпретирует проблему Витгенштейна в философско-правовом контексте: приведение в соответствие с правовым правилом означает «приписывание» юридического смысла, то есть имеет конструктивно-прагматический аспект. Но указанное понятие «аскрипции» становится основанием построения модели правовой реальности, задает структуру его правовой онтологии. Эмпирический аргумент в его теории предполагает существование правовых феноменов лишь в рамках системы правовых правил. Тем самым право является самодостаточной логической системой, в которой истинные правовые решения дедуцируются из общих правовых правил [15]. Государство в этом смысле представляет собой совокупность должностных лиц, наделенных властными полномочиями на основе «правил изменения». Далее вводится модель двухуровневой правовой системы, состоящей из «первичных» и «вторичных» правил. Таким образом, основой государственного устройства в правовом неопозитивизме становится не власть «суверена», а вторичные правовые правила как условия легитимности осуществления власти. В данном случае вторичные правила – это не основание для дедуктивного вывода, а социальный факт с эмпирическим содержанием, доступным верификации.

Каким же образом устанавливается наличие в обществе каких-либо правил и их соблюдения гражданами? Харт использует термин «регулярность», чтобы разграничивать «правомерное» и «неправомерное», правовые и моральные предписания с помощью выделения внешнего и внутреннего аспектов правила. Внутренний аспект предполагает анализ позитивного или негативного восприятия правил субъектом в качестве образцов поведения. Внешний аспект состоит в фиксации реального и «регулярного» соблюдения правила людьми, либо его нарушения или иного отклонения от соблюдения, а также факта признания правила в качестве стандарта «должного» поведения.

Фактически Хартом создается специфическая картина правовой реальности, поскольку механизм «аскрипции» становится универсальным средством познания и по содержанию более сложен, нежели логические приемы анализа. То есть в неопозитивистской интерпретации социальной реальности эмпирическим фактам *приписывается* аскриптивная форма и они становятся

нормативными фактами, которые воплощаются в структуре правовой нормы (закона, прецедента) и приобретают статус юридических фактов как основания возникновения правовых отношений.

Литература

1. См.: Hart H.L.A. Concept of law. Second edition. Oxford, 1994; Харт Г. Понятие права. Перевод с англ. Е.В. Афонасина, А.Б. Дидикина. Спб, Изд-во СПбГУ, 2007.
2. См.: Дидикин А.Б. Нормативизм Г. Кельзена и аналитическая традиция в современной философии права // Летняя философская школа «Голубое озеро-2005». Материалы. Новосибирск, 2005. С.157-162; Дидикин А.Б. Категория «правило» в аналитической философии права Г. Харта // Наука. Университет. 2005. Материалы научной конференции. Новосибирск, 2005. С.50-51; Дидикин А.Б. Современные интерпретации натурализма в аналитической философии права // Вестник НГУ. Серия «Философия». 2008. Т. 6. Вып. 1.
3. См.: Hart H.L.A. Concept of law. P. 279-280.
4. Витгенштейн Л. Философские работы. Ч.1. М.,1994. С.163.
5. Там же. С.163; см. также: Dickson J. Interpretation and Coherence in Legal reasoning (2005)// Stanford Encyclopedia of Philosophy (www.plato.stanford.edu).
6. См.: Грязнов А.Ф. «Скептический парадокс» и пути его преодоления // Вопросы философии. 1989. №12. С.145,149; Ладов В.А., Суровцев В.А. Витгенштейн, Крипке и «следование правилу» // Крипке С.А. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке. Под общ. ред. В.А. Суровцева. Томск, 2005. С.151; Сокулер З.А. Проблема «следования правилу» в творчестве Л. Витгенштейна и ее интерпретации // Современная аналитическая философия. Вып.1. М.,1988. С.131; Лебедев М. Проблема следования правилу в философии математики Л. Витгенштейна // Стили и методы математического мышления. СПб, 1999 и др.
7. См.: Arulanantham A.T. Breaking the Rules? Wittgenstein and Legal Realism // Yale Law Journal. 1998. Vol.107; Marmor A. The Nature of Law (2001) // Stanford Encyclopedia of Philosophy (www.plato.stanford.edu).
8. Остин Дж. Л. Перформативы-констативы // Философия языка. Ред.-сост. Дж.Р. Серл. – М., 2004. С.23; см. также: Остин Дж. Л. Как совершать действия при помощи слов? // Остин Дж. Избранное. М.,1999. С.19.
9. См.: Райл Г. Понятие сознания. М.,1999. С.13; Пассмор Дж. Сто лет философии. М.,1998. С.459.
10. См.: Hart H. L. A. A Logician's Fairy Tale // The Philosophical Review. 1951. Vol. 60. No.2. – P.212; Hart H. L. A. The Ascription of Responsibility and Rights // Essays on logic and language. 1951. Vol.7. P.145-166; Hart H.L.A. Signs and words // The Philosophical Quarterly. – 1952. Vol. 2. No.6. P.62.
11. В совместной с С. Хэмпишром статье 1958 г. Харт отмечает, что «определенность приходит в момент решения и действительно конституирует

решение» как результат анализа причин, а не фактов (Hampshire S., Hart H.L.A. Decision, intention and certainty // Mind. 1958. Vol.LXVII. No.265. P. 3).

12. См.: Hacker P. Definition in Jurisprudence // The Philosophical Quarterly. 1969. Vol. 19. No.77. P.343; Postema G. Essays on Bentham: Jurisprudence and Political Theory by H. Hart // The Philosophical Review. 1985. Vol. 94. No.4. P.573.

13. См.: Boos E. J. The misapplication of the “Is-Ought” distinction and the role of justice in Hart’s legal theory // Sokoine University Law, Vytautas Magnus University. 2003. No.10. P. 4, 5.

14. См.: Davis P.E. “Action” and “Cause of Action” // Mind. 1962. Vol. 71. No.281. P.93; Hart H.L.A. Are there any natural rights? // The Philosophical Review. 1955. Vol. 64. No.2. P.175.

15. См.: Hart H.L.A. Positivism and separation of law and morals // Philosophy of law. Oxford, 1977. P.14-37.

abdidikin@bk.ru

Раздел I

Социальные исследования

ОБРАЗ СЕМЬИ В РИСУНКАХ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ

М. А. Абрамова

Институт философии и права СО РАН

Социокультурная трансформация семейно-брачной сферы, обусловленная политическими, экономическими реформами современного общества приводит к появлению таких негативных тенденций как снижение рождаемости и брачности, увеличение доли незарегистрированных браков и числа рождений у женщин, не состоящих в зарегистрированном браке. Существенную роль в этих процессах играют ценностные ориентации населения. Анализ таких ориентаций очень важен для прогноза демографических процессов. Особенно актуальным становится анализ мнений молодежи, для большей части которой демографические проблемы пока представляются прожективными. Выбор именно учащейся молодежи обусловлен тем, что с одной стороны – это наиболее мобильная часть молодежи, а с другой – для нее проблемы семьи ближе и понятнее: выбирать, что важнее, хорошее образование или хорошая семья, нередко приходится во время учебы.

По данным статистики в демографическом поведении населения России и, в частности, в Республике Саха (Якутия), произошли существенные изменения. Так, за период 1990 – 2004 гг. процент детей, рожденных вне зарегистрированного брака, у городских женщин [1] увеличился в два раза в Республике Саха (Якутия) – с 17,7 до 36,6%, а по России в целом – с 13,8 до 28,3% от общего числа рождений. Кроме того, за период 1994 – 2002 гг. у городских жителей произошло увеличение доли лиц, состоящих в незарегистрированном браке: в Республике Саха (Якутия) с 8,3 до 14,6%, по России в целом – с 5,8 до 9,0% от общего числа состоящих в браке. В Республике Саха (Якутия) это увеличение составило 75%, по России – 55% [2]. Таким образом, в Республике Саха (Якутия) эти процессы протекают более интенсивно, чем по России в целом. Это объясняется различиями в социально-экономическом положении региона и в структурных характеристиках населения (половозрастных, этнических и др.). Тенденции, описывающие изменения в демографическом поведении населения республики (начиная с 1990-х годов) относятся к периоду резких изменений в социально-экономической жизни страны, которые затронули все слои населения, в том числе и молодежь.

В ходе исследования, которое было проведено в г. Якутске в 2006-2007 гг. по гранту РАН «Социокультурная адаптация студенческой молодежи к усло-

виям современных трансформаций (на примере г. Якутска)» было опрошено 1117 студента г. Якутска в возрасте 18 – 29 лет: 877 саха, 199 русских, 41 представитель коренных малочисленных народов Севера. Подавляющая часть учащейся молодежи 18 – 29 лет в г. Якутске не состояла в браке (81,35% саха, 79,5% русских). Параллельно с вербальными методами исследования в процессе диагностики мы использовали – невербальные. В рамках данной статьи мы остановимся только на результатах проективной методики изучения семьи.

Перед студентами ставилась задача нарисовать на листе бумаги семью в том виде, как они ее представляют. Репрезентация образа семьи респондентами позволяет собрать информацию для проведения дальнейшего анализа характеристик семьи в целом, ее составе, разнообразии и.т.п. В то же время благодаря этому оказалось возможным создать палитру образов семьи, существующих в массовом сознании учащейся молодежи. Проблема классификации рисунков, изображающих семью, представляет собой очень трудную задачу. Мы использовали только смысловое содержание, которое смогли отобразить в виде 10 групп, наиболее полно отображающих, на наш взгляд, отношение к основным семейным ценностям (см. табл.1.).

Таблица 1.
Образ семьи в графических изображениях молодежи
Республики Саха (Якутия), %

№ п/п	Тип рисунка изображения семьи	%
1	Изображение семьи (людей)	64,1
2	Изображение дома	13
3	Изображение и дома и людей (в нем или около него)	6,4
4	Изображение взаимоотношений двух человек (сердце, двое)	1,0
5	Изображение только детей (младенец, коляска)	3,2
6	Изображение семьи (детей, родителей и домашних животных)	0,6
7	Изображение неполной семьи (один из родителей)	1,8
8	Изображение огромной семьи (семейное фото, генетическая схема, подсолнух)	2,0
9	Изображение семьи в виде абстрактной фигуры (позитивные: круг, обручальные кольца, коляска, дерево, камин, печка, кролик, воздушные шарики, руки и солнце, две руки, руки и алмаз, юрта и руки с солнцем, цветы, чайная пара)	7,6
10	Изображение семьи в виде абстрактной фигуры (негативные: узел, телевизор, мебель без людей, сердце и доллар, девочка у фотографии родителей, "Я", схема сокращения численности населения 4-2-1)	0,5

Наибольшее число рисунков было сделано в традиции реализма, т.е. были изображены конкретные участники семьи: родители и дети (64,1%). Для 13% респондентов семья – это, прежде всего, дом. Но имеют ли мысли о доме материальный аспект или это проекция абстрактного мышления респондента можно пока только предположить. Вполне вероятно, что данное изображение можно было бы отнести к группе позитивных абстрактных рисунков, доля которых составляет 7,6 % от общей численности. Однако сложность содержательной интерпретации данного рисунка пока не позволила сделать этот вывод.

Интересна группа рисунков, которую мы условно назвали «негативные абстрактные фигуры», поскольку появление таких ассоциаций на тему семьи, как узел, доллары и сердце, «Я», изображение телевизора или предметов мебели вместо семьи, является отражением определенной негативной эмоции респондента (ситуативной или постоянной). Также вызывает интерес появление рисунков, изображающих неполную семью (изображение одного из родителей) и семью без родителей (изображение только детей). По всей вероятности, эти бессознательно воспроизводимые ассоциации могут также свидетельствовать об определенном восприятии трансформации семейно-брачных отношений в настоящее время.

Анализ количества детей в рисунках, изображающих семью (см. табл.2.), позволил сделать предположение о существовании определенного стереотипа числа потенциальных детей, который формируется средой жизнедеятельности респондента.

Таблица 2.
Распределение количества детей в изображениях семьи
учащейся молодежью Республики Саха (Якутия), %

Национальности	Количество детей в изображениях семьи							Среднее количество детей в семье
	1	2	3	4	5	6	7	
Саха	53,7	27,9	12,0	3,9	2,1	0,2	0,2	1,74
Русские	57,7	34,1	1,6	1,6	3,3	0	1,6	1,65

Так, большинство (53,7% саха и 57,7% русских) изобразили семью, где есть только один ребенок. Два ребенка для семьи более свойственны русским (34,1%). А изображение 3 и более детей в семье характерно для саха – народа, сохраняющего связь с традиционной культурой в большей степени, по сравнению с другими народами Республики Саха (Якутия).

Использование социально-проективной методики позволило выявить, что среднее количество предполагаемых детей в семье саха составило 1,74, в русской семье – 1,65, что соответствует вербальному результату проводимых в Якутии опросов и является недостаточным даже для простого воспроизвод-

ства и того, и другого этноса. Для коренных малочисленных народов Севера эти цифры еще более низкие.

Полученные результаты свидетельствуют о больших потенциальных возможностях проективных методов в проведении социально-психологических исследований. Исходя из представлений молодежи об образе семьи, графически изображенных в виде рисунков, можно предположить, что существующая тенденция сокращения численности населения в Республике в ближайшее время вряд ли изменится.

Литература

1. См.: Демографический ежегодник России: Стат. сб. /Госкомстат России. – М., 2005. – С. 238,246; Демографический ежегодник России: Стат. сб. /Госкомстат России. – М., 1995. – С. 203, 211.

2. См.: Состояние в браке и рождаемость (по данным микропереписи населения) 1994 г.: Стат. сб. /Госкомстат России. – М., 1995. – С.15, 49.; Возрастно-половой состав и состояние в браке. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Т.2. Статистика России. – М., 2004. – С.304; Национальный состав и владение языками, гражданство. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Т.4. Книга 2 Статистика России. – М., 2004. – С.1038.

marika24@yandex.ru

СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ХАКАСИИ

И. В. Артёмова

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова (г. Абакан)

В связи с изменениями, произошедшими в нашей стране в последние два десятилетия, ценностные ориентации населения претерпели существенную трансформацию. Но некоторые из них почти без изменения перешли по наследству в XXI век. Ценность семьи по-прежнему удерживает первое место, и это характерно как для русских, так и для других народов [1].

В апреле 2005 г. в Республике Хакасия был проведен социологический опрос, который позволил выявить некоторые ценностные установки населения в отношении семьи. Репрезентативная выборка составила 385 человек с квотой по полу, возрасту и образованию. Важной являлась этническая принадлежность респондентов – опрос проводился среди русского населения.

Как и ожидалось, семья занимает господствующее положение в иерархии ценностей русских. Это подтвердилось при анализе ответов на вопрос: *«Что из перечисленного для Вас наиболее важно?»*. Всего в анкету было включено

19 позиций (семья, работа, образование, религия, здоровье, материальное благополучие и др.). Вариант «*семья*» выбрали 61,6% опрошенных. Для сравнения, второй по значимости ценностью является здоровье, которому отдали приоритет лишь 14,5% респондентов.

На распределении ценностей почти не влияли поселенческие (село/город) и гендерные различия. Зато вполне закономерно, что для молодежи (в возрасте от 18 до 24 лет) семья важна в меньшей степени, чем для других поколений. Первое место в списке ценностей ей отдели лишь 41,5% молодых людей, тогда как в средней возрастной группе (25 – 54 года) – 66% респондентов, а из старшего поколения (от 54 лет) – 65,4%. На восприятие ценностей влияет и образование. Так, менее других семью ценят респонденты, окончившие вуз (47,5%). В то же время ей отдают приоритет 68,2% опрошенных со средним специальным образованием; 59,3% - с общим средним и 58,3% - с неполным средним образованием.

Изменения в экономическом укладе страны привели к переосмыслению ролей в семье. Как этот факт преломился в сознании респондентов можно было проверить с помощью вопроса «*Кто должен быть главой семьи?*».

Большинство респондентов (51%) выбрали вариант «Супруги должны быть равны»; 32,4% опрошенных полагают, что главой семьи должен оставаться муж; 6,7% отдают приоритет жене, и только 2,6% - выбрали вариант «*Тот, кто больше зарабатывает*».

К равенству в семье более склонны женщины (58,2% в отличие от 42,6% опрошенных мужчин). Мужчины вообще более консервативны и не намерены уступать свое место в семейной жизни. 40,9% респондентов из сильной половины человечества отводят доминирующее положение в семейных отношениях мужу. С ними согласна лишь четверть респонденток. Тогда как только 3,4% опрошенных мужчин и 9,6% опрошенных женщин считают, что главой семьи может быть женщина.

На отношение к распределению ролей в семье влияет образование. Чем выше его уровень, тем более респонденты склоны к равенству. Так, среди респондентов, имеющих высшее образование, на паритетные отношения согласны 65% опрошенных; среди тех, кто имеет среднее специальное образование – 54,1%; у лиц с общим средним образованием за равенство высказались 37,8%, а среди респондентов с самым низким образовательным уровнем – 39,6%. Но именно среди последних оказалось больше чем в других группах тех респондентов, кто считает, что главой семьи должна быть жена (12,5%). Среди лиц, имеющих только общее среднее образование, такого же мнения придерживаются 8,1%. В группе имеющих среднее специальное образование так считают 5,7%. При этом у респондентов, имеющих высшее образование, вообще не нашлось таких, кто отдал бы приоритет в семейной жизни жене.

Чем старше респонденты, тем меньше их устраивает главенствующая роль мужа в семейных отношениях. Среди молодежи 36,9% опрошенных склонны отдавать доминирующие позиции в браке мужчине; в средней воз-

растной группе подобного мнения придерживаются 32,4% респондентов; у старшего поколения – 29,9%.

Для выяснения более полной картины респондентам был задан вопрос: «Если муж вполне обеспечивает семью материально, следует ли жене работать?». Утвердительный ответ выбрали 37% опрошенных; 13,7% считают, что если муж хорошо зарабатывает, то жена не должна работать; 48,2% респондентов дали ответ «Она может работать, если хочет».

Причем из всех опрошенных мужчин 28,8% полагают, что жена должна работать, а 18,8% придерживаются обратного мнения; 51,7% респондентов оставляют это на усмотрение жены. У женщин установка на работу более серьезная. 44,2% из них считают, что женщина должна работать, независимо от того, сколько зарабатывает муж. 45,2% женщин предлагают решать этот вопрос в зависимости от ситуации и желания. И лишь 9,6% опрошенных женщин ответили, что жена не должна работать.

Итак, семья продолжает оставаться одной из главных ценностей в представлениях русского населения Хакасии. Основными факторами, влияющими на восприятие семейных ценностей, является возраст и образование респондентов. Гендерные отличия проявлялись при ответах на вопросы, касающиеся распределения ролей в семье. Наблюдается отход от традиционных патриархальных установок, но население еще не готово спокойно воспринимать ситуацию, в которой жена могла бы претендовать на доминирующую роль в семье. Молодые люди вполне естественно меньше ценят семью и больше – образование и карьеру. Современные женщины стали более самостоятельны и согласны взять на себя функции добытчика наряду с мужчинами. Возможно, такой дуализм – это следствие инерции, возникшей при смене одной системы ценностей другой. Если это так, то в ближайшем будущем следует ожидать дальнейшей трансформации ценностных ориентаций в сторону уменьшения значимости семьи, усиления позиций женщины в браке и изменения типа гендерного контракта в обществе.

Примечания

1. Дробижева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России – М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003. – С. 327.

art_irina@list.ru

О РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЁЖНОЙ ПОЛИТИКИ В РЕСПУБЛИКЕ ТЫВА

А. В. Седен

Тывинский государственный университет (г. Кызыл)

Процесс обновления российского общества привёл к значительным изменениям во всех сферах жизнедеятельности. Он породил много новых, нередко острых и неоднозначных проблем. Усилилось социальное неравенство, имеют место перекосы в политической и экономической областях, снизился интерес к производительному труду, ухудшилась демографическая обстановка, увеличилось количество преступлений, снизился духовный потенциал общества. В этих сложных и противоречивых условиях молодёжь вступает в самостоятельную жизнь. Выбранные ею социальные ориентиры во многом определяют будущее общества. Помочь молодёжи в правильном выборе может целенаправленная государственная молодёжная политика (ГМП), призванная реализовать программу действий государства и общества в молодёжной сфере и разработать механизмы решения стоящих задач.

Призывы к тому, что молодёжь должна стать активным участником решения задач, стоящих перед государством и обществом в строительстве демократического правового государства, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, звучали и звучат постоянно и в политических декларациях, и в научной литературе. Постоянно говорится о необходимости создавать условия для самореализации молодёжи и стимулы для включения молодых в общественные процессы, что это расширит социальную базу преобразований, обеспечит социальное, культурное и экономическое воспроизводство и устойчивое развитие страны.

Тем не менее, как показывает российская социальная практика последних пятнадцати лет, на государственном уровне реальные шаги в этом направлении, подкреплённые экономическими, правовыми и социальными механизмами, предпринимаются крайне непоследовательно.

Социальные последствия экономических реформ в России в полной мере отразились на положении молодёжи. В своём анализе член-корреспондент РАН доктор экономических наук, профессор Н.М.Римашевская отмечает среди наиболее острых социально-демографических проблем такие как, падение оплаты труда, бедность и нищета, социальная поляризация, деформация социального обеспечения, здравоохранения и образования, депопуляция, безработица [1, с.5-15]. Самым тревожным для будущего России, олицетворением которого выступает молодёжь, является вывод автора, подкреплённый неопровержимыми аргументами, о прогрессирующем снижении качества населения по главным группам индикаторов: здоровье (физическое, пси-

хическое, социальное), интеллектуальный потенциал и профессиональная готовность, духовно-нравственные ценности и ориентиры [1, с.5-6].

Государственная молодёжная политика – понятие сравнительно новое для новой системы государственного управления в России. Её внутренние законы, механизмы развития, методы оценки адекватности не устоялись и пока не имеют общепризнанных стандартов, правил, традиций.

Рассмотрим на нескольких примерах возможности управления молодёжной политикой на примере Республики Тыва и оценим эффективность управленческого воздействия глазами самой молодёжи. Прежде всего, отметим, что молодые люди составляют 32% от общего числа жителей. В республике отмечается самый низкий показатель брачности в Сибирском федеральном округе и как следствие – высокий уровень внебрачной рождаемости. Основной причиной отказа от брака является отсутствие жилья. Анализ ответов молодых людей на вопрос: «Знакомы ли Вы с Законами РФ и Республики Тыва, касающимися молодёжи от 14 до 30 лет?» позволяет оценить субъективность ГМП в республике, ибо человек, знающий свои права и законы, в своём поведении существенным образом отличается от человека, которых их не знает. Ответы показали, что абсолютное большинство из опрошенных молодых людей (73,4 %) вообще не знает о законах как таковых, недостаточно знакома с ними 20% опрошенных и лишь незначительная часть хорошо знакомы. Таким образом, молодёжь слабо представляет себе, на что она по закону имеет право, а о чём и ей надо заботиться самой. Возникает естественный вопрос – а где могли третьи 6,6% ознакомиться с законами, и какими именно? Тем более, что эти нормативные акты вряд ли так широко распространены. Как показал опрос, это особая категория молодёжи, так или иначе включенная в деятельность республиканских структур. Среди тех, кто хотя бы слышал о законах, на вопрос «Защищены ли этими законами права молодёжи?» положительно ответили лишь пять с небольшим процентов, для большинства же в две трети опрошенных эти права защищены лишь на бумаге. Выходит, что только 5% могут серьёзно воспринимать и оценивать действия властей по поводу помощи молодёжи через различные программы и мероприятия, что подтверждает факт молодёжи, как только объекта действий со стороны власти, но никак субъекта государственной молодёжной политики. В целом молодёжь республики весьма скептически оценивает помощь государства и местных властей в решении её проблем. Максимальная оценка молодёжью своих ощущений от помощи властей касается возможности получить высшее и среднее специальное образование и составило 34,6%. Только каждый пятый молодой житель республики чувствует помощь федеральных и республиканских властей в решении проблем предпринимательства, каждый шестой – отдыха и здоровья, каждый пятнадцатый – жилищных условий и лишь каждый двадцатый – в решении проблем молодой семьи. Отсюда можно сделать несколько выводов относительно управления. Во-первых, легче всего помогать молодёжи отдыхать и заниматься предпринимательством, потому что в первом случае – затраты минимальные, никаких

усилий предпринимать не надо, достаточно вспомнить всевозможные КВНы, смотры, конкурсы и т.д., которые, как развлекательные мероприятия, действительно привлекают большое количество молодёжи. Хотя даже в сфере досуга не всё обстоит гладко и здесь немало проблем. Что касается предпринимательства, то здесь просматривается интересная ситуация, когда стремление молодёжи заняться собственным делом как будто находит поддержку у властей, но реально молодёжь, скорее, решает свои проблемы сама, хотя законодательно и финансово определённая поддержка имеется. Для республики это важно. Предпринимательство как образ жизни воспитывает субъекта ответственного. А это – главная проблема социализации молодёжи в целом, и государственная молодёжная политика должна иметь это в качестве главной цели. Значительно сложнее решать проблемы занятости, жилья и творческой самореализации. Здесь уже требуются большие постоянные затраты, рассчитывать только на спонсорскую помощь нельзя. Особенно это касается вопросов занятости и обеспечения жильем. Ещё более трудно решаемой является проблема молодых семей, ибо она включает в себя целый комплекс проблем, начиная с жилья и трудоустройства молодых супругов и заканчивая пособиями на детей, на которые трудно что-то купить для детей и выдачу которых нередко задерживают.

В заключении рассмотрим возможный потенциал реализации ГМП в республике. Определить его можно, исходя из знания реальных потребностей молодёжи в каких-то общественных, политических и иных организациях, а также из знания об уже существующих формальных и неформальных объединениях. Был предложен вопрос: Являетесь ли Вы участником какой-нибудь из названных организаций? И были перечислены: профсоюз, органы местного самоуправления, политическая партия, спортивный клуб и секция, театральная студия, религиозная организация, общественная социальная служба, а также – нет, ни в какой. Получены следующие ответы: более половины из опрошенной молодёжи не состоит ни в одной формальной или неформальной организации. Всеохватывающей профсоюзной деятельности тоже не получается, потому что опрошены различные возрастные группы и, естественно, молодёжь, не занятая в производстве, ни в каких профсоюзах не состоит, за исключением студентов. И то сегодня это дело не обязательное. Членство в партии, конечно же, – это реальное участие в политической жизни, но иногда молодёжь не может отличить партию от «тусовки» вокруг какого-нибудь местного политического деятеля. Молодёжи в политике особо никогда и не было. Не носит массового характера и участие молодёжи в религиозных организациях, культурно-просветительских и любительских объединениях. Так что можно утверждать, что у ГМП в республике потенциал невелик. Выстроить же эффективную молодёжную политику без инициативы самой молодёжи очень трудно. Вполне возможно, что назвавшиеся 5% и есть те самые будущие политические лидеры, их реальное участие в таких проектах как «Политзавод - 2006», который был провозглашён по инициативе Политической партии «Единая Россия».

Теперь посмотрим, в чём же молодёжь хочет принимать участие, в каких организациях и движениях. Основные задачи деятельности комитета состоят в углублении планомерной работы по созданию постоянных структур, работающих совместно с комитетом над решением проблем молодёжи, например, таких, как «Клуб будущего воина», «Клуб молодой семьи» и др., работа по направлениям (работающая, учащаяся молодёжь, спортивная и т.д.). Среди общественных организаций молодёжи наиболее известна своей деятельностью региональное отделение Всероссийской общественной организации «Молодая гвардия». Это хорошая площадка для самореализации. Девиз этой организации – чтобы каждый молодой человек стал большим «Я». Члены этой организации проводят массовые мероприятия, благотворительные акции, спортивные соревнования, субботники по уборке территории памятников, принимают участие в шествиях и митингах. Тем самым они проходят огромную жизненную школу, школу публичности, толерантности, гражданственности. Поэтому члены «Молодой гвардии» участвовали в парламентских выборах, выдвинули своего кандидата в состав Избирательной комиссии республики и добиваются реальных результатов [2, С.2].

В ряде районов республики приняты целевые программы «Молодёжь кожууна». В этих программах к разряду первоочередных относятся проблемы занятости. Учитывая специфику экономики республики, необходимое внимание уделяется организации сезонных работ на селе, оказанию содействия развитию самозанятости и малого предпринимательства. Такая практика характерна для Тандинского, Пий-Хемского, Кызылского сельского районов.

Особое внимание уделяется профилактике наркомании, табакокурения, алкогольной зависимости и асоциального поведения молодёжи района и проекту «Массовый спорт - в жизнь!». Как показывает практика, чем ниже уровень управления – тем попытки решения многих проблем успешнее, чем выше – тем сильнее ведомственная разобщённость. Даже на республиканском уровне решения имеют тенденцию не интегративного, а, скорее разграничительного характера – по разграничению полномочий. Таким примером являются решения о разграничении ответственности по отношению к домовым клубам.

Тенденции преодоления ведомственности в реализации государственной молодёжной политики и включения молодёжных разделов во все имеющиеся программы «От охраны правопорядка» до «Социально-экономического развития г.Кызыла», на сегодня может быть признана одной из наиболее эффективных и перспективных.

При инициативных действиях ответственных лиц и самой молодёжи можно найти немало ресурсов для успешной реализации молодёжной политики.

Примечания

1. См. Н.М.Римашевская Социальный вектор развития России. // Народонаселение. 2003. №4.

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ СТАРШИХ ШКОЛЬНИКОВ В РЕСПУБЛИКЕ АЛТАЙ

Д. В. Ушаков

Институт философии и права СО РАН

Сегодня в среде российской молодежи наблюдается возрастание напряженности в сфере межэтнических взаимоотношений. С целью изучения межэтнических отношений у подростков Республики Алтай сотрудниками Института философии и права СО РАН совместно с преподавателями и студентами Горно-Алтайского государственного университета в 2006 – 2007 гг. было проведено этносоциологическое исследование. В анкетировании приняли участие 403 старшеклассников (подростки в возрасте от 11 до 18 лет), проживающих в г. Горно-Алтайске и каждом из 10 районов Республики Алтай. Из опрошенных школьников: 203 чел. – русские; 128 чел. – алтайцы; 32 чел. – казахи; 20 – представители этнически смешанных (алтайцы, русские) семей; этническая принадлежность не определена – 16; представители других этносов (азербайджанцы, украинцы, узбеки, киргизы) – 4. Выборка представительна по этническому составу (ошибка выборки в соответствии с данными переписи населения 2002 г. составила не более 10%), по полу и возрасту, а также по расселению.

Выявление степени напряженности в сфере межэтнических отношений, взаимодействующих народов проводилось путем изучения уровня их комплиментарности - положительно или отрицательно эмоционально окрашенного отношения подсознательной или осознанной взаимной симпатии или антипатии индивидов, определяющее деление на «своих» и «чужих». С целью выявления позитивной и негативной комплиментарности с представителями других народов родители и подростки Республики Алтай отвечали на вопрос: «Какие чувства ты испытываешь чаще всего к представителям следующих народов?». При ответе подростки должны были определить свои «симпатии (нравятся)», «антипатии (не нравятся) и нейтральное отношение – «никаких чувств» по отношению к 38 народам. В эту группу были включены народы, отражающие этнический состав населения Республики Алтай (русские, алтайцы, казахи и др.), а также представители основных цивилизаций мира: западной (европейской, американской), восточной (китайской, японской), африканской, исламской, а также народы России, Сибири и бывшего СССР.

При вычислении уровня комплиментарности ответ «не испытываю никаких чувств» - опускался, а затем путем простого вычитания ответов симпатии («нравятся») и антипатии («не нравятся») определялось их соотношение, вы-

раженное в процентах от числа ответивших. Разница между «симпатиями» и «антипатиями» позволила выявить чистую комплиментарность, или явное превалирование позитивных или негативных оценок в отношении к другим народам.

Результаты ответов подростков показывают, что представители большинства народов также получили позитивные оценки. Это свидетельствует в целом о преобладании установок толерантности: 20 из 38 народов получили перевес в положительных оценках, отношение к двум народам (тувинцам и армянам) – нейтральное, но все же в отношении к 16 народам – превалируют негативные оценки (См. табл.1).

Таблица 1.

Комплиментарность подростков Республики Алтай к другим народам

№	Народы	Симпатии – антипатии = комплиментарность(%)
1	Русские	85,4
2	Французы	46,4
3	Алтайцы	43,4
4	Англичане	38,0
5	Украинцы	25,1
6	Греки	22,1
7	Американцы	19,6
8	Белорусы	15,1
9	Казахи	15,1
10	Японцы	12,7
11	Немцы	8,2
12	Киргизы	6,9
13	Буряты	5,7
14	Турки	5,5
15	Молдаване	5,2
16	Хакасы	5,0
17	Татары	3,5
18	Якуты	3,2
19	Корейцы	2,0
20	Эфиопы	1,7
21	Армяне	0,0
22	Тувинцы	0,0
23	Узбеки	-0,2
24	Китайцы	-0,5
25	Азербайджанцы	-1,2
26	Туркмены	-1,2

27	Чукчи	-1,2
28	Евреи	-1,7
29	Грузины	-2,5
30	Латыши	-2,5
31	Монголы	-3,0
32	Таджики	-3,5
33	Вьетнамцы	-3,7
34	Эвенки	-4,7
35	Езиды	-5,5
36	Ингуши	-6,5
37	Цыгане	-11,2
38	Чеченцы	-15,1

Интересным оказалось то, что помимо русских другие многочисленные народы – алтайцы и казахи, проживающие в Республике Алтай, по степени выраженности к ним симпатий оказались среди европейских народов, что указывает на европейскую направленность позитивных оценок подростков. Так, на втором месте положительные оценки, выраженные в разности симпатий и антипатий, преобладают в отношении к французам (46,4%), и лишь за тем к алтайцам (43,3%) и к англичанам (38%). На третьем месте к украинцам (25,1%), грекам (22,1%) и американцам (19,6%), и лишь на четвертом месте симпатии преобладают над антипатиями по отношению к казахам (15,1%), белорусам (15,1%), японцам (12,7). Незначительно (менее 10%) симпатии преобладают над антипатиями в отношениях к немцам, киргизам, бурятам, туркам, молдаванам, хакасам, татарам, якутам, корейцам, эфиопам, а нейтральные позиции выражены по отношению к тувинцам и армянам. Негативные оценки, не превышающие 5%, у подростков, выражены по отношению к 12 народам: узбекам, китайцам, чукчам, туркменам, азербайджанцам, евреям, латышам, грузинам, монголам, таджикам, вьетнамцам, эвенкам. Наибольшее количество отрицательных оценок подростки, как и взрослые, выразили в отношении к цыганам (-11,2%) и чеченцам (-15,1%). Негативное отношение к цыганам у подростков, вызвано оценкой антисоциальной деятельности (мошенничества, воровства и торговли наркотиками) отдельных представителей этих народов, которая, в силу свойственного подросткам максимализма, нередко проецируется на весь этнос. Отрицательное отношение к чеченцам определяется в основном опасением террористических актов и памятью о войне в Чечне.

Среди мотивов отрицательного отношения к тем или иным народам по степени значимости школьники отметили: 1 - агрессивность, война, терроризм, жестокость, враждебность; 2 - не нравится образ жизни, обычаи, манера поведения; 3-внешность непривлекательная; 4 - говорят на др. языке (обсуждают за глаза); 5 - националисты, фашисты, расисты; 6 - их (представите-

лей несимпатичного народа) слишком много; 7 - по политическим мотивам (разногласия, ущемление прав); 8 - высокомерие, заносчивость, соперничество за лидерство; 9 - скупость, жадность; 10 - глупость, тупость; 11 - психически не уравновешенные, не нравятся характер; 12 - наглость, настойчивость, назойливость; 13 - обман, воровство, мошенничество, хитрость; 14 - «приносят вред»; 15 - просто не нравятся (нет мотива, «не знаю», «много причин»).

Мотивы позитивного отношения к представителям разных народов у школьников Республики Алтай были выявлены следующие по степени значимости:

1 – легче общаться, «они общительные», понимание, «нравятся язык»; 2 – «сам этой национальности»; 3 – близкие (совместное проживание, «хорошо знаю их», общая культура, религия, мировоззрение); 4 – «цивилизованные», «культурные», «образованные», «более развитые, современные»; 5 – «успешные», «великие», «смелые», «сильные», «спокойные», «терпеливые»; 6 – «интересные»; 7 – доброта, отзывчивость, «простота», «размах души»; 8 – «традиционные», «соблюдают обычаи», «хранят секреты»; 9 – вежливость, галантность, приветливость, дружелюбие, уважительность, аккуратность, дисциплинированность; 10 - трудолюбие; 11 – «художники, музыкальны», «хорошо поют», «обладают талантами»; 12 – «веселые, с чувством юмора», «клевые», «прикольные», «смешные»; 13 – «красивые», «симпатичные», «элегантны»; 14 – «умные», «толковые», «сообразительные», «изобретательные»; 15 – «честность», «справедливость»; 16 – «не знаю», просто нравятся, симпатичны, привлекательны.

Симпатии у русских рассредоточены и в значительной степени выражены в отношении к славянским и европейским народам: к украинцам, французам, белорусам, немцам, англичанам. Антипатии же во взаимном отношении алтайского, русского и казахского народов друг к другу незначительны и выражены они в основном по отношению к другим народам: чеченцам, цыганам, американцам, евреям и китайцам. Это видимо в большей степени связано не только с конкретным этноконтактным взаимодействием, но и с влиянием средств массовой информации, сложившимися стереотипами восприятия и мышления.

Подростки алтайцы наивысшую степень симпатии выражают по отношению к своему народу и к русским. Несколько меньше, но также достаточно симпатичны алтайской молодежи: англичане, японцы, американцы и французы. Русские подростки наибольшие симпатии выражают к собственному народу, французам и алтайцам, а казахские подростки больше симпатизируют своему и русскому народам, а также французам, алтайцам и японцам.

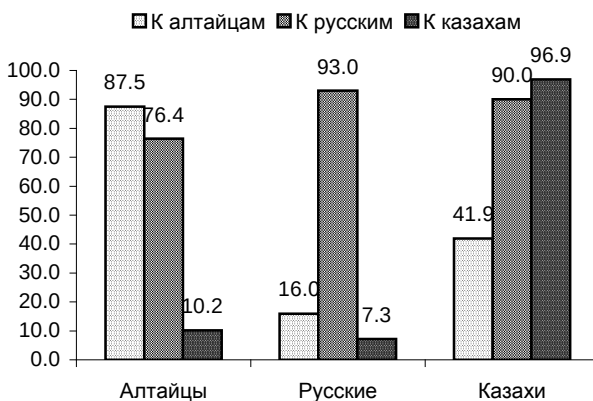
Если обратить внимание на взаимные симпатии и антипатии (при изучении уровня комплиментарности) у подростков трех наиболее многочисленных народов: русских, алтайцев и казахов, проживающих в Республике Алтай, то можно выделить следующее (См. Рис. №1): 1. Уровень комплиментарности в отношении к своему народу у подрастающего поколения русских (93%) и казахов (96,9%) значительно выше, чем у алтайцев (87,5%). Что сви-

детельствует о более низкой самооценке и определенной скромности представителей этого народа.

2. В отношении к русским уровень комплиментарности алтайских (76,4%) и казахских (90%) подростков несколько выше по отношению к русским, чем у русских подростков по отношению к алтайцам (16%) и к казахам (7,3%). Тогда как уровень комплиментарности у алтайской молодежи по отношению к казахам (10,2%) ниже, чем к русским (76,5%), а у казахской молодежи он также ниже по отношению к алтайцам (41,9%), чем к русским (90,0%).

Рис. 1.

**Соотношение симпатий и антипатий у подростков
Республики Алтай (симпатии - антипатии = К%)**

Наиболее часто подростки сталкиваются в межэтнических отношениях с соперничеством за лидерство («часто» - 14,7%; «иногда» 40,5%, «никогда» - 44,8%); психологическим давлением, оскорблениями по национальному признаку, угрозами («часто» - 12,7%; «иногда» 41,0%, «никогда» - 46,3%); присваиванием прозвищ, кличек в зависимости от национальной принадлежности («часто» - 12,6%; «иногда» 45,0%, «никогда» - 42,4%). Реже школьники отмечают столкновение с такими негативными явлениями как: физическое насилие (избиение, драки) («часто» - 7,1%; «иногда» 31,3%, «никогда» - 61,7 %) и вымогательство денег и вещей («часто» - 3,3 %; «иногда» 17,3 %, «никогда» - 79,4 %)

Таким образом, при сохранении высокой степени толерантности в сфере межнациональных отношений среди подростков, проживающих в Республике Алтай в целом, тенденции снижения уровня комплиментарности в межэтнических отношениях все-таки требуют пристального внимания и активных

мер по снижению напряженности со стороны: родителей, педагогов и органов социального управления.

ushakov@philosophy.nsc.ru

ОРГАНИЗАЦИЯ АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ ПРОПАГАНДЫ СРЕДИ ЖЕНЩИН ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1921-1925 ГГ.

Д. Н. Куликова

Новосибирский государственный технический университет

С самого начала большевики однозначно высказали свою позицию в отношении религии: религия рассматривалась как зло, с которым необходимо бороться. В.И. Ленин в своей речи на I Всероссийском съезде работниц 19 ноября 1918 г. говорил о необходимости борьбы с религиозными предрассудками [1]. Это и не удивительно, ведь «церковь, являвшаяся самой массовой организацией в огромной крестьянской стране, мыслилась главной угрозой новому строю»[2]. Е. Ярославский, говоря о религии, называл ее «глубочайшим обманом трудящихся масс» и «сильнейшим орудием порабощения этих масс капиталистами», и именно поэтому «ни один коммунист, ни одна коммунистка, ни одна сознательная работница не могут отказаться от задачи ведения борьбы с религией»[3].

Женщины являлись наиболее религиозными, особенно крестьянки. В 1922 году в Советской России были проведены исследования посвященные тому, сколько времени отнимала религия у рабочих, работниц, крестьян и крестьянок. Согласно результатам этого исследования рабочий тратил на религиозные верования в среднем 18 часов в год, работница – 44 часа, в то время как крестьянин отдавал религии 121 час в год, а крестьянка – 173 часа [4].

Существовала глубокая убежденность в том, что основными причинами большей приверженности к религии женщин, чем мужчин, являлись социальное положение в обществе до Октябрьской революции. Не имеющая почти никаких прав женщина, жизнь которой была очерчена узкими рамками «Kuche, Kirche, Kinder» (кухня, церковь, дети), женщина, которой с самого рождения внушали, что она должна быть покорной, покорной воле отца, мужа, Бога, не могла быстро и безболезненно расстаться со своими религиозными представлениями, сменить мировоззрение. Кроме того, большевики были глубоко убеждены, что религиозность женщин, особенно крестьянок, связана еще и с тем, что они были наиболее неграмотной частью населения.

Если учесть тот факт, что Западная Сибирь, была преимущественно крестьянской, то понятно, что организация антирелигиозной пропаганды среди женщин в этом регионе была особенно важна для советского руководства.

Если революция расшатала религиозную веру, то голод и разруха, разразившиеся в стране в первые годы нэпа, напротив – укрепляли религиозные

верования, рассматривались как наказания Божье, ослабили действенность антирелигиозной пропаганды.

Вопрос об антирелигиозной пропаганде обсуждался на X, XI, XII, XIII, XIV съездах партии и Пленумах ЦК. По решению X съезда партии при агитпропе ЦК РКП(б) была создана антирелигиозная комиссия. Она направляла и координировала работу по антирелигиозной пропаганде на местах. Такие же комиссии были созданы при губкомах партии в Сибири. Они разрабатывали программы, планы антирелигиозной пропаганды, подготовки пропагандистов, издание антирелигиозной литературы, координировали работу партийных и общественных организаций по атеистическому воспитанию трудящихся.

Вести антирелигиозную пропаганду в Сибири было тяжело: не было квалифицированных кадров, население было преимущественно неграмотным (в сельской местности процент неграмотных женщин доходил до 90% [5]), кроме того, в Сибири было много религиозных течений. Хотя господствующей религией было православное христианство, Сибирь являлась также центром сектантского движения. Здесь были и баптисты, и адвентисты седьмого дня, и молокане. Большое место занимала мусульманская религия [6].

До 1921 г. антирелигиозная пропаганда в Сибири почти не велась. Лишь с окончательным установлением Советской власти в Западной Сибири властные структуры занялись организацией антирелигиозной работы.

Всю антирелигиозную пропаганду условно можно разделить на

- организацию пропагандистских бесед (сюда же можно включить организацию таких мероприятий как «комсомольское рождество», «комсомольская пасха» и т.д.);
- антирелигиозные акции (изъятия церковных ценностей в пользу голодающих; вскрытие мощей святых, разоблачение целебной силы святых источников и т.д.).

Ко второй категории можно также отнести такие широкомасштабные мероприятия как отделение церкви от государства и школы. В декрете Совета Народных Комиссаров об отделении церкви от государства и школы от церкви, в п. 8. говорилось, что «акты гражданского состояния ведутся исключительно гражданской властью: отделами записи браков и рождения» [7]. Это тоже было направлено на подрыв авторитета церкви. Рождение, вступление в брак, смерть – все эти значимые события в жизни человека, раньше связанные с церковью, теперь выходили из-под ведения последней. Упрощение процедуры вступления в брак и развода, разрешение абортотак же подрывали значимость религии, религиозных обрядов, значимость церкви. Исследования, проведенные в 1922 г. в Алтайской губернии, свидетельствовали о том, что 83% вступающих в брак регистрировались в ЗАГСе, 5% опрошенных не считают нужным регистрироваться и 3% не регистрируются по религиозным соображениям [8]. Тем не менее, религиозные традиции были сильны. По тем же исследованиям, 23% считали, что венчаться необходимо, 63% полагали, что венчаться желательно, и 8,5% думали, что в венчании нет

большой необходимости; 50,2% считали, что надо обязательно крестить детей, 47,5% полагали, что крестить детей желательно, и только 2,3% согласны были с тем, что в крещении детей нет большой необходимости [9]. Если же взять социальный состав тех, кто в церковь не обращается, то мы увидим следующую картину: из членов РКП(б) в церковь не обращались 66,9%, интеллигенция – 8,3%, рабочие – 7,4%, крестьяне-бедняки – 7,1%, средники – 3,2%. Среди причин не обращения присутствовали следующие: отсутствие религиозных убеждений у 51,2%, из-за того, что являлись членами РКП(б) – 13,2%, отрицательное отношение к священникам и их торгашеству – 13,2%, недостаток средств для оплаты труда священника – 3,6% [10]. Из приведенных цифр видно, насколько сильны были религиозные верования населения, особенно крестьянства, и если 7,1% крестьян-бедняков не обращалось в церковь, то, скорее всего потому, что у них не было средств. Но даже среди наиболее атеистической части населения – членов РКП(б) – 13,2% в церковь не обращались, потому что это порицалось партией, а не по религиозным соображениям.

Таким образом, можно сделать вывод, что, не смотря на предпринимаемые усилия, организацию различных мероприятий религиозные верования в Сибири были сильны и разрушались очень медленно. Проводимые государственными структурами антирелигиозные акции не всегда достигали поставленной цели. Более того, часто имели противоположные результаты.

Примечания

1. Ленин В.И. Пол. соб. соч. – Т.37. – С.186.
2. Архивы Кремля. В 2-х кн. / Кн.1 Полит бюро и церковь. 1922-1925 гг. – М.-Новосибирск: РОССПЭН, «Сибирский хронограф», 1997. – С.29
3. Ярославский Е. Об антирелигиозной работе среди работников и крестьянок // Коммунистка. 1925, №5. С.10.
4. Струмилин С. Бюджет времени русского рабочего и крестьянина в 1922/23 г. (Стат.-экон. очерк). – Л.: 1924. – С.104.
5. ГАНО. Ф. Р-1053. Оп.1. Д.863. Л.171.
6. Климанская К.Е. Деятельность партийных организаций Сибири по атеистическому воспитанию женских масс (1920-1925 гг.) / Сибирь и Дальний Восток в период восстановления народного хозяйства. Вып. VII., изд-во Томского ун-та.: Томск., 1972. – С.42-43.
7. Сборник документов и материалов по истории СССР советского периода (1917-1958 гг.). - М.: изд-во Московского ун-та, 1966. – С.69.
8. Гражданская и церковная регистрация актов гражданского состояния в Алтайской губернии // Власть советов. 1922. №11-12. С.80.
9. Там же, С.80-81.
10. Там же.

dashik k@mail.ru

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ НЕОТРАДИЦИОНАЛИЗМ: ФОРМИРОВАНИЕ ПОСТСОВЕТСКИХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ

С. А. Мадюкова

Институт философии и права СО РАН

Происходящие в современном российском обществе процессы во многом определяются наследием советского периода. В СССР этнические идентичности в некоторой степени контролировались государством, что в конечном итоге должно было способствовать становлению в границах СССР единой гражданской идентичности, основанной на социально-классовом самосознании. В этом смысле политика была в большей степени направлена на формирование единой советской идентичности, чем на стимулирование процессов локальной этнической идентификации. Советскую национальную политику с точки зрения воспроизводства этничности нельзя оценивать однозначно: ограничения в одной сфере сочетались с предоставлением возможностей в других. Посредством урбанизации образа жизни и ментальности, русификации и т.д. открывался новый социокультурный горизонт, отличающийся от прежнего, основанного на традиционных этнических культурах.

Однако, в оценке В.А. Тишкова, «доминирующей среди российских и зарубежных экспертов является парадигма «распада империи» и «национального возрождения» народов бывшего СССР, которые реализуют признанный международным сообществом принцип права на самоопределение. Эта концепция предполагает, что основной причиной распада СССР как тоталитарного государства с многоэтничным составом населения явилось угнетенное дискриминируемое положение нерусских народов, культура и идентичность которых подверглась насильственной деформации в целях реализации официальной концепции «слияния наций» и конструирования единого «советского народа»[1]. Несмотря на дискуссионность столь однозначно негативной оценки ситуации, здесь вскрывается комплекс проблем, связанных с изменением типа социализации и инкультурации, и, следовательно, социокультурной адаптации, вызванных распадом СССР, что привело к росту актуальности локальных, в том числе, этнических, идентичностей. Стоит согласиться с Е. Филипповой, утверждающей, что «в постсоциалистическую эпоху появляются новые факторы, влияющие на формирование идентичностей. Большинство прошлых критериев самоидентификации утратили смысл. Вряд ли может чувствовать себя уверенно человек, осознавая себя "бывшим гражданином бывшего СССР" или "бывшим членом КПСС". К тому же глубокий политический и экономический кризис разрушил прежнюю социальную структуру. В итоге этническая принадлежность оказалась для многих наиболее очевидной и приобрела характер психологического убежища»[2]. В современной России обращение к собственной культуре и языку, традициям и ценностям стало средством восстановления и сохранения целостности этни-

ческой общности. На постсоветском пространстве именно этническая идентичность выделяется как основная форма идентичности.

Специфика социокультурного неотрадиционализма видится в приоритете разумного, рефлексизирующего сознания над ценностно-иррациональным. В традиции способ исполнения действия лишен непосредственной целесообразности и служит лишь обозначением (символом) определенного социального отношения, тогда как в неотрадиции исполнение определенных обычаев и ритуалов призвано, в первую очередь, осуществить рациональную функцию самоидентификации того или иного сообщества. Здесь реализуется обозначение границ «своей» общности, что служит основой для ориентации в пространстве социальных взаимодействий, возможности символического самоутверждения в социокультурной реальности постсоветского пространства. Озабоченность сохранностью, воспроизводством этнической культуры как важного ресурса самоутверждения отдельных этносов актуализируется в контексте социокультурного неотрадиционализма.

На постсоветском пространстве возрождается также такая форма идентичности, как принадлежность к кланово-родовым группам. Если в советское время родовые отношения рассматривались в большей степени как архаический пережиток, сохраняясь однако в коллективной памяти населения, то сегодня интерес к родовым («сеочным») формам идентичности выражен у тюркских этносов весьма отчетливо.

Кроме того, актуализируется конфессиональная идентичность: на постсоветском пространстве происходит возрождение и популяризация верований, в частности, шаманизма и язычества. В этом контексте важной становится взаимосвязь между этнической и религиозной идентичностью. «На основе анализа взаимопроникновения этнического и религиозного на уровне религиозно-этнической ментальности можно сделать вывод, что этнические и религиозные факторы взаимодействуют друг с другом следующим образом: этнос формирует религию и ее традиции; религиозная система с помощью ряда средств, в том числе традиции, конструирует этнос; этнический фактор придает неповторимый колорит и своеобразие конфессиональному миру, активно влияет на формирование религиозного сознания и религиозной психологии»[4]. Таким образом, возрождение традиционной системы верований и процесс конфессиональной идентификации в контексте концепции социокультурного неотрадиционализма находится в диалектической связи с этнической идентификацией и воспроизводством этничности.

Подводя итоги, хочется подчеркнуть значимость феномена социокультурной неотрадиции для сохранения идентичности общества и о его роли в процессе социокультурной идентификации. Общество «распознает» себя через выбор и интерпретацию традиций. Самоидентификация посредством обращения к культурной памяти является более продуктивной и необходимой для современного российского общества, чем поиски своей идентичности в мире «чужих» (в том числе, западных, возникающих в результате процесса глобализации) идеалов, ценностей и смыслов. Можно сделать вывод, что совет-

ский период в истории России оказал огромное и неоднозначное влияние на массовое сознание: формирование локальных (в том числе этнических) идентичностей, ревитализация обрядов, существование социокультурного неоторадационализма во многом обусловлено существованием советского периода.

Литература

1. Тишков А.В. Этничность и национализм в постсоветском пространстве [электр. ресурс] Режим доступа: <http://www.ic.omskreg.ru/~cultsib/reg/tishkovy.htm>; дата доступа 26.09.2007.

3. Филиппова Е. Найти себя. Конструирование идентичностей в постсоветской России. // Диалоги об идентичности и мультикультурализме. Материалы 11 ежегодного семинара Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 2-8 октября 2004 г., Ренн. Москва, 2005. С. 158-159.

4. Ефименко М.Н. Религиозная традиция как предмет социально-философского анализа. Автореф. дис. на соискание ученой степени доктора философских наук. Москва, 2001. С.14.

Sveiv7@mail.ru

ПРОБЛЕМА ПРЕСТУПНОСТИ СРЕДИ ЛЮДЕЙ С НАРУШЕНИЯМИ ИНТЕЛЛЕКТА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Л. А. Потылицына

Сибирский федеральный университет (г. Красноярск)

Актуальность проблемы преступности в современном российском обществе не подлежит сомнению. Под преступлением понимают общественно опасное действие, нарушающее закон и подлежащее уголовной ответственности [8. с. 585]. Первопричиной преступления является наличие противоречий между двумя или более субъектами. Сколько существует человечество, столько существует и посягательство одних людей на жизнь, здоровье, собственность других людей как способ разрешения противоречий, существующих между людьми. Испокон веков человечество боролось с таким социальным явлением, как преступность. Предотвращению преступлений способствуют такие социальные регуляторы, как социальные нормы-традиции, моральные нормы, обычаи, религиозные устои, корпоративные правила. Наряду с ними общество породило самый мощный и эффективный социальный инструмент - право [9. с. 66]. Как общественный институт право занимается установлением и охраной государственной властью норм и правил, регулирующих отношения людей в обществе [8. с. 577]. В случае обнаружения и

раскрытия преступления преступник получает предусмотренное законом наказание. Но, несмотря на карательный характер системы правосудия, а также на имеющиеся представления у правонарушителя о жестких условиях содержания в исправительных колониях, преступность в России остается одной из самых болезненных проблем.

Решение проблемы преступности должно носить комплексный характер. Необходимо преодоление кризисных явлений экономической, политической, социальной, духовной сфер жизни общества, совершенствование самой нормативно-правовой базы. Огромное значение для социализации личности имеет такой общественный институт, как семья. Негативное социализирующее влияние семьи (физическое, психологическое насилие над ребенком, алкоголизация, наркомания и др.) является мощным криминогенным фактором [6; 7]. Усилия всех основных институтов социализации, и, в первую очередь, семьи, образования, СМИ, должны быть направлены на формирование в общественном сознании отрицательного отношения к насильственным методам разрешения проблем.

Для социализации лиц с интеллектуальной недостаточностью борьба с преступностью приобретает особое значение. Под интеллектуальной недостаточностью понимают «врожденное или приобретенное стойкое, необратимое нарушение преимущественно познавательной сферы, возникающее вследствие органического поражения коры головного мозга, имеющего диффузный (разлитой) характер» [1. с. 211]. У людей с интеллектуальным недоразвитием наблюдаются те или иные затруднения процесса социализации на всех уровнях жизнедеятельности (физиологическом, психологическом, социально-психологическом, социальном). Совокупность ряда факторов способствует тому, что люди с нарушениями интеллекта оказываются потенциально более склонными как совершить преступление, так и стать жертвой преступления. К психологическим предпосылкам асоциальных проявлений у людей с интеллектуальной недостаточностью относятся: недоразвитие эмоционально-волевой сферы, снижение способности к самопознанию и рефлексии, критичности и самокритичности. К социальным предпосылкам асоциальных проявлений у интересующих нас лиц можно отнести следующие закономерности: 1. Семьи многих лиц с нарушениями интеллекта изначально неблагополучны, кроме того, появление ребенка с нарушениями развития очень часто приводит к серьезным конфликтным ситуациям в семье, способствующим оказанию семьей на данного ребенка негативного социализирующего влияния [3]. 2. В нашей стране дети с нарушениями интеллекта воспитываются в школах-интернатах закрытого типа. Это явление, помимо многих других осложнений, приводит к повышению вероятности для ребенка с нарушением интеллекта оказаться жертвой насилия (в закрытых учебных заведениях зафиксировано больше случаев насилия), что в свою очередь приводит к формированию у такого ребенка представления о насилии как единственно возможном способе разрешения проблемных ситуаций [7]. 3. Возможности профессиональной адаптации для людей с нарушениями интеллекта в нашей

стране резко ограничены, в результате чего подавляющее большинство таких лиц в течение всей своей жизни находится в категории малоимущих граждан, что является фактором, способствующим возникновению у них желания посягнуть на чужую собственность.

Вместе с тем, еще Л.С. Выготский говорил о том, что асоциальность умственно отсталых представляет лишь результат неблагоприятных условий их жизни и воспитания [2], критикуя тем самым теорию «моральной дефективности» людей с нарушениями интеллекта. Люди с нарушениями интеллекта сами довольно редко оказываются организаторами преступлений, подавляющая часть преступлений совершается ими в группах, причем в составе этих групп они играют, как правило, лишь подсобную, вспомогательную роль [11. с. 24.].

Решение проблемы преступности среди людей с нарушениями интеллекта напрямую связано с решением проблемы преступности по стране в целом. Для того чтобы предотвратить вовлечение людей с интеллектуальной недостаточностью в преступную среду, необходимо создать им соответствующие условия социализации, что является главной задачей системы специального образования. Так как людям с нарушением интеллекта намного сложнее, чем лицам с нормальным интеллектом, противостоять отрицательным воздействиям окружающей среды, для них социализирующее влияние общества является более важным, определяющим фактором социализации, по сравнению с нормально развивающимися людьми.

Таким образом, несмотря на то, что при неблагоприятных условиях социализации люди с нарушением интеллекта, как правило, более склонны к тому, чтобы поддаться дурному влиянию и совершить правонарушение, чем люди с нормальным интеллектом, это не говорит о том, что они по своей природе изначально склонны к насилию. С целью предупреждения зарождения и развития преступных наклонностей у людей с нарушением интеллекта обществу необходимо создавать для таких лиц соответствующие условия социализации.

Литература

1. Аксенова Л.И., Архипов Б.А., Белякова Л.И. и др. Специальная педагогика: Учебное пособие для ВУЗов / под редакцией Назаровой Н.М. – М.: «Академия», 2000. – 395 с.
2. Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 томах. Т. 5. – Основы дефектологии. – М.: Педагогика, 1983. – 369 с.
3. Гуслова М.Н., Стуре Т.К. Психологическое изучение матерей, воспитывающих детей-инвалидов // Дефектология. – 2003. – № 6. – с. 28-31.
4. Королев В.В. Роль психических аномалий, не исключających вменяемости, в преступном поведении несовершеннолетних // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 41. М., 1984.

5. Мелешко Н.П. Ювенальная юстиция, судебная власть и социальный контроль на защите несовершеннолетних от карательного правосудия // Человек и закон. – 2007. - № 4. - с. 91-104.
6. Мишота В.А. Деформация института семьи как криминогенный фактор // Человек и закон. - 2007. - № 7. - с. 109-115.
7. Мохов А.А. Насилие над ребенком – причина детской беспризорности, наркомании и преступности // Человек и закон. - 2007. - № 6. - с. 149-121.
8. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 2000. – 944 с.
9. Параскевова С.А. Социальные истоки гражданского правонарушения // Человек и закон. - 2007. - № 7. - с. 64-73.
10. Прокудин Л. Винаватый взгляд жертвы // Человек и закон. – 2007. - № 1. - с. 78-85.
11. Саблева Л.С., Синев В.Н. Организация воспитательной работы с умственно отсталыми осужденными в ВТК. М., 1989.

poty-lyubov@yandex.ru

ФОРМИРОВАНИЕ РЕЙТИНГА РАДИОСТАНЦИЙ г. НОВОКУЗНЕЦКА

Н. А. Акимова, М. А. Диц, Л. П. Кружкова
Международный институт экономики и права
(сибирский филиал, г. Новокузнецк)

Современная рыночная среда характеризуется острой конкуренцией. Необходимость продвижения товаров на рынок в ее условиях стимулирует продавцов искать и применять новые и более эффективные способы передачи информации. В частности, традиционные методы передачи рекламной информации дополнились применением для этих целей телевидения, радио, Интернета. Соответственно, возросли затраты на ее передачу. С целью оптимизации затрат на рекламную деятельность и связи с общественностью современная организация должна выбирать адекватные инструменты продвижения информации о себе и своей продукции.

Радио является самым доступным средством массовой коммуникации, потенциально охватывающим все население. Основными особенностями такого средства массовой коммуникации являются общедоступность и относительно невысокая стоимость. Оно позволяет с минимальными затратами средств охватить значительное количество слушателей, при этом не требуется много времени на подготовку радиосообщений. Очень важную роль при оценке эффективности радио как средства коммуникации играют состав аудитории в момент радиопередач и выбор радиостанции в соответствии с тематикой, интересами и вкусами радиослушателей.

Исходя из вышесказанного целью исследования является изучение целевой аудитории радиослушателей г.Новокузнецка с последующим формированием рейтинга радиостанций. В ходе исследования были использованы следующие методы: теоретический анализ, опрос респондентов, графический метод, вертикальный и горизонтальный анализ.

Радио - это, в первую очередь, средство общения. Но до того как оно стало таковым прошло немало времени. Очень скоро оно стало средством массовой информации и пропаганды. За время его существования, оно претерпело множество изменений. На сегодняшний день радио - это:

1. Качественная музыка минувшего времени и наших дней, самые последние хиты, самые интересные, рейтинговые программы и хит-парады.
2. Самые горячие и актуальные новости.
3. Прогнозы погоды и гороскопы.
4. Интересные конкурсы и рубрики, розыгрыши призов, «звёздные гости», отличный заряд бодрости и хорошее настроение.

В ходе исследования было опрошено 1000 респондентов, проживающих в различных районах г. Новокузнецка (Центральном, Кузнецком, Куйбышевском, Орджоникидзевском, Новоильинском и Заводском), т.е. в среднем по 160 человек в каждом районе. Рабочий инструментарий исследования включал анкету, содержащую 7 вопросов. Основными критериями данного опроса являлись социально – демографические характеристики опрашиваемого населения. А также одним из важнейших вопросов анкеты являлся вопрос о любимой радиостанции. К дальнейшему анализу было допущено 919 анкет.

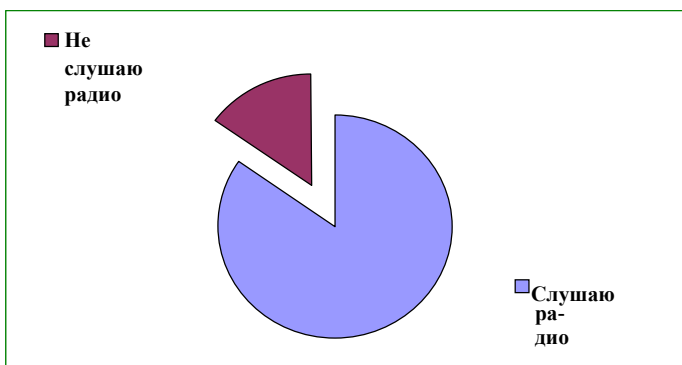

Рисунок 1 – Распределение выборки по признаку слушаемости

Анализ результатов опроса позволил сделать вывод о том, что 84,7% опрошенных являются активными радиослушателями и имеют достаточно широкое представление о радиостанциях, работающих в городе Новокузнецке.

Распределение выборки по половому признаку показало, что 529 радиослушателей из 919, а это 58,8% опрошенных респондентов – это женщины.

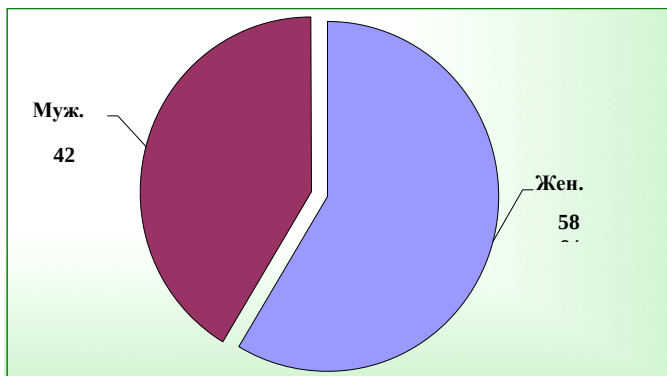

Рисунок 2 – Распределение выборки по половому признаку, %

Возрастная структура выборки представлена различными группами, но наиболее активными слушателями являются жители города Новокузнецка в возрасте 18-22 лет, 16 – 18 лет и 40 – 50 лет или 23,9%, 12,7% и 12,2 соответственно.

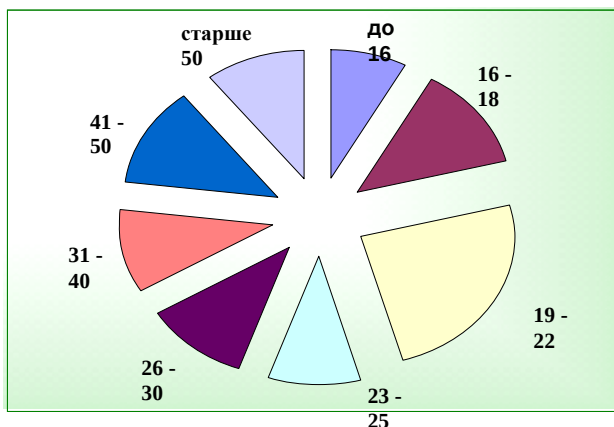

Рисунок 3 – Распределение выборки по возрастному признаку

Анализ образовательной структуры позволяет сделать вывод о том, что респонденты с высшим, неоконченным высшим и средне - специальным образованием являются наиболее активными радиослушателями, т.е. 26,9 %, 26,1 % и 24,1% соответственно

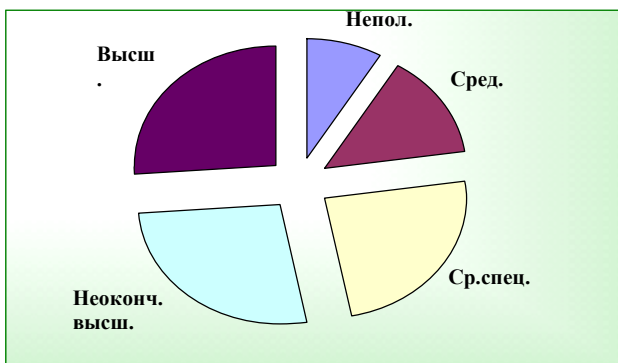

Рисунок 4 – Распределение выборки по образованию

При анализе социально – демографически характеристик было уделено внимание статусу респондентов. Самая активная аудитория радиослушателей представлена студентами. Удельный вес их групп в общей численности респондентов составляет 37,3 %, вторая по значимости группа – это рабочие 27,4 %.

Следующим этапом исследования, после анализа респондентов, является формирование рейтинга радиостанций. Рейтинг — как инструмент оценки одного фигуранта относительно другого — применяется во многих отраслях и направлениях деятельности, например, в банковской сфере, в туризме, в политике и тд. Прежде всего, точный рейтинг по определенным критериям — необходимая и важная информация для принятия управленческих решений. Поэтому широко публикуемые рейтинги в СМИ становятся не только инструментом маркетинга и планирования, но и инструментом формирования имиджа радиокomпаний, так как несут информацию о статусе фигуранта рейтинга относительно его конкурентов. Это заставляет рейтингуемые компании интересоваться результатами проведенных исследований и работать над повышением рейтинга, используя для этого все возможные способы. В связи с этим, на основании анализа анкет, был сформирован рейтинг радиостанций г. Новокузнецка.

Таблица 1 – Итоговый рейтинг радиостанций

Наименование радиостанции	Численность, чел.	Пол	Возраст, лет	Образование	Статус	Уровень дохода	Район
Европа плюс	360	ж	18-22	неоконченное высшее	студент	средний	Центральный
Апекс	282	ж	18-22	неоконченное высшее	студент	средний	Центральный

Милицей- ская волна	256	ж	40-и старше	высшее	рабо- чие, слу- жащие	средний	Кузнец- кий
Русское радио	190	ж	18-22	неокончен- ное высшее	сту- денты	средний	Цен- тральный
Кузнецкий экспресс	157	м	18-22	средне- специальное	рабо- чие	средний	Новоиль- инский
Шансон	156	ж	18-22	высшее	рабо- чие	средний	Цен- тральный
Ретро FM	151	ж	18-22	высшее	слу- жащие	средний	Цен- тральный
Авторadio	125	м / ж	30-40	высшее	рабо- чий	средний	Цен- тральный
Кузбасс FM	101	ж	18-22	неокончен- ное высшее	сту- дент	средний	Новоиль- инский
Радио 7	60	м / ж	18-22	средне – специальное	рабо- чие	средний	Новоиль- инский
Маяк	12	ж	50 и старше	средне - специальное	рабо- чие	ниже среднего средний	Кузнец- кий

На основании данных таблицы можно сделать следующие выводы:

1. Радиостанцию «Европа плюс» в Новокузнецке слушают 360 человек. Это 41,2% от общего числа слушающих радио. Аудитория слушателей, в основном, представлена женщинами, доля мужчин в сегменте составляет 35,5%. Возрастная группа основных слушателей – 18-22 года. Таких слушателей в сегменте «Европа плюс» - 129 человек. Радиостанция наиболее популярна в Центральном районе.

2. «Апекс» – первая местная радиоволна, которая недавно отметила свое 15-летие. Особой популярностью эта радиостанция пользуется у жительниц Центрального района в возрасте от 18 до 22 лет. Основная часть радиослушателей (чуть более 34%) имеет неоконченное высшее образование и является студентами как высших, так и средних учебных заведений. Уровень дохода у данной группы слушателей - средний.

3. Радиостанция «Милицейская волна» соединила в себе различные направления музыки. Из общего числа респондентов слушающих радио – 256 человек предпочитают именно Милицейскую Волну. Данную волну слушают в большей степени женщины. Возраст слушателей в основном от 40 лет. Любители этой радиостанции имеют средне-специальное и высшее образование, со статусом служащих и рабочих и со средним уровнем дохода. Основные слушатели проживают в Кузнецком районе.

4. «Музыка для души» с этим слоганом «Русское радио» начало своё вещание. 190 человека отдают предпочтение данному радио. Наибольшую популярность оно имеет в Центральном районе города. Основными слушателями являются женщины. Возрастная группа респондентов от 18 до 22 лет. Если обратить внимание на образование – это люди с неоконченным высшим образованием. Это радио можно назвать молодёжным, так как в основном его слушают студенты. Целевую аудиторию радиослушателей составляют люди со средним уровнем дохода.

5. Радиостанция «Кузнецкий экспресс» имеет примерно одинаковое количество слушателей в разных районах нашего города, однако большинство из них проживает в Ильинском районе. Следует отметить, что среди слушателей преобладают мужчины (более 50%), которые находятся в возрастной группе от 18 до 22 лет, причем большинство из них имеют средне-специальное образование, позволяющее им получать средний доход. Из этого можно сделать вывод, что основная масса слушателей – рабочие.

6. «Шансон» – это радио, которое снова вернулось в эфир вещания Новокузнецка. Этой радиостанции отдают свое предпочтение рабочие и служащие Центрального района старше 40 лет со средним уровнем достатка.

7. Радиостанция «Ретро FM» - одна из ярких представительниц музыки 60-90-х годов. Из всех опрошенных 151 человек отдал предпочтение «Ретро FM», большая часть которых женщины. В основном возраст радиослушателей старше 40 лет. Образование любителей ретро в большей степени средне-специальное.

8. «Нас слушают миллионы» - так нам представляется «Авторadio». Основными радиослушателями являются жители Центрального района в возрасте от 30 до 40 лет (их 125 человек), имеющие высшее образование и средний уровень дохода.

9. «Кузбасс FM» пользуется популярностью среди девушек в возрасте 18-22 года, проживающих в Ильинском районе, причем, большинство представителей данной группы (39 человек) в настоящий момент обучаются в учебных заведениях нашего города и имеют статус студентов, более 50% слушателей имеют средний доход.

10. «Радио 7 – это идеальный фон Вашей жизни» Так оно представляет себя и с этим утверждением согласились 60 человек. Аудитория слушателей оказалась почти поровну поделена между мужчинами и женщинами. В основном это люди в возрасте от 18-22, со средне-специальным образованием, имеющие статус рабочий, со средним достатком. Наиболее популярно «Радио 7» в Ильинском районе.

11. При проведении анкетирования неожиданностью стало то, что 1,5% радиослушателей дополнили представленный список новой позицией - радио «Маяк». Это радио предпочитают в Кузнецком районе. Преимущественная часть слушателей – женщины, возраст радиослушателей старше 50 лет, со средне-специальным образованием и относятся к рабочему классу, имеющие средний доход.

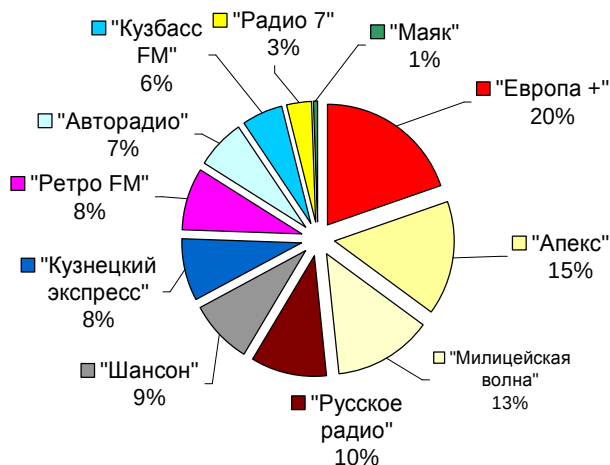

Рисунок 5 – Итоговый рейтинг радиостанций г. Новокузнецка

a-na@ngs.ru

СОСТОЯНИЕ ЖИВОТНОВОДСТВА В КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

К. К. Абдылдаев, Н. Т. Ишенбекова

Иссык-Кульский институт кооперации (г. Каракол, Кыргызская Республика)

Аграрная реформа окончательно повысила роль собственности, как самого действенного механизма повышения эффективности сельскохозяйственного производства. Однако, несмотря на то, что крестьяне получили в собственность скот, землю, технику наблюдается спад производства. Сельское хозяйство, будучи не прибыльной отраслью экономики, сегодня без государственных дотаций и инвестиций, самостоятельно выбраться из глубокого кризиса не может.

Принятый и проводимый курс сплошной “крестьянизации”, не обеспечил подъема аграрного сектора. В России, где функционирует более полумиллиона фермерских хозяйств, доля их продукции, в общем объеме не превышает 3 %. В Кыргызстане крестьянские хозяйства производят 23% продукции от общего объема, 15% - сохранившиеся прежние коллективные хозяйства и почти 60% - дают личные подсобные хозяйства (ЛПХ) [1]. По данным Национального статистического комитета Кыргызской Республики число крестьянских и фермерских хозяйств значительно увеличивается из года в год. За период с 1991 по 1996 годы было создано 27981 хозяйство. В 1998 году

насчитывалось 49277, а в 1999 году уже 60111 [2]. Однако они отличаются низким уровнем материально-технического обеспечения, снабжения и сбыта продукции. Крупных фермерских хозяйств мало, а мелкий товаропроизводитель находится в экономически невыгодных условиях.

Акцентируя внимание на современном состоянии животноводства Кыргызстана, следует отметить, что экономический кризис 90-х годов, особенно, глубоко коснулся развития данной отрасли. Животноводство республики продолжает находиться в упадке. Одна из основных причин тяжелейшего кризиса в сельском хозяйстве, и, в частности, в животноводстве, - повсеместное распространение ресурсоёмких технологий. Низкие продуктивность скота и производительность труда, высокие затраты кормов, энергетических и иных ресурсов сказываются на значительном повышении себестоимости продукции.

Одна из проблем в развитии современного животноводства связана с проблемой пастбищ. Если в 80-е годы причина деградации пастбищ была в резком увеличении нагрузки на пастбища из-за большого поголовья скота, то в наши дни богатейшие отгонные пастбища постепенно деградируют от накопления нестравленных трав.

Мировой опыт развития животноводства сегодня показывает, что закончился период непрерывного подъема пастбищного скотоводства. Современное развитие данной отрасли диктует необходимость перевода животноводства на новые технологические пути развития. Российские ученые отмечают тенденцию значительного снижения экономических показателей животноводческого производства, в целом в мире, вследствие уменьшения доли пастбищного животноводства за последние 10-15 лет. Из года в год отмечается растущая деградация пастбищ. Если за 40 лет, с 1950 по 1990 годы, в производстве говядины и баранины в мире отмечалась относительная устойчивость и объемы производства выросли в 2,6 раза, достигнув отметки 62 млн.т., то сегодня ситуация приняла обратный ход [3]. О масштабах перегрузки пастбищ говорят следующие факты: например: из 70 млн. га пастбищных угодий запада США 65 % находятся в тяжелом состоянии, а в Индии потребности в пастбищных кормах в ближайшие годы превысят, как считают эксперты, 700 млн. т., в то время как пастбища и луга дают 540 млн. т. зеленой массы. Таким образом, сегодня потребности в пастбищных кормах в этой стране удовлетворяются на 50-80% [4].

Основная причина кроется в деградации естественных пастбищных угодий и на основе этого невозможности сколько-нибудь существенного расширения в современных условиях пастбищного скотоводства. 80-е годы XX столетия, в развитии советского животноводства представлены проблемами, именно, такого характера. Богатейшие пастбища республики буквально были вытоптаны и превращены в непригодные земли.

Сегодня положение дел несколько иное. В Кыргызстане есть возможности для развития пастбищного скотоводства, так как сегодня они используются не на полную мощность. Если говорить цифрами, то сегодня пустуют 86%

пастбищ. Имеются богатейшие альпийские и субальпийские пастбища и луга, обеспечивающие дешевыми кормами такое количество скота, которое нужно республике для значительного подъема уровня животноводческого производства. Однако, как показывает опыт прошлых лет, потребительское отношение к пастбищам, бессистемное их стравливание и нерациональный подход могут иметь негативные последствия.

Другое из последствий - это уничтожение генетического потенциала отрасли. Результатом неумелой приватизации и создания мелких крестьянских ферм стало то, что в некогда крупнейших овцеводческих хозяйствах, на племенных станциях, где раньше насчитывалось по 30-40 тыс., осталось по 2-3 тыс. голов овец.

Значительно снизилось поголовье коров и их продуктивность. Для сравнения скажем, если за рубежом от каждой коровы в год получают по 5 тысяч литров молока и более, в России в среднем надой достигают не более 2500 кг [5], то в Кыргызстане, в среднем эти цифры составляют только лишь 1 - 1,5 тыс.

Численность скота на сельских подворьях практически не увеличилась. Так, по данным 2000 года ежегодный прирост за 2 предыдущих года составил: крупного рогатого скота всего 35 тыс.; лошадей – 10 тыс. и овец – 6 тыс. голов [6].

Одним из самых значительных негативных последствий стало замедление, а потом и отказ от процессов концентрации и специализации, которые в конечном итоге способствуют интенсификации производства.

Литература

1. А.О. Орузбаев, Б.Х. Кубаев. Кооперированию - новое дыхание. // Реформа. № 3.1999. С. 12.
2. Кыргызстан в цифрах. Краткий статистический сборник. Бишкек. Информационно-издательский отдел ГВЦ Нацстаткомитета КР. 2000. С. 72-74.
3. Е.С. Шершнев, М.Л. Мамиконян. Животноводство США. // США: экономика, политика. Идеология. – 1998. № 10. С. 116-117.
4. Е.С. Шершнев, М.Л. Мамиконян. Животноводство США. // США: экономика, политика, идеология. – 1998. № 10. С. 116-117.
5. Лазаренко В., Иванов В. Региональные ресурсосберегающие технологии в животноводстве. // АПК: экономика, управление. 1999, № 4. С. 56.
6. К. Тыналиев. Вернуться на отгонные пастбища. // Слово Кыргызстана. 18 мая 2000 года. С. 9.

ilimelim@gmail.com

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЖИВОТНОВОДСТВА В КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

К. К Абдылдаев., Н. Т. Ишенбекова

Иссык-Кульский институт кооперации (г. Каракол, Кыргызская Республика)

На современном этапе реформа сельского хозяйства в Кыргызской Республике проводится в рамках модернизации всего агропромышленного комплекса республики и продиктована реалиями сегодняшнего дня. В ней особое значение имеет новая роль государства, его новые механизмы помощи, финансовой, инвестиционной поддержки села. Результаты функционирования народного хозяйства республики за годы независимости, свидетельствуют о том, что рыночные механизмы саморегулирования экономики полностью его разбалансировали. Стагнационные явления не только преодолены, но продолжают углубляться. Агропромышленное производство, являясь составной частью единого народнохозяйственного комплекса республики, на современном этапе также испытывает трудности. Реалии сегодняшнего дня доказывают, что эффективность социально-экономического развития возможна при оптимальном сочетании рыночных и государственных механизмов воздействия и контроля над экономикой. В сельскохозяйственном производстве это усиливается его определенной специфичностью. В аграрном секторе, где экономические процессы тесно переплетены с естественными, биологическими, где практически всё сельское хозяйство зависит от погодных условий, т.е. находится в зоне рискованного земледелия, такое сочетание особенно важно.

Практика прошедших лет независимости показывает, что рыночная экономика в наших условиях была представлена стихийными, подчас спонтанными мерами в области реформирования аграрного сектора. Союзная специализация производства, в значительной степени способствовавшая интеграции и слиянию экономик союзных республик, после распада Союза, особенно тяжело сказалась на дальнейшем социально-экономическом состоянии всех республик. В результате реформ, крестьянин, получивший экономическую свободу, не имевший её ранее, сегодня оказался неспособным самостоятельно вывести сельское хозяйство из кризиса.

Основные резервы повышения эффективности сельского хозяйства и конкурентоспособности следует искать внутри самой отрасли. Это должно касаться освоения ресурсосберегающих технологий. Их использование и применение обеспечит снижение расхода всех видов ресурсов – земельных, трудовых, энергетических, материальных и финансовых – в расчете на единицу произведенной и реализованной продукции. Однако эти технологии зависят от уровня научно-технического прогресса, возможностей его реализации в тот или иной временной период. Поэтому, по нашему мнению, задача современных ученых-экономистов заключается в выявлении основных направле-

ний экономного расходования ресурсов в животноводстве, используя при этом анализ тенденций развития отечественного и мирового животноводства.

Основная причина кроется в деградации естественных пастбищных угодий и на основе этого невозможности сколько-нибудь существенного расширения в современных условиях пастбищного скотоводства. 80-е годы XX столетия, в развитии советского животноводства представлены проблемами, именно, такого характера. Богатейшие пастбища республики буквально были вытоптаны и превращены в непригодные земли.

Сегодня положение дел несколько иное. В Кыргызстане есть возможности для развития пастбищного скотоводства, так как сегодня они используются не на полную мощность. Если говорить цифрами, то сегодня пустуют 86% пастбищ. Имеются богатейшие альпийские и субальпийские пастбища и луга, обеспечивающие дешевыми кормами такое количество скота, которое нужно республике для значительного подъема уровня животноводческого производства. Однако, как показывает опыт прошлых лет, потребительское отношение к пастбищам, бессистемное их стравливание и нерациональный подход могут иметь негативные последствия.

С началом этих процессов связан ряд негативных событий, приведших отрасль республики в крайне тяжелое положение. Катастрофически сократилось общее поголовье скота. Существовавшие в годы советской экономики общественные поголовья были переданы собственности мелких крестьянских хозяйств. За последние годы прекратили функционировать крупные специализированные животноводческие фермы и комплексы, которые в былые годы давали основную долю продукции и выполняли основную нагрузку.

Кардинальный пересмотр взглядов относительно форм собственности, в наши дни ещё более актуальным делает теорию кооперирования, в основе которой лежит идея творческого труда и созидания. Современные ученые-экономисты, как России [1], так и Кыргызстана [2] доказывают, что “именно через кооперацию можно наиболее полно реализовать идею личной заинтересованности, возратить его творческие возможности и высокую самоотдачу...” [3]. Следует отметить, что в основе процессов кооперации и агропромышленной интеграции должны быть, прежде всего, механизмы рыночного саморегулирования и управленческого контроля со стороны государства.

В животноводстве принцип кооперирования предоставит возможность фермерам объединить свои усилия в вопросах кормового обеспечения животных, селекционно-племенной работы, совместного использования удобрий и техники. Анализ ситуации в животноводстве показывает, что именно эти проблемы сегодня для отрасли являются первостепенными.

Мировой опыт развитых стран показывает, что необходима всесторонняя помощь государства сельскому хозяйству. Так, в США фермеры ежегодно получают от государства дотации в размере более 150 млрд. долларов или на одно хозяйство 100 тыс. долларов. Дотации в цене продукции фермеров

США составляют 28 %, Канады – 44 %, стран европейского содружества – 47, Японии – 71 %, Швеции – 75 %, Норвегии – 77% и т.д. [4].

Аграрная реформа должна быть направлена на пересмотр налоговой, инвестиционной и дотационной политики государства в сельском хозяйстве. Современный этап развития увереннее доказывает необходимость сельскохозяйственной кооперации. Однако речь должна идти, прежде всего, о добровольной её форме. Переосмысление и выработка новых подходов к этому составному регулятору рыночного механизма продиктованы временем.

Литература

1. Абалкин Л. Перспективы экономики России на исходе 20 века. //Экономист. – 1996. - № 12; Никонов А.А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика (XVIII-XX вв.). – М., 1995; Ткач А.В. Кооперация в агропромышленном комплексе. – Свердловск, 1990. – Ч. 1,2.

2. Орузбаев А.О. Кооперированию – новое дыхание. // Реформа. – 1999. – № 3; Шамшиев С.Ж., Чынгышев К.Ч. К вопросу эффективности кооперативной формы хозяйствования в АПК. Бишкек. – 1996; Джумалиева Э. Кооперация крестьянских хозяйств – основной путь повышения эффективности сельскохозяйственного производства в условиях перехода к рынку. Бишкек. – 1997 и др.

3. Джумалиева Э. Кооперация крестьянских хозяйство – основной путь повышения эффективности сельскохозяйственного производства в условиях перехода к рынку. Бишкек. – 1997. С. 5.

4. Орузбаев А.О., Кубаев Б.Х. Кооперированию – новое дыхание. // Реформа. 3.1999 С. 12-13.

ilimelim@gmail.com

Раздел II

Философские исследования

Философия, логика и методология научного знания

ОБ УБЕДИТЕЛЬНОСТИ ОСНОВАНИЙ В ПОЛЬЗУ ЮМОВСКОГО ПОЗИТИВИЗМА

В. М. Резников

Институт философии и права СО РАН

Согласно фон Вригту концепция позитивизма опирается на следующие положения. Во-первых, методологический монизм. Это означает единую форму представления знания в различных науках. Во-вторых, идеальными средствами познания являются естественные науки, а также логика и математика. На основе такого рода аргументации, в частности на основании следующего пассажа Юма часто считают одним из основателей позитивизма. Он писал:” Возьмём в руки, например, какую-нибудь книгу по богословию или школьной метафизике и спросим: содержит ли она какое-нибудь абстрактное рассуждение о количестве или числе? Нет. Содержит ли она какое-нибудь основанное на опыте рассуждение о фактах и существовании? Нет. Так бросьте её в огонь, ибо в ней не может быть ничего, кроме софистики и заблуждений!”[1]

В работе исследуется обоснованность аргументации, относящей Юма к позитивистам. Наш анализ построен на основе исследования адекватности формальных дисциплин для философии Юма.

Все аргументы Юма о значимости формального знания естественно разбиваются на две группы. Во-первых, эти аргументы касаются прогресса в различных видах практической деятельности, науках и т.д. Формальные науки способствуют достижению точного знания. Юм писал:” заметим, что дух точности, каким бы образом он не был приобретён, приближает к совершенству любые искусства, любые профессии, даже те, которые ближе всего касаются жизни или деятельности”[2] Выше приведенные цитаты свидетельствуют о значимости точного знания в различных видах деятельности, не включая философию.

Во-вторых, аргументы касаются возможности получения нового знания формальным путём. В работах Юма анализируются пять формальных дисциплин: логика, арифметика, алгебра, геометрия и теория вероятностей.

Формальная дисциплина с эмпирико-феноменологических позиций Юма является адекватной для его задач, если выполняются следующие условия. Во-первых, формальный аппарат должен предоставить средства для ясного описания концепции Юма. Во-вторых, формальная дисциплина должна предоставить средства для получения нового знания. Рассмотрим, соответствие логики и других формальных дисциплин этим требованиям.

Юм полагал, что конструкции логики не соответствуют базовым элементам его концептуального аппарата. Представление понятий не вызывает проблем. Так идея представляется некоторым понятием логики. Сложность заключается в сопоставлении идей суждениям логики. Естественно предположить, что суждение, описывая связь двух понятий, отображается в две идеи, но это не так. Так, например, суждение Бог существует - описывается одной идеей Бога.

Логические конструкции предполагают большее число терминов, чем это требуется Юму. Это верно не только по отношению к описанию суждений, но и при проведении акта умозаключения. Обычная силлогистика требует три термина. Для описания перехода от причины к следствию Юму требуются только термины причины и следствия. Не только термины являются избыточными. Избыточным является и число актов познания. Традиционно процесс рассуждений предполагает выделение трёх актов познания - представление, суждение и заключение. По Юму три акта сводятся к первому, и оказываются ни чем иным как особым способом представления объектов.

Арифметика не предоставляет средств, для того чтобы можно было ясно представить большое число. Человек представляет отдельные части числа: тысячи, сотни, десятки, но для представления целого нет концептуальных средств. Геометрия тоже не является совершенной для ясного представления идей. Потому, что принципы этой науки сильно зависят от общего вида объектов. Так, например, при большом угле наклона между прямыми возникает ясное представление о том, что эти прямые пересекаются в одной точке. При малом угле наклона такое впечатление не может возникнуть.

Современные философы высоко отмечают вклад Юма в создание вероятностной концепции причинности. Так Суппес считает, что недооценка Юмом значимости вероятностной концепции помешала получить более солидные результаты. Юм полагал, что вероятностный аппарат неадекватен для ясного представления идей, описывающих результаты вероятностного эксперимента. Так при бросании шестигранной кости впечатление распределяется между шестью возможными результатами. Поэтому идея каждого отдельного результата не является ясной. Кроме того, Юм не считал, что вероятностные рассуждения являются уникальными. Он обосновывал, что они редуцируются к арифметическому анализу.

Перейдём к вопросу об адекватности формальных средств для открытия нового знания. Как убедительно показывают исследователи Юма, наибольшее влияние на его отношение к значимости логики оказали работы Декарта[3]. Декарт критикует логику по ряду оснований. Во-первых, логика черес-

чур ригористична и формальна. По Декарту, рассуждение: Сократ бежит; значит, Сократ движется - является корректным на основе семантического анализа понятий, и не нуждается в среднем члене. Во-вторых, логика позволяет доказательно представить известные результаты, но не является логикой открытий.

Математика также не обеспечивают получение нового знания. Это демонстрируется на примере законов движения. Юм писал: "Геометрия доставляет нам помощь в приложении этого закона, доставляя точные измерения всех частей и фигур, которые могут входить в состав любого рода механических устройств, но открытием самого закона мы обязаны исключительно опыту"[4]

Юм убедительно показал, что формальные науки не адекватны науке о человеке. Значимость активных экспериментов ограничена. По отношению к природе человека допустимы только пассивные наблюдения. Отрицание роли экспериментов и признание ограниченной значимости логико-математических дисциплин не позволяют считать Юма позитивистом.

Литература

1. Юм Д. Сочинения: в 4-х томах. М., 1996. Т.2. С. 144.
2. Там же. С.9.
3. Owen D. Hume's reason. Oxford, 1999.
4. Юм Д. Сочинения: в 4-х томах. М., 1996. Т.1. С. 97.

rvm@philosophy.nsc.ru

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНИМАНИЯ КАК ОСНОВАНИЕ ПОНЯТИЯ РАЦИОНАЛЬНОСТИ*

А. Ю. Нестеров

Самарский государственный аэрокосмический университет

Понятие рациональности (разумности, интеллектуальности) фиксирует набор признаков деятельности человека, в соответствии с которыми, во-первых, человеческая деятельность может быть отличена от нечеловеческой, во-вторых, может быть произведена классификация собственно человеческой деятельности. В логическом смысле понятие рациональности выступает функциональным эквивалентом понятия разума: поскольку при всякой попытке родо-видового, генетического или контекстуального определения «разума» определяющий попадает в ситуацию герменевтического круга (т.е. вы-

* Работа выполняется в соответствии с проектом РГНФ №08-03-26301а/в

нужден определять то целое, частью которого сам является), постольку в целях снятия этой ситуации круга и во избежание введения произвольных предпосылок вместо ответа на вопрос «из чего состоит?» или «чем является?» отвечают на вопрос «что делает?» или «как проявляется?». Получаемые в качестве ответов на последний вопрос признаки интеллектуальности всегда подразумевают внятную и проверяемую антитезу разумного и неразумного, локализуемую исторически и эмпирически. «Разумность» подразумевает наличие у располагающего ею субъекта некоторой способности или компетенции, «неразумность» – её отсутствие.

В историческом смысле набор признаков разумности может быть получен как минимум четырьмя способами, подразумевающими соответствующие способности у разумного субъекта (человека):

1. *Разумность как способность задать вопрос.* Это рациональность вопроса и ответа, известная западной философии, начиная с диалогов Платона. В 20-м в., например, Х.Патнэм использует этот способ введения рациональности: «...«Рациональность» - способность (или, вернее, объединённая система способностей), которая позволяет её обладателю определить то, какие вопросы уместно задать и какие ответы можно принять...» [1]. Эпистемологически этот способ определения рациональности обусловлен способностью субъекта фиксировать собственное незнание или знать о своём незнании. Несамоприменимость (классический вопрос софистики: «как можно спрашивать о том, чего не знаешь?») свидетельствует о категориальном статусе определённой такой образом рациональности.

2. *Разумность как способность подчинить действие заданной цели.* Это рациональность цели и средства, разрабатываемая эпохой Просвещения. В узком смысле рационально то, что является средством для достижения (фиксированной) цели, в широком смысле – то, что позволяет формулировать цели деятельности как таковые [2]. Эпистемологическим обоснованием этого способа введения рациональности является способность субъекта к целеполаганию как конструированию или представлению инобытия действительно мира.

3. *Разумность как способность отличать субъект от объекта.* Это субъект-объектная рациональность, понятие которой фиксируется в начале 19-го в. и активно разрабатывается во второй половине 20-го в. Как правило, термин «рациональность» употребляется в значении субъект-объектной рациональности: в этой связи говорят о классическом, неклассическом и постнеклассическом типах рациональности [3], различают типы и идеалы рациональности [4]. Эпистемологическим обоснованием является способность различения себя и другого или, интерпретируя в терминах этики, себя, другого и чужого.

4. *Разумность как способность понимать, т.е. пользоваться информацией, расшифровывать коды или переходить от знаков к значениям.* В значительной мере благодаря Д.Сёрлю [5] этот способ введения рациональности стал определяющим для программ компьютерного моделирования интеллек-

туальности. Его эпистемологическим обоснованием является способность субъекта к семиозису, разграничению знака и незнакового.

Представленные четыре способа получения понятия рациональности сформулированы в истории западно-европейского мышления и базируются на компетенциях или способностях, обладание которыми делает субъекта разумным, позволяя наблюдателю установить в т.ч. и степень его разумности. Каждый из этих способов вводит рациональность в виде элемента амбивалентной понятийной (концептуальной) схемы, подразумевая нерациональное как фон для осуществления рационального: «рациональность» представляет собой термин языка наблюдения, денотатом которого является различение рационального и нерационального как констатация наличия или отсутствия свойств, зафиксированных в одном из четырёх способов определения понятия рациональности. Иными словами, существенное значение в каждом случае имеет подразумеваемый объём понятия нерационального или тот фон (среда), отрицание (системное освоение) которого позволяет быть рациональным.

Для первых трёх случаев данный фон детально описан, в т.ч. и для целей создания гипотез, позволяющих решать прикладные задачи имитации способов осуществления человеческой разумности и моделирования разумных по определению систем, уже не повторяющих отношения, конститутивные для деятельности человека. В отношении четвёртого случая, несмотря на то, что уже в 17-18 веке в контексте т.н. «общей герменевтики» были упорядочены и классифицированы практически все способы обращения человека со знаками, а в 19-м веке Фр.Шляйермахером проблема понимания была поставлена как проблема преодоления непонимания, нет ответа на вопрос, как может быть зафиксировано непонимание, равно как и отсутствует единый терминологический контекст, вообще позволяющий конструировать понятие рациональности на основе понятия понимания.

Приблизиться к решению задачи определения непонимания с целью внятно описать базирующееся на понятии понимания представление о рациональности можно в контексте анализа ступенчатых теорий понимания языковых выражений (6). Одна из наиболее полных теорий подобного рода, сформулированных в терминах технической герменевтики и аналитической философии, представлена Оливером Шольцом в работе «Понимание и рациональность» (7). Она включает в себя 9 ступеней:

1. Перцептивное понимание
2. Понимание в качестве знака
3. Понимание в качестве языкового знака
4. Понимание в качестве символа определённого языка L
5. Понимание потенциального смысла высказывания в языке (буквальный смысл)
6. Понимание актуализованного в контексте языкового смысла (снятие многозначности)
7. Понимание сказанного выражением предложения (пропозиция)

8. Понимание модальности высказывания (сила высказывания)
9. Понимание прагматически имплицированного смысла (косвенное понимание)

Каждая ступень понимания в этой модели управляется прагматическим правилом (презумпцией или presupпозицией), апеллирующим к конкретной способности понимающего субъекта и тем самым позволяющим зафиксировать конкретную успешность или неуспешность понимания на данной ступени. Например, для перцептивного понимания правилом является адекватное конкретному естественному языку правило корреляции слышимого звука речи с фонемой или видимой буквы – с буквой алфавита, критерием успешности/неуспешности – способность к воспроизведению видимого и слышимого (что в свою очередь соразмерно предложенному Фр.Шляйермахером определению понимания как воссоздания речи). Следуя логике схемы О.Шольца (которая уточняет и дополняет, но не трансформирует известные модели В.Кюнне и А.Бюлера) или ей подобной, можно получить картину возможного непонимания, проявляющую конкретное поле применения анти-тезы понимание/непонимание и тем самым – объём понятия рациональности, определяемого через понятие понимания.

Само исследование рациональности в терминах герменевтики актуально не столько в смысле снятия недоразумений, связанных с употреблением термина «понимание» Д.Сёрлем и его некритическими последователями, сколько с открывающейся здесь возможностью перевода прагматических презумпций в системы синтаксических правил, что, в свою очередь, должно открыть возможность синтаксического отображения семантики естественных языков или хотя бы приблизить нас к ней.

Примечания

1. Патнэм Х. Разум, истина и история. М., 2002. С. 263.
2. Buehler A., Madonna L.C. Einleitung // Meier G.F. Versuch einer allgemeinen Auslegungskunst. Hamburg, 1996. S.LXXX.
3. Стёпин В.С. Теоретическое знание. М., 1999.
4. Добронравова И.С. Идеалы и типы научной рациональности.// Философия, наука, цивилизация. М., 1999.
5. Searle J. Minds, Brains, and Programs // The Philosophy of Artificial Intelligence / Boden M. (ed.) Oxford, 1990.
6. Нестеров А.Ю., Троицкая Ю.В. Аналитические дефиниции понимания // Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований. Материалы региональной научной конференции молодых учёных Сибири в области гуманитарных и социальных наук. Новосибирск: «Новосибирский гос. ун-т», 2006. С.64-69.
7. Scholz O.R. Verstehen und Rationalitaet. F.a.M., 2001. S.294-312 ff.

ПРИКЛАДНЫЕ МЕТОДЫ ИСКУССТВЕННОЙ РАЗУМНОСТИ

А. В. Скрыпка

Самарский государственный аэрокосмический университет

Построение программных или программно-аппаратных систем, связанных с понятием «искусственной интеллектуальности», как в рамках традиционно сложившихся символьного (основанного на методе резолюций) или нейросетевого подходов, так и более современных синтетических подходов, преследует две цели. Во-первых, указанные направления имеют значительное прикладное значение, которому они и обязаны своим бурным развитием, а во-вторых, являясь, вероятно первыми реально функционирующими моделями процессов, схожими с процессами, протекающими в нашем сознании, имеют важное общенаучное значение, связанное с базовыми математическими проблемами вычислимости и детерминизма.

С учетом сказанного возникает естественный вопрос о границах применения термина «искусственная интеллектуальность», или вернее о выделении общих свойств или сущности методов, объединенных под данным термином. Отметим, что задачи из области вариационного исчисления, оптимального управления, математического программирования и теории игр, как правило, не относят к области искусственной интеллектуальности.

Не ограничивая общности, рассмотрим некоторую задачу, с теоретическим временем решения $O(n^2)$. Пусть для данной задачи построен метод, предположительно дающий решение за линейное время $O(n)$. Возможно два случая. Во-первых, оценка времени $O(n^2)$ может не являться минимальной, и рассматриваемая задача в действительности является задачей с линейным временем, либо, и это более интересный для нас вариант, построенный метод дает неполное или содержащее ошибку решение в некотором подмножестве множества исходных данных, иначе говоря, производит размен времени решения на область допустимых исходных данных.

В качестве примера рассмотрим игру в крестики-нолики. Игра в крестики-нолики, как известно, является игрой с нулевой суммой. Классический алгоритм поиска хода представляет собой реализацию принципа минимакса при просмотре полного дерева игры и очевидно имеет экспоненциальную сложность (разумеется, возможен ряд модернизаций минимакса, например альфа-бета).

С другой стороны, возможна реализация персептрона, которому в качестве входного вектора предъявляют текущее положение на игровом поле, выход которого трактуется как указание на оптимальных ход, а обучение которого ведется по результатам сыгранных партий. После проведения ряда партий с обучением, персептрон начинает играть сравнительно «разумно», расходуя на ход время только прямого вычисления [1, 2]. Естественно, что результаты игры из позиций, которые ранее персептрону не предъявлялись,

непредсказуемы. Указанные особенности характерны и для человека, впервые играющего в крестики-нолики.

Подобная же ситуация складывается при реализации игры в крестики-нолики на базе продуктивной системы, базирующейся на методе резолюций и исчислении предикатов первого порядка. В этом случае, «памятью системы» являются полученные на промежуточных шагах дизъюнкты. Указанные системы реализовывались в демонстрационных целях автором [3].

Возможность разминивать время решения задачи на область её решения, по всей видимости, можно считать основным свойством систем, объединяемых под общим термином «искусственной интеллектуальности». Необходимо отметить, что в большинстве прикладных задач практический интерес представляет крайне малая подобласть данных (например, в шахматах подавляющее большинство позиций никогда не встречаются), что и обеспечивает высокую эффективность методов «искусственной интеллектуальности».

Литература

1. Основные концепции нейронных сетей./ Р. Калан. М.: Вильямс, 2001.- 288с.
2. Нейронные сети. Полный курс./ С. Хайкин М.: Вильямс, 2006.- 1104с.
3. Введение в теорию автоматов, языков и вычислений./ Д. Хопкрофт, Р. Мотвани, Д. Ульман. М.: Вильямс, 2002. – 528с.

aynesterow@yandex.ru

МАТЕМАТИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП БИНАРНЫХ ВЫЧИСЛЕНИЙ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ ОТ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА К СОВРЕМЕННЫМ ЭВМ

И. И. Литовка

Институт философии и права СО РАН

Египетский метод математических расчетов был построен на принципах бинарности. Все математические операции осуществлялись при помощи удвоения числовых значений для их последующего сведения к процедурам сложения или вычитания. В литературе часто встречается утверждение, что египетские методы вычислений были очень громоздки, и что они только использовали когда-то и кем-то составленные таблицы, не производя самостоятельных вычислений. Это утверждение на наш взгляд неверное. Бинарный арифметический метод действительно не самый короткий путь вычисления, но, наверное, более точный в отношении получаемых результатов в сравнении с параллельно существовавшими методиками. Заранее составленные таблицы дающие числовой результаты вычислительных операций, по-

видимому, использовались в основном чиновниками с целью экономии времени, но владея принципом бинарных вычислений грамотный египтянин был способен составить их самостоятельно, так же как любой современный школьник при необходимости сможет составить таблицу умножения.

В основе бинарной арифметики лежит принцип «сведения к целому», где целым является самое большое числовое значение, заданное в условиях вычисления принимаемое за исходную единицу. И для деления и для умножения мы можем воспользоваться одной таблицей удвоения. Предположим, нам необходимо умножить 17 на 16, и разделить 400 на 16:

1	16
2	32
4	64
8	128
16	256
32	512
64	1024

При операции умножения, в первой колонке мы находим любую сумму или разность, дающую в результате 17, и соответственно сумму или разность чисел во второй колонке. Это будет: $16 + 1 // 256 + 16 = \underline{272}$ или $16 + 2 - 1 // 256 + 32 - 16 = \underline{272}$, т. е. $16 \times 17 = 272$

Деление осуществляется точно так же, только теперь мы будем искать любую сумму или разность, дающую 400 во второй колонке, чтобы затем произвести аналогичные операции в первой колонке и получить искомую величину. Это будет: $16 + 128 + 256 // 1 + 8 + 16 = \underline{25}$ или $1024 - 512 - (128 - 16) // 64 - 32 - (8 - 1) = \underline{25}$, т. е. $400 : 16 = 25$

При операциях с дробями главным средством «сведения» была техническая процедура приведения дроби к виду единичной. Продемонстрируем этот метод на примере из таблицы деления 2 на нечетные величины от 3 до 101:

$$2 : 27 \quad 2/27 \times 2 = 4/54 = 1/54 + 3/54 = 1/54 + 1/18$$

$$2 : 65 \quad 2/65 \times 3 = 6/195 = 1/195 + 5/195 = 1/195 + 1/39$$

$$2 : 77 \quad 2/77 \times 4 = 8/308 = 1/308 + 7/308 = 1/308 + 1/44$$

В данном случае множители подставлены нами для удобства восприятия. Египтяне же получали все значения методом удвоения, опираясь на положение, что если необходимо получить из четного удвоенного числа нечетное, всегда можно вычесть или прибавить условную единицу. Формально этот принцип можно отобразить в виде следующего соотношения: $2x N \pm 2y N \pm N$, где x и y – коэффициенты удвоения, а N – величина удвоения. Процедура сведения всех дробей к виду единичных открывала перед египтянами «оперативный простор» манипулирования дробными величинами как целыми

числами. Об этом говорит и тот факт, что числители они даже не прописывали.

В основе египетской двоичной системы счисления и современных электронных систем счисления, как это не парадоксально на первый взгляд, лежит единый математический принцип. Бурное развитие электронно-вычислительной техники началось примерно в 40-х годах XX века, с создания первых электронных цифровых вычислительных машин (ЭЦВМ) с программным управлением. Применение электронных машин существенно расширило возможности математических вычислений, которые ранее были невыполнимы, так как требуемое для этого время превышало все разумные пределы. Уже к 1965 в мире насчитывалось свыше пятидесяти тысяч цифровых вычислительных машин различного назначения. Разработки в области полупроводниковых приборов позволили повысить в сотни и тысячи раз их быстродействие и объёмы памяти. [1] Современная компьютерная техника в своем развитии уже ушла далеко вперед от образцов цифровых вычислительных машин середины XX века, но в её работе используется тот же двоичный математический принцип обработки и хранения информации, что и в первых ЭЦВМ.

Электронная бинарная система счисления изначально была построена на позиционном принципе записи чисел, с основанием 2. В этой системе использовалось только два знака для обозначения цифр 0 и 1, и как и во в любой другой позиционной системе, значение цифры зависит от занимаемого ею места. Так, например число 2 считается единицей 2-го разряда и записывается как 10, а читается как - «один; ноль». Каждая единица следующего разряда в два раза больше предыдущей, то есть эти единицы составляют последовательность чисел 2, 4, 8, 16, ..., $2n$, ... Чтобы число, записанное в десятичной системе счисления, перевести в запись для электронной бинарной системы счисления, его последовательно делят на 2 и записывают получающиеся остатки как 0 и 1 в последовательности от последнего значения к первому значению, то есть в обратном порядке. Продемонстрируем на конкретном примере как из десятичной системы число переводится в электронную бинарную систему счисления:

$$45 = 22 \times 2 + 1$$

$$22 = 11 \times 2 + 0$$

$$11 = 5 \times 2 + 1$$

$$5 = 2 \times 2 + 1$$

$$2 = 1 \times 2 + 0$$

$$1 = 0 \times 2 + 1$$

Следовательно, электронная бинарная запись числа 45 - это 101101. Можно заметить, что как и в египетской математике действие умножения сводится к многократным прибавлениям множимого, а деление - к вычитанию. Все произведенные нами процедуры, в точности соответствуют, описанным нами во второй и третьей главах, математическим операциям египтян, которые получали все значения методом удвоения, опираясь на положение, что если

необходимо получить из четного удвоенного числа нечетное, всегда можно прибавить условную единицу счета. Во всяком случае, использование единого математического принципа древними египтянами и создателями современной электронной вычислительной техники очевидно. Но почему же современные математики, создававшие первые электронные машины в качестве базового принципа использовали именно метод арифметического удвоения?

Как ни удивительно - из-за его простоты и удобства. В бинарной системе счисления быстро и легко выполняются все арифметические действия, существенно упрощаются и все логические операции. Цифровая вычислительная машина должна иметь цифровые элементы, обладающие конечным числом устойчивых состояний, и число подобных состояний должно быть равно числу цифр той системы счисления, в которой работает программа. Благодаря тому, что принцип записи чисел имеет основание 2, и используются лишь две цифры, бинарная система счисления оказалась наиболее эффективной в теоретических построениях разработчиков электронных цифровых вычислительных машин. Единственное неудобство, связанное с использованием и египетской непозиционной и компьютерной позиционной бинарных систем счисления, это - громоздкая запись значений. Число 45 нам пришлось записать шестью знаками.

Историки науки, уже традиционно, описывая египетскую бинарную систему счисления указывают на исключительно прикладной характер всех арифметических действий производимых в рамках этой системы и разве не поразителен тот факт, что спустя тысячелетия бинарный принцип счисления оказался наиболее применим именно в теории математического программирования! Наглядные параллели, которые мы можем провести в данном конкретном случае между древнейшей и современной математикой, никак не подкреплены научно-историческими или научно-философскими исследованиями. Две эти системы разделяет огромный промежуток времени, и нам ничего неизвестно об использовании оригинальной бинарной системы счисления в течении тысячелетий после угасания египетской культуры. Как справедливо отмечал немецкий математик и философ Г. Вейль: «Именно математику, который строгим и формальным образом оперирует понятиями своей развитой науки, следует время от времени напоминать о том, что первопричины вещей лежат в более темных глубинах, чем те, которые он в состоянии постигнуть своими методами. Задача постижения остается за пределами отдельных наук. Несмотря на обескураживающую чехарду философских систем, мы не можем отказаться от её решения, если не хотим, чтобы знание превратилось в бессмысленный хаос». [2]

Примечания

1. Историю возникновения вычислительной техники см.: Информация. Сб. ст., пер. с англ. А. В. Шилейко, М., 1968 г. *Ледли Р. С.* Программирование и использование цифровых вычислительных машин. М., 1966 г. *Sackman H.* Computers, System Science and Evolving Society. New York, 1967.
2. *Вейль Г.* Пространство, время, материя. М., 1996 г., с. 20

proton551@mail.ru

ОНТОЛОГИЯ И КАТЕГОРИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ЯЗЫКОВ

В. А. Филипповский

Самарский государственный аэрокосмический университет

1. Конструирование искусственных языков и выяснение содержащихся в них онтологических допущений является хорошим средством изучения проблем онтологии [1].

2. Вопрос о структуре языка и мышления и соответствующей онтологии подразделяется на три вопроса: 1) какого рода объекты вынуждают нас *видеть* язык?, 2) какого рода объекты вынуждают *принять* язык? и 3) какие онтологические *допущения обязывает делать* данный язык?

3. Ответы на два последних вопроса известны. Второй вопрос уточняется для языков фреге-расселовского типа, ответ на него даёт критерий Куайна: “Быть – значит быть значением квантифицируемой переменной”. На третий вопрос даёт ответ критерий Чёрча: “Язык обязывает делать именно те онтологические допущения, которые формулируются в аналитически истинных предложениях данного языка”.

4. Первый вопрос прояснит рассмотрение категориальной структуры искусственных языков. Некоторое общее представление о категориальном строении искусственных языков можно составить, указав на то, что принципиально существует только две категории языковых выражений: имя (n) и предложение (s). Однако, существуют конкретизации и категории имён, и категории предложения. Так, имена различаются: 1) пустые (будем обозн. их n^0); 2) единичные (собственные, обозн. n^1) и 3) общие (обозн. n^n). Предложения различаются: 1) повествовательные (нарративы, будем обозн. их s^1), 2) вопросительные (интеррогативы, обозн. $s^?$) и 3) побудительные (императивы, обозн. $s^!$).

Эти конкретизации приводят к различным вариантам категориального строения искусственных языков. Нами найдено упоминание о трёх принципиально различных типах искусственных языков, главное различие которых заключается в принимаемых ими базовых синтаксических категориях: 1) языки фреге-расселовского типа; базовыми категориями являются: а) собственные имена n^1 и б) высказывания s^1 ; 2) силлогистика; базовыми категориями являются: а) общие имена n^n и б) высказывания s^1 ; 3) иерархия искус-

венных языков Ст.Леснеского, базирующаяся на теории синтаксических категорий; базовыми категориями являются: а) все типы имён: n^0 , n^1 , n^n и б) высказывания s' . Ясно, что данные типы не являются единственными типами искусственных языков с различным категориальным строением. Кроме того, что приведённая классификация неполна, она не показывает внутреннюю дифференциацию (внутри самих типов).

5. Самым развитым, распространённым и, вследствие этого, наиболее изученным является первый тип. Важно показать дифференциацию внутри этого типа.

6. По категориальному строению искусственные языки фреге-расселовского типа принято классифицировать на два класса: платонистические и номиналистические языки. При первом приближении их различие касается допущения операции квантификации по непредметным переменным для первых и недопущение её для вторых. Вследствие допущения такой операции в языках платонистического типа происходит субстантивирование свойств и отношений, находящих своё выражение в предикатных знаках этих языков. Исследователями отмечается, что в вопросе о номиналистическом и платонистическом типах искусственных языков находит свою переформулировку давний спор об универсалиях, начатый ещё схоластами [2].

7. Существует четыре радикальные интерпретации отношения отображения для предикатных знаков языков рассматриваемого типа. Первая из них – платонистическая, три другие номиналистические.

Первая. Предикатные знаки – это значащие знаки (т.е. имеющие значение). Они суть подлинные имена определённых сущностей, так что одинаковые предикатные знаки обозначают одну и ту же сущность. Этой интерпретации придерживались Рассел и Карнап.

Вторая. Предикатные знаки – это синкатегорематические (т.е. не имеющие значения) знаки. На этой точке зрения стояли Куайн и Гудмен. Отношение отображения предикатного знака P самого по себе – неопределённо. Но отображения каждого из двух P в предложении " $Pa \ \& \ Pb$ " однозначно задано индивидуальным именем (a или b), присоединённым к нему. Что именно представляет предикатный знак, определяется только в контексте предложения. Интерпретация синкатегорематического функционирования предикатных знаков зависит от того, является ли отношение, изображаемое одинаковостью предикатных знаков, отношением *тождества* или отношением *сходства*. Каждая из этих интерпретаций должна быть рассмотрена по отдельности. Рассмотрим сначала интерпретацию синкатегорематического функционирования предикатных знаков с отношением *тождества*. В данной интерпретации имеем два понимания тождества: только лишь как *частичного тождества* или же как *полного тождества* (первое соответствует фрегевскому равенству, второе – тождеству [3]). Для каждого из них существует своя интерпретация предикатных знаков, однако общим для обеих интерпретаций является рассмотрение абстрактных сущностей как определённых сущностей

в индивидуальных вещах. Одинаковые предикатные знаки считаются (частично) тождественными.

Третья. Интерпретация синкатегорематического функционирования предикатных знаков с отношением *сходства*. В данной интерпретации предикатные знаки также представляют конкретные свойства или формы, присущие вещам, но только теперь два одинаковых предикатных знака не являются тождественными, а считаются похожими.

Четвёртая. Строго реистская интерпретация предикатных знаков. Реистская позиция соответствует позиции крайнего номинализма, согласно которой существуют только индивидуальные вещи. Реизм отвергает существование свойств и отношений, и, следовательно, предикатные знаки считаются вспомогательными, синкатегорематическими знаками.

8. Ответом на вопрос, какого рода объекты вынуждает нас *видеть* язык, с нашей точки зрения, мог бы быть следующий критерий: “Видеть – значит уметь фиксировать в знаках” [4]. Иначе говоря, ответ на первый из трёх выше названных вопросов даст выяснение того, какие категории языковых выражений принимаются в данном языке в качестве базовых синтаксических категорий.

Примечания

1. Смирнов В.А. Логические методы анализа научного знания. / Под ред. В.Н.Садовского и В.А.Бочарова. – М.: Эдиториал УРСС, 2002, С.144.

2. См., напр., Кюнз Г. Онтология и логический анализ языка. Философия в XX веке: Швейцария. Перевод с нем. и англ. Никифорова А.Л. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999.

3. Фреге Г. О смысле и значении. // Фреге Г. Логика и логическая семантика: Сборник трудов / Пер. с нем. Б.В.Бирюкова под ред. З.А.Кузичевой: учебное пособие для студентов вузов. – М.: Аспект Пресс, 2000, С.230-246.

4. Наша точка зрения обнаруживает сходство с важным, на наш взгляд, замечанием Бенедетто Кроче о тождестве интуиции (интуитивного познания) и выражения: “Часто можно услышать от людей, что у них в голове много важных мыслей, но они-де не умеют их выразить <...>. Нет ничего ошибочнее такого взгляда. В познавательном процессе нет возможности отличить интуицию от выражения. <...> они являют собой не две различных вещи, а одно и то же”. – И далее: “Логическая мысль, которой не удаётся достигнуть выражения, не является мыслью, а есть, самое большее, смутное предчувствие грядущей мысли” [3, С.19, 66]. Формальное выражение и доказательство аналогичного принципа было дано Эвереттом Бетом в 1953 г. в виде теоремы: “Если термин *P* неявно семантически определим в Σ , то он явно определим в Σ ” (Σ – множество предложений). (Цитируется по [5, С.51].)

Литература

1. Church A. The need for abstract entities in semantical analysis (1951). // [http:// www.di-text.com / church / nae.html](http://www.di-text.com/church/nae.html).
2. Goodman N., Quine W.V. Steps toward a constructive nominalism (1947). // [http:// www.ditext.com / quine / stcn.html](http://www.ditext.com/quine/stcn.html). Перевод статьи: Гудмен Н., Куайн У.О. На пути к конструктивному номинализму. // Гудмен Н. Способы создания миров. М., 2001, С.289-317.
3. Кроче Б. Эстетика как наука о выражении и как общая лингвистика / Пер. Яковенко В., ред. и авт. предисл. Махов А.Е. – М.: Интрада, 2000.
4. Моррис Ч.У. Основания теории знаков. // Семиотика: Антология / Сост. Ю.С.Степанов. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Акад. Проект; Екатеринбург: Дел. Кн., 2001, С.45-97.
5. Смирнов В.А. Логические методы анализа научного знания. / Под ред. В.Н.Садовского и В.А.Бочарова. – М.: Эдиториал УРСС, 2002.

aynesterow@yandex.ru

СУБСТАНТИВИСТСКАЯ ТЕОРИЯ И УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ КРИТЕРИЯ ИСТИННОСТИ*

А. В. Хлебалин

Институт философии и права СО РАН

Проблема истины является не только одной из самых почтенных в перечне философских проблем, но и весьма респектабельна сама по себе: «Вопрос «что есть истина?» волнует людей уже многие века. Все человечество либо ищет ее, либо делает вид, что стремится к ней». [Цит. по 2;13]. Интерес к проблеме истины на протяжении истории западной философии приобретал время от времени отчетливые очертания, которые весьма быстро образовывали собой целые этапы в ее трактовке, характеризующие достижение устойчивого единства мнений философов в отношении указанной проблемы. Так, от Аристотеля и вплоть до Канта убеждение в том, что истина заключается в некоторого рода соответствии мыслей с реальностью было вполне естественным для подавляющего большинства философов. После Канта утверждается новый взгляд на истину, который весьма быстро становится каноническим: истина существенно зависима от сознания, и не служит более для обозначения простого отражения сознанием реальности. Вплоть до XX века развитие кантовского взгляда на истину оборачивалось утратой веры в корреспондентную трактовку этого понятия, которое воспринималась уже как пережиток «метафизического прошлого». Общее мнение в отношении возможности корреспондентной теории истины выразил, например, К. Поппер: «Причиной

* Работа выполнена в рамках реализации проекта, поддержанного РГНФ № 08-03-00397 «Формализация истинности и реализм теоретического знания».

моего беспокойства в связи с понятием истины было, конечно, то, что это понятие в течение некоторого времени подвергалось нападкам ряда философов, причем на весьма серьезных основаниях. Меня пугал не столько парадокс лжеца, сколько трудности объяснения теории истины как соответствия: в чем может состоять соответствие высказывания фактам?». [3;302].

Нарастание сомнений в оправданности и самой возможности корреспондентной трактовки понятия истины привели к тому, что в XX веке философы разделились на два враждующих лагеря. Представителей первого можно назвать «реалистами», которые пытаются отстаивать трактовку истины как соответствия. Представителей второго лагеря можно назвать «верификационистами» (в широком смысле этого понятия), которые склонны трактовать истину как «подтверждаемость при идеальных условиях исследования», если обратиться к формулировке такого рода позиции Ч.С. Пирсом. Вместе с тем, наиболее интересным и значимым для характеристики понятия истины в философии XX века является то, что большая часть философов вообще предпочла не участвовать в споре указанных сторон и с готовностью отвергла понятие истины, заклеив его как «метафизическое». Эта позиция характерна для подавляющего большинства продолжателей эмпирической традиции: от неопозитивистов Венского кружка до американского прагматизма.

Наиболее значимым событием философии XX века, изменившим расстановку сил в боях за истину, стала, теперь уже классическая, работа А. Тарского. [4]. Для подавляющего большинства философов появление работы Тарского казалось окончательным аргументом в спорах об истине, которые, к великому их облегчению, казались оконченными. Уже упомянутый К. Поппер передает это общее настроение: «Он [Тарский – Х.А.] также позволил мне посмотреть гранки немецкого перевода своей великой работы о понятии истины, которые он только что получил от редактора «*Studia Philosophica*». Никакими словами нельзя описать, как много я из всего этого узнал, и никакими словами нельзя выразить мою благодарность». [3;304]. Однако к середине века силами Х. Филда, Дж. Этчименди и Х. Патнэма философы были изгнаны из «семантического рая Тарского». Результаты Тарского подверглись жесточайшей критике, как и само понятие истины. Найдя свои основания в идеях Ф.П. Рамсея, укрепив их трактовкой понятия истины как бессодержательного понятия, философы второй половины XX века формируют новый, дефляционистский этап в истории интерпретации понятия истины. Согласно дефляционисту, схема эквивалентности Тарского – это единственная и полная трактовка понятия истины. Ничего большего в нем не кроется; «истина» - это логическое по своей природе понятие, и все те логические нужды, которым оно служит, были обнаружены Тарским. Любые претензии на что-либо большее, чем схема эквивалентности – это некое выражение «бессмысленного метафизического чаяния».

Несмотря на фактически тотальное господство дефляционизма на современной философской арене, в общем хоре голосов можно расслышать и критиков дефляционизма: Д. Дэвидсон, М. Дэвит, А. Гупта, М. Линч, К. Вригт.

Но наиболее бескомпромиссным критиком дефляционизма выступает амбициозный проект Г. Шер. [см.5 и 6]. Автор окрестила его как проект «субстантивистской теории истины». И хотя непосредственно возникновение субстантивистской идеи было обусловлено неприятием формалистской трактовки истины дефляционистами, проект Шер противостоит той тенденции в трактовке понятия истины, которая корнями своими уходит в философию Канта, а в XX веке наиболее явно отстаивалась Джеймсом и Витгенштейном. Стоящая перед нами задача заключается в том, чтобы рассмотреть возможности субстантивистской теории истины применительно только к одной этой тенденции.

Согласно Г. Шер, развенчание истины как содержательного философского понятия началось задолго до эпохи дефляционизма. Источники этой тенденции содержатся, по меньшей мере, в философии Канта и сама она может быть сформулирована как тезис «об отсутствии единства». Суть этого тезиса в том, что совершенно бессмысленно надеяться сформулировать единый критерий использования понятия истины, а, следовательно, сама проблема нахождения критерия истины, которая традиционно в философии формулировалась в виде слишком абстрактного вопроса «что есть истина?», является бессмысленной проблемой. Современная формулировка тезиса об отсутствии единства формулируется, например, так: «Мы знаем конкретно, что делает [выражение «является истинным»] применимым к суждениям или предложениям данного языка. «Пингвины ковыляют» является истинным предложением русского языка, если и только если пингвины ковыляют. Истинно, что снег бел, если и только если снег бел. Причина, по которой предикат истины применим к первому предложению, состоит в том, в том, что пингвины ковыляют, а причина, по которой к утверждению, что снег бел применим предикат истины, в том, что снег бел. Но эти причины полностью различны. Нет единого рассмотрения, или даже небольшого семейства рассмотрений, в силу которого предикат истины применим к каждому предложению данного языка; ковылание пингвинов не имеет ничего общего с белизной снега. Таким образом, не может быть общего, универсального способа установления применимости предиката истины к предложениям данного языка». [1;230].

Смысл тезиса об отсутствии единства состоит в том, что общий и содержательный критерий истины приведет к неразрешимому конфликту между общностью и частностью. Структура тезиса такова:

(а) Истина состоит в конкретном единстве предложения и соответствующего ему конкретного объекта;

(б) Общая теория истины должна, для того чтобы быть общей, абстрагироваться от конкретности этого отношения.

(с) Но субстантивная теория истины не может (если она должна быть в тоже время универсальной и содержательной) отвлекаться от конкретных случаев применимости предиката истины, следовательно

(d) Субстантивная теория истины невозможна.

Субстантивистская теория не оспаривает справедливости этого тезиса. Сторонник субстантивизма просто рассматривает его как слишком переоцененный. Так, согласно Г. Шер, тезис об отсутствии единства критерия истинности не является сугубо философской проблемой. Он в равной степени применим к научному знанию. Столь широкая применимость тезиса требует спецификации сфер его приложения: «(а) вызов субстантивной теории *вообще*; (б) вызовы субстантивным *философским* теориям и (с) вызовы субстантивным теориями *истины*». [5;12]. Применительно к науке, тезис об отсутствии единства указывает как на различие в предметной сфере конкретных наук, так и на отсутствие межтеоретического единства, делая акцент то на предметной, то на концептуальной разобщенности научного знания. Шер указывает, что философы науки давно уже имеют дело с разобщенностью научного знания, и данное обстоятельство никоим образом не компрометирует ни научного знания самого по себе, ни философию науки.

Сопоставление тезиса об отсутствии единства критерия истины с тезисом о разобщенности научного знания, по мнению Шер, указывает выход из ситуации, которая казалась затруднительной со времен Канта вплоть до дефляционистов. Согласно субстантивисту, философия должна прекратить вечный поиск унифицированного решения проблемы, по крайней мере, в случае проблемы истины. Философский интерес к истине должен быть столь же «плюралистичен», как научные исследования: он должен мириться с наличием разобщенности на разных уровнях исследования проблемы. С этой, уже методологической, точки зрения, нельзя говорить о том, что Дефляционистская трактовка истины является ложно. Скорее, она просто недостаточна и дополнена иными уровнями анализа понятия истины. Недостаток дефляционистской трактовки в том, что она объявляет себя завершенной и полной.

Реализацией предлагаемой субстантивистами стратегией может считаться «умеренный плюрализм» в отношении теории истины, представленный Вригтом и Линчем. Вригт, например, доказывает возможность трактовки понятия истины в случае физики на основе принципа корреспонденции, тогда как в математике – на основе принципа когерентности. Сама же автор субстантивистской предлагает иной вид плюрализма: плюрализм в пределах корреспонденции. Ее идея заключается в том, что трактовка истины и в физике, и в математике должна быть основана на принципе корреспонденции, но в связи с тем, что физическое и математическое знание включают в себя различные аспекты языка и мира, их принципы корреспонденции различаются. Такое понимание плюралистичности критерия истинности лежит в основании того, что Г. Шер называет «уравновешенной теорией» (balanced theory) критерия истинности: теории, которая «уравновешивает» требование универсальности и требование разнообразия критерия истинности. Двумя важнейшими проблемами для любой из версий плюрализма критерия истинности является следующее: (1) в каком смысле различные принципы истинности могут рассматриваться как относящиеся к одной и той же проблеме; (2) как логический вывод может сохранять истинность при переходе от предложе-

ний, подчиняющимся одному критерию истинности к предложениям, подчиняющимся другим критериям истинности?

Сказанного, на наш взгляд, уже достаточно для того чтобы оценить следствия, к которым может привести развития субстантивистской теории истины. Несмотря на то, что мы рассматривали субстантивизм только в связи с одним, далеко не самым важным в современных дискуссиях, аспектом проблемы истины, ясно, что субстантивистский проект требует тотальной ревизии наших представлений о том, каким критериям должна удовлетворять уважаемая теория истины. Тарский видел задачу теории истины в том чтобы «сконструировать верное по существу и формально безукоризненное определение термина «истинное высказывание»». [4;19]. Нам кажется, что том виде, в каком субстантивистская теория существует на данный момент, она нарушит оба этих требования: прежде всего, употребление понятия истины не предполагает какой-либо плюралистичности (ведь мы не меняем его значения при переходе от одной предметной сферы к другой: например, от физики к математике); плюралистичность критерия истинности делает сомнительной возможность создания единой теории логического следования, а необходимость столь же многообразных трактовок понятия следования, которая наверняка возникнет в случае плюралистичности критерия истинности, поставит вопрос о том, о логическом ли следовании вообще идет речь.

Вполне возможно, что в будущем стороннику субстантивизма удастся столь неприятных перспектив, но на наш взгляд, это обернется утратой той амбициозности, с которой субстантивисты приступают к реформе требований, предъявляемых к адекватной теории истины.

Литература

1. *Blackburn S.* Spreading the World. NY: Oxford, 1984 - 315p.
2. *Вайнгартнер П.* Фундаментальные проблем теории истины. М.: РОССПЭН, 2005. – 352 с.
3. *Поппер К.Р.* Философские комментарии к теории истины Тарского. // Поппер К.Р. Объективное знание. Эволюционный подход. М.: Эдиториал УРСС, 2002. – с. 301-319.
4. *Тарский А.* Понятие истины в языках дедуктивных наук. // Философия и логика Львовско-Варшавской школы. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. – с. 19-177.
5. *Sher G.* In search of a substantive theory of truth. // The Journal of Philosophy. Vol. CI. №1, 2004. – pp. 5-36.
6. *Sher G.* On the possibility of a substantive theory of truth. // Synthese. Vol. 117, № 1. 1998/1999. – pp. 133-172.

sasha_khl@mail.ru

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ОПЕРАЦИОНАЛЬНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ В НАТУРАЛИЗОВАННОЙ СЕМАНТИКЕ*

Н. В. Головкио

Институт философии и права СО РАН
Новосибирский государственный университет

В рамках натурализованной семантики поиск значения термина контролируется двумя условиями [1]. Во-первых, нам необходимо объяснение, почему мы выбираем именно это значение и каковы основания выбора, здесь, например, уместны рассуждения относительно преимуществ одной теоретической схемы, объясняющей явления, по отношению к другой. Во-вторых, необходимо выделить несколько различных значений (или способов их задания) и проанализировать, провести эмпирическое исследование того, как они работают. Предполагается, что удовлетворение второму условию даст необходимую информацию или представит кандидатов для оценки на уровне первого условия, которое, по сути, и отвечает основной задаче семантики. Прежде чем ответить на вопрос о том, играет ли данный способ задания значения определенную семантическую роль, мы должны исследовать сам этот способ. Нельзя сказать, что новый способ задания значения лучше, чем старый, не зная в чем заключается старый. Естественно, ответ должен быть эмпирическим, т.е. включать в себя определенные критерии оценки, удовлетворение которым можно проверить эмпирически. И именно здесь помогает натурализованное представление о роли теоретических и операциональных ограничений. Теоретические и операциональные ограничения из эпистемологических, по сути, ограничений на истинность, в результате натурализации «превращаются» в методологические правила [2]. Какие или на что накладывают ограничения эти правила? Они накладывают ограничения на значение (или способ его задания), т.е. участвуют в работе описанного выше второго условия, определенным образом характеризую один из возможных кандидатов на роль значения. Более того, поскольку это ограничения на истинность, и мы должны сохранить исходное предположение, что работаем в семантике с условиями истинности, то резонно предположить, что *семантическая роль* теоретических и операциональных ограничений в натурализованной перспективе состоит в том, что они являются *методологическими ограничениями на представление референта*, т.е. методологическими требованиями в отношении референта, закрепленными натурализацией [3].

Еще раз, указание является значимым в силу той семантической роли, которую оно играет. В качестве этой роли мы выбрали объяснение, которое

* Работа выполнена при поддержке Программы грантов Президента Р.Ф. для поддержки молодых российских ученых (проект МК-159.2008.6), а также при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 08-03-000397).

непосредственно связано с ограничением представления референта, которое схватывается методологическими, по сути, ресурсными метафизическим и инструментальными ограничениями. Семантический тезис в доктрине натурализованного внутреннего реализма, заставляет *видеть* референт именно таким, каким его заставляет видеть натурализация. Более того, принимая такое представление о роли семантического тезиса можно ответить на вопрос о соответствии структуры языка выбранной семантике. Искомое «соответствие семантике» задается теоретическими и операциональными ограничениями, как *ресурсными ограничениями на представление референта*, т.е. методологическими требованиями в отношении референта, закрепленными самой натурализацией, с целью того, чтобы он играл необходимую семантическую роль. В нашем случае, такой семантической ролью является объяснение, т.е. то, насколько именно такое задание референта успешнее, чем другое [3]. Примечательно, что полученное решение проблемы теоретических и операциональных ограничений позволяет содержательно проинтерпретировать интуицию Г. Фейгля относительно содержания семантического реализма и различия между условиями утверждаемости и условиями истинности [4]. Напомним, в свое время, Г. Фейгль ввел различие между семантическими условиями истинности и условиями, при которых утверждение может быть принято как истинное, т.е. условиями, определяющие какого рода данные необходимо привести для того, чтобы утверждение было истинным. Критика Г. Фейгля была направлена против верификационизма: «Верификационисты смешивают (runs together) то, что составляет свидетельства (evidence) в пользу истинности и то, что делает (make) данное утверждение истинным, они смешивают “эпистемологическую редукцию” и “семантическое отношение указания”» [4, С. 48]. Что делает предложение «каждая элементарная частица представляет собой отдельную моду (или моды) колебания струны» истинным? Именно то, что струна «колеблется» специфическим образом. Приведенные выше рассуждения относительно натурализованной семантики призваны проинтерпретировать как раз этот тезис семантического реализма. То, как мы представляем струну в рамках выбранной модели, какой логикой пользуемся, какие ограничения онтологического толка используем, определяет то, как данное представление струны сыграет свою семантическую роль и, в конечном итоге, определяет семантические условия истинности предложения, постулирующего существование струн. Естественно, подобный выбор представления объекта будет конвенциональным, но он будет конвенциональным в хорошем, физическом смысле: конвенциональность допускается, но каждый раз, когда мы говорим о физическом явлении, мы можем четко «провести черту» между тем, какая часть описания отвечает явлению «как оно есть на самом деле», а какая часть описания отвечает тому «как оно открывается нам», т. е. является следствием принятой конвенции. Натурализация фиксирует намеренность интерпретации и, тем самым, проблема теоретических и операциональных ограничений сводится к проблеме выразитель-

ных способностей теории, ограниченных определенными методологическим критериями представления объектов.

Исходная проблема состоит в том, что теоретические и операциональные ограничения, являясь единственными ограничениями на намеренность интерпретации не могли фиксировать интерпретацию (указание) единственным образом. Предлагаемое решение этой проблемы состоит в том, что теоретические и операциональные ограничения, оставаясь единственными ограничениями на намеренность интерпретации, тем не менее, в определенном смысле, конвенционально, задают референт. Отметим, что в рамках аналитической традиции, даже такое решение получить было невозможно. Необходимо представление о натурализации семантики, необходимо было обосновать связь между теоретическими и операциональными ограничениями, как ограничениями на истинность, и семантических условий истинности (в смысле Г. Фейгля), а это возможно, только если теоретические и операциональные ограничения играют определенную семантическую роль, которая соответствует методологическим ограничениям на представление референта. Добиться этого в аналитической перспективе, свести к одному основанию эпистемологические и семантические требования, нельзя, т.к. в ней взаимосвязь эпистемологических и семантических тезисов ограничена, например, тезисом о необходимости семантики с условиями истинности (*truth-referential semantics*), эта взаимосвязь не конструктивна. В то же время, в натурализованной перспективе эмпирическая эпистемология, также как эмпирическая семантика трансформируются в методологию определенного вида, а значит, у нас действительно есть общее основание для того, чтобы рассуждать о семантической роли теоретических и операциональных ограничений. Например, с точки зрения Х. Патнэма, теоретические и операциональные ограничения задают интенционалы терминов и определяют истинность предложений [5]. С этой точки зрения, переход к семантическим условиям истинности (в смысле Г. Фейгля) невозможен, либо, как отмечает Д. Льюис, необходимо принять верификационизм, как адекватную теорию указания [6]. В то же время, в рамках натурализованной семантики теоретические и операциональные ограничения, в определенном смысле, связывают условия утверждаемости и условия истинности, представлением о том, что они, выполняя соответствующую семантическую функцию, задают ресурсные ограничения на представление референта. Примечательно, что такого рода представление о возможности соотношения условий истинности и условий утверждаемости помогает адекватно проинтерпретировать интенцию того, что понятие «удовлетворения ограничению» *предполагает* определенное отношение указания, позволяет содержательно проинтерпретировать представление о том, что ограничение на допустимость необходимо рассматривать как ограничение, *налагаемое* на интерпретацию, а не как ограничение *следующее* из нее [7]. Ограничения играют семантическую роль и, тем самым, непосредственно как-то фиксируют референт, естественно, внешним по отношению к интерпретации образом. Корректным является то проверочное условие, которое и отве-

чает выполнению ограничениями своей семантической роли. Что касается экзистенциальных предпосылок, которые предполагает удовлетворение ограничению, например, соответствующих идеи Х. Филда о физикалистском характере указания, здесь мы вынуждены перейти к анализу более широкого контекста. Заданное соотношение условий истинности и условий утверждаемости должно соответствовать не только принятой эпистемологической перспективе, но и определенной онтологической платформе. Такой платформой выступает натурализованный внутренний реализм [3]. На наш взгляд, идею рассматривать ограничения на интерпретацию теории, как ресурсные методологические ограничения на представление референта, наиболее ярко можно проинтерпретировать в той области исследований, в которой развитие знания контролируется исключительно теоретическими соображениями, где традиционное эмпирически-ориентированное представление об интерпретации знания не работает. Это предмет дальнейшего исследования.

Примечания

1. См.: *Devitt M.* The Methodology of Naturalistic Semantics // *Journal of Philosophy*. – 1994. – Vol. 91. – P. 545–572.
2. См.: *Laudan L* Normative Naturalism // *Philosophy of Science*. – 1990. – Vol. 57. – P. 44–59.
3. См.: *Головко Н. В.* Теоретические и операциональные ограничения в эпистемологии науки: метафизические и инструментальные ограничения – II // *Философия науки*. – 2008. – № 1 (36). – С. 18–47.
4. См.: *Feigl H.* Existential Hypotheses: Realistic Versus Phenomenalistic Interpretations // *Philosophy of Science*. – 1950. – Vol. 17. – P. 35–62.
5. *Патнэм Х.* Разум, истина и история. – М.: Праксис, 2002.
6. *Lewis D.* Putnam's Paradox // *Australasian Journal of Philosophy*. – 1984. – Vol. 62. – P. 221–236.
7. *Головко Н. В.* Научный реализм и истина: от объектного реализма к оправданию иронической науки // *Вестник ТГУ. Сер. Философия. Социология. Политология*. – 2007. – № 1. – С. 77–86.

ЭПИСТЕМИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАЛИЗМ: АРГУМЕНТ К.СТЕНФОРДА ПРОТИВ НАУЧНОГО РЕАЛИЗМА*

А. А. Черезов

Институт философии и права СО РАН

При рассмотрении «основного вопроса» философии науки (вопроса о соотношении теории и реальности) на современном этапе её развития, для нас представляют особый интерес следующие интерпретации этого вопроса. В каком-то смысле они уже стали классическими, но, в то же время, споры вокруг них не утихают. Речь идет о таких проблемах, как недоопределенность теории данными, пессимистической индукции, проблеме выбора из множества конкурирующих теорий и т.д.

В постановке этих проблем и возможных путей поиска ответов на них и соответствующих им построений ключевую роль сыграли (и продолжают играть) представители таких философских направлений, как реализм и инструментализм, имеющих различное понимание о содержании научного знания. Реализм говорит о том, теория предоставляет собой дословное описание того, каким мир является «на самом деле», или, как вариант, что объекты теории реально существуют. Инструментализм утверждает, что теория является удобным инструментом, пригодным лишь для того, чтобы оперировать эмпирическими данными, описывать феноменальный мир и делать успешные эмпирически фиксируемые предсказания. Его основная задача — обосновать то, что научные теории являются просто инструментами для достижения практических целей, а не дословным описанием «скрытой» реальности [1–3].

В длительной полемике реализма и инструментализма были сформулированы различные аргументы и решения обозначенных выше проблем. В отечественной литературе, эта полемика рассмотрена, например в серии статей Н.В. Головки (См. например [4]). По-видимому, противостояние реализма и инструментализма является вечной философской темой, окончательное разрешение которой, как и любого философского вопроса, невозможно.

Одним из подходов, направленном не только на анализ прошлого науки, но и на его вероятное будущее, является подход, предложенный К.Стэнфордом в работе [5]. В ней он отмечает, что основная угроза реализму исходит не из фактов истории науки, а из возможностей ее развития, из ее вероятного будущего. Успешность теории не гарантирует соответствия ее объективной реальности. Опасность отказа от теории, даже самой успешной, и признания ее ложной существует до тех пор, пока есть вероятность существ-

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 08-03-000397).

ования или возможности хотя бы одной альтернативы. Ниже будет более подробно рассмотрена эта точка зрения.

Предварительно, кратко коснемся основных интересующих нас проблем. Суть вопроса недоопределенности, наиболее удачно сформулированная Бойдом [6], заключается в том, что для любой нашей теории (даже самой успешной) мы всегда можем найти эмпирический эквивалент. Причем, очевидно, что ситуацию, когда доступные эмпирические данные одинаково «хорошо» подтверждают альтернативные научные теории, представить достаточно легко. Далее, в ходе исторического анализа развития научного знания мы каждый раз убеждаемся в том, что теории, которые были признаны научным сообществом, в определенный период времени, как (приблизительно) истинные, со временем были опровергнуты, а теоретические описания или объекты, постулированные ими, были признаны ложными. Следовательно, у нас нет никаких оснований утверждать, что теории, принятые в настоящее время, не будут опровергнуты в будущем. Эта проблема получила название «пессимистической индукции». «Пессимизм» следует, по выражению Л. Лаудана, из представления о том, что с точки зрения будущих исследований мы должны критически относиться к объектам, постулируемым теориями сейчас, возможно, эти объекты не существуют, мы откажемся от них в будущем [7]. Все выше сказанное подводит нас к мысли о том, что, по крайней мере, с определенной вероятностью, можно считать, что мир устроен «немного не так», как предполагается даже в соответствии с самыми успешными и подтвержденными современными научными теориями.

Однако, в то же время, непонятным остается сам пафос, почему мы должны верить в то, что действительно возможны такие ситуации (и они были в истории науки), когда существуют принятые научным сообществом одинаковым образом подтвержденные альтернативы. Стоит ли заикливаться на поиске эмпирических эквивалентов? И почему, отмечая, якобы, ложность прошлых теорий, мы должны сделать вывод о том, что современные наши успешные теории так же окажутся ложными? С другой стороны, наши основания для веры в данную теорию были бы не менее строго оспариваемые, если бы мы полагали, что есть одна или более альтернатив, которые эмпирически эквивалентны ей, но тем не менее совместимы и одновременно хорошо подтверждены всеми фактическим материалом, который у нас есть на данный момент.

Итак, классическая пессимистическая индукция указывает на то, что успешные в прошлом теории оказываются впоследствии ложными, из чего следует, что у нас нет никакой причины думать будто современные хорошо рекомендовавшие себя теории не постигнет та же участь.

В отличие от такого способа рассуждений, Стэнфорд предлагает свой вариант, названный им «новой индукцией в истории науки» [5, стр. 19]. Во всей истории науки, практически в каждой научной области, мы неоднократно наблюдаем одну и ту же эпистемическую ситуацию, когда развивался только один способ теоретического описания эмпирических фактов, который хоро-

шо подтверждался доступными данными, в то время как последующее развитие науки приводило в дальнейшем к появлению радикально отличных альтернатив, которые также находили эмпирическое подтверждение. Стэнфорд полагает, что неоднократно в истории науки под давлением появлявшихся аномалий обнаруживали себя новые теоретические подходы, которые вообще говоря могли появиться и раньше, на базе уже имевшихся эмпирических данных, т.е. носившее характер предварительно «неактуализированных альтернатив».

Стэнфорд приводит достаточное количество исторических примеров переходов (от теории флогистона к химии кислорода Лавуазье, от корпускулярной теории света к волновой и т.д.), свидетельствующих о том, что имевшиеся данные и аргументы в поддержку каждой более ранней теории в конечном счете, как оказалось, точно также поддерживали одну или даже более конкурирующих теорий, не предполагаемых на более раннем этапе развития науки. Таким образом, история процесса научного познания указывает на то, что достаточно часто существуют альтернативы нашим лучшим теориям, которые одинаково хорошо подтверждаются уже имеющимися данными, даже когда мы неспособны помыслить их (сактуализировать их) в данный исторический момент времени.

Здесь возможно возражение, что необходимо время для оценки новой теории и даже, возможно, изменение некоторых второстепенных деталей прежде чем новая альтернатива справедливо может быть расценена как предварительно «неактуализированная альтернатива», т.е. возможная на уже имевшемся эмпирическом материале, но первоначально не реализованная. Однако, это возражение игнорирует положение «новой индукции» Стэнфорда, что в таких случаях все имевшиеся данные, доступные во время принятия более ранней теории, предполагают одновременно и поддержку позже принятой альтернативы.

Вообще, теория не должна объяснить все, что объясняет конкурентная теория, чтобы она могла считаться поддержанной всем количеством доступных данных. «Аристотелевская механика использовалась, чтобы объяснить поколение котлов и формирования человеческих обществ, в то время как ньютонова механика не имела таких объяснительных амбиций» [5, стр. 22]. Теории могут просто иметь другие достижения и/или очевидные аномалии. Таким образом, указание на конечную несоизмеримость теорий не должно нас беспокоить.

Таким образом, проблема неактуализированных альтернатив касается альтернатив нашим лучшим научным теориям, но иным способом нежели идет поиск эмпирических эквивалентов. Для Стэнфорда важно даже не то, что лучшие научные теории любого более раннего периода, оказываются, ложными, а важно само беспокойство о том, что мы должны серьезно относиться к вероятным конкурентам даже самых проверенных и надежных теорий.

При рассмотрении позиции Стэнфорда возникает ряд вопросов. Во-первых, история развития науки носит не хаотичный характер. Появление новой теории — это не абсолютно стохастический процесс. Можно утверждать, что существует некоторая связь, логика развития (внутренняя и внешняя) между ранней, впоследствии оказавшейся ложной, теорией и последующей теорией, ее наследницей. Если это так, то становится проблемой статус новых теоретических построений, которые, строго говоря, не были действительно вероятными альтернативами по отношению к их предшественникам. Во-вторых, реалисты могут утверждать, что возможно знание о том, когда наши численные расчеты некоторых показателей, по крайней мере приблизительно, истинны, вопреки большому перечню фундаментальных ошибок прошлых научных теорий, обладавших научным успехом. Исходя из этого, мы имеем хорошую возможность ответственно судить об истинности некоторых теорий, даже если им есть серьезные альтернативы, которые пока что остаются неактуализированными.

Но здесь мы приходим к новой трактовке инструментализма Стенфордом, основная идея которой заключается в том, что мы должны использовать наши лучшие научные теории в практических целях, но не *верить* тому, что те же самые теории говорят нам о естественном мире. Хотя это предложение могло бы казаться интуитивно достаточно ясным, его более близкое рассмотрение показывает, что вообще оно не является адекватной общей характеристикой эпистимического подхода в реализме.

Как пример, Стенфорд рассматривает позицию Куна и его утверждение, что более поздняя научная теория — это лучший инструмент для того, чтобы обнаружить и решать загадки, чем его предшественники, новая теория предлагает более впечатляющие решения проблем и конкретные предсказания, но не потому, что она дает лучшее представление о том, что действительно происходит в природе. Так же он отмечает, что аналогично Лаудан отрицает, что мы должны рассмотреть последовательные теории как достижение большего правдоподобия или более близко приближения к правде о природе, но настаивает, что наука тем не менее прогрессивна, потому что последовательные теории обычно улучшаются в течение долгого времени в их способности решить различные эмпирические и концептуальные проблемы, которые возникают перед нами. Таким образом, в пределах «загадок» Куна и «проблем» Лаудана рассматриваются прикладной контекст прогнозов и вмешательств, что позволяет Стенфорду объединить их в так называемый эпистимический инструментализм [5, стр. 195].

Можно сделать вывод, что центральная проблема состоит в том, что использование теории для предсказания, вмешательства, и других практических целей предполагает, что мы *должны* верить по крайней мере *некоторым* из вещей, которые говорят нам о мире например эта теория. Если инструменталист должен верить, по крайней мере, части из того, что теория говорит о мире, чтобы эффективно использовать теорию на практике, то могло бы казаться достаточно естественным попробовать найти некоторый способ отли-

чить те положения теории, которые мы должны принять, чтобы сделать возможным ее практическое использование, от тех, которые не являются в этом смысле необходимыми.

Итак, мы рассмотрели новый аргумент, указывающий на то, что мы должны серьезно сомневаться в том, насколько правильно наши теории описывают окружающую нас действительность. Подход, предложенный Стэнфордом, направлен не только на прошлое развитие науки, но, опираясь на ее историю, анализирует возможное будущее современных научных теорий. Резюмируя, можно сказать, что, по мнению Стэнфорда, существует мало проанализированный сильный аргумент против реализма. Основная угроза исходит не из фактов истории науки, а из возможностей ее развития, из ее вероятного будущего. Не стоит искать альтернативные теоретические описания фиксированного набора эмпирических данных, чтобы лишний раз указать на конкретный случай эмпирической недоопределенности, гораздо опаснее для реализма, по мнению Стэнфорда, просто указать на возможность существования альтернативной теории, которая может быть разработана в будущем. Т.е. основная угроза исходит не из прошлого развития науки, а из возможностей будущего. Нет никаких оснований предполагать, что «еще не помысленное» не опровергнет, или по крайней мере не составит существенной конкуренции тому, что мы уже измыслили. Реалистов должна беспокоить мысль о том, что и прошлые и современные теоретики не исчерпали всего пространства хорошо-подтвержденных возможных теоретических объяснений явлений.

Литература

1. *Mach E.* The Science of Mechanics. Chicago: Open Court Publishing, 1893.
2. *Poincare H.* Science and Hypothesis. N.-Y.: Dover, 1950.
3. *Duhem P.* The Aim and Structure of Physical Theory. Princeton: Princeton Univ. Press, 1954.
4. *Головкин Н. В.* Натурализация эпистемологии и основные аргументы в пользу научного реализма // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. Философия. Том 4. Вып. 2. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2006. С. 51–57.
5. *Stanford K.* Exceeding Our Grasp. Science, History, and the Problem of Unconceived Alternatives. Oxford: Oxford Univ. Press, 2006.
6. *Boyd R.* The current status of scientific realism / Scientific realism. Ed. by J. Lepplin. Berkeley: Univ. of California Press, 1984. P. 41–82.
7. *Laudan L.* A confutation of convergent realism // Philosophy of Science. Vol. 48, 1981. P. 19–49.

triam@ngs.ru

СИНЕРГЕТИЧЕСКАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ ПОЗНАНИИ

Е. А. Колмакова

Омский государственный аграрный университет

Синергетическая рациональность формируется и отражается, в первую очередь, в постнеклассической науке. Основные черты последней: 1) в связи с революцией в средствах хранения и получения информации (компьютеризация в науке, появление сложных и дорогостоящих приборных комплексов) меняется характер научной деятельности; 2) имеет место применение научных знаний практически во всех сферах жизни; 3) помимо дисциплинарных исследований на передний план выдвигается междисциплинарная и проблемноориентированная исследовательская деятельность; 4) в отличие от классической науки, которая в качестве предмета исследования имела изолированный фрагмент действительности, преобладание комплексных исследовательских программ, в которых задействованы специалисты различных областей знания. Вследствие этого происходит сращивание теоретических и экспериментальных исследований, прикладных и фундаментальных знаний. В результате усиливаются процессы взаимодействия принципов и представлений картин реальности, сформированных отдельными науками, постепенно отдельные картины реальности встраиваются фрагментами в единую общенаучную картину мира.

Объектами современных междисциплинарных исследований становятся уникальные открытые саморазвивающиеся системы. Их специфика в том, что они формируют с течением времени все новые уровни своей организации. При этом важно, что каждый новый уровень оказывает влияние на ранее сформировавшиеся. Одна из особенностей описанных систем в том, что они характеризуются принципиальной необратимостью процессов. Вступая во взаимодействие с такой системой, человек имеет дело с «созвездием возможностей», в жизни каждой такой системы есть моменты – точки бифуркации, когда на дальнейшее поведение системы может повлиять любой случайный фактор. В этой связи по-новому понимается роль, единичных событий. Остаются лишь «островки детерминизма» (Ж.-Ф. Лиотар).

Отсюда понятно, что манипуляции с такими объектами и осознание проблем, связанных с влиянием исследователя на них, коренным образом меняет роль и место человека в мире. Теперь бездумное вмешательство в естественный ход событий представляется весьма опасным. Отсюда – осознание огромной ответственности за свои поступки. Данная позиция коренным образом отличается от новоевропейского лапласовского детерминизма, сохранившегося и в XX веке в познании и культуре. Постнеклассическая наука убедительно показала, к чему может приводить такое мировоззрение. Таким образом, накопленная эмпирическая информация, логические нормы рассуж-

дения, методологические правила и приемы, концептуально-теоретические модели и схемы – все это необходимое, но недостаточное условие для выработки окончательного решения. Это лишь «материал для субъекта», как его называет В.С. Швырев, «почва» для реализации свободы и творчества.

Синергетика во многом способствует интеграции наук. Ее методологический и объясняющий потенциал сегодня оценивается очень высоко. Современные философы, говоря о кризисе цивилизации и культуры, видят его источник в развитии научного мышления, которое строится на овладении миром и антропоцентризме. Следовательно, просто жизненно необходимо изменить эти исходные установки. Об идее ко-эволюции говорит, например, В.А. Лекторский. При этом он считает, что поворот в эту сторону уже сделан синергетикой. Сам И.Пригожин тоже видел в ней нечто новое для понимания природы. В книге «Порядок из хаоса» он и И.Стенгерс выразили эту мысль так: «Мы считаем, что находимся на пути к новому синтезу, новой концепции природы. Возможно, когда-нибудь нам удастся слить воедино западную традицию, придающую первостепенное значение экспериментированию и количественным формулировкам, и такую традицию, как китайская, с ее представлениями о спонтанно изменяющемся самоорганизующемся мире»[1, С.65-66]. В противовес традиционной науке, которая уделяла внимание устойчивости, однородности, равновесию и порядку и рассматривала замкнутые системы, Пригожин на первый план выдвигает открытые системы, которых большинство во Вселенной, и явления, характеризующиеся разупорядоченностью, неустойчивостью, неравновесностью, нелинейностью. Особое место среди таких систем занимают природные комплексы, в которые включен человек как элемент. К таким «человекоразмерным» системам относятся медико-биологические объекты, экологические (включая биосферу в целом), объекты биотехнологии (генной инженерии), системы «человек-машина» (включая системы искусственного интеллекта). При изучении названных и других объектов того же порядка помимо проблемы истины затрагиваются вненаучные, в первую очередь, этические ценности. Научное познание начинает рассматриваться в контексте культуры данной эпохи. Таким образом, введение в эпистемологию так называемого человеческого измерения определяет принципиальную гуманитаризацию современного образа естественнонаучного познания. Таким образом, синергетика способствует формированию новой рациональности – открытой.

Кроме того, постмодернизм задает сегодня новые стандарты рациональности. Под сомнение ставится сама научная реальность, границы науки зыбки и разрушаемы. Наука есть совокупность высказываний, потому что истина больше не является главной и единственной целью. Поэтому в существовании науки необходимости не больше, чем в «нарративном» (ненаучном) знании. Каждому виду знания присуща своя совокупность высказываний и специфические правила «языковой игры». Таким образом, наука есть всего лишь «разновидность в семье нарративных культур»[2, С.69].

Однако, если здесь такая позиция – это чаще всего некая декларация с целью эпатировать публику (как, впрочем, все в постмодернизме), то в постнеклассической науке осуществляется осознанный отказ от монологизма и переход к множественным интерпретациям. Постулируется принципиальная открытость в познании, а из области познавательной деятельности так называемая Ж.-Ф. Лиотаром паралогия экстраполируется на культуру в целом. То, к чему пришла постмодернистская мысль в понимании науки, есть реакция на сохраняющийся и сегодня «эгоцентризм» и «авторитаризм» науки, которая настаивает на подлинности только тех знаний, которые соответствуют выдвинутому ею критериям обоснованности. Однако сегодня очевидно уже для большинства мыслителей, что вненаучные формы знания выполняют в обществе другие функции, чем наука и имеют равные права на свою нишу в познавательной деятельности.

Литература

1. Пригожин И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой [Текст] /И. Пригожин, И. Стенгерс. – М: Прогресс, 1986. – 431с.
2. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна [Текст] /Ж.-Ф. Лиотар – СПб: Алетей, 1998. – 160с.

Geniafil@rambler.ru

ЛОМ ДИАЛЕКТИКИ

В. А. Сергеев

Институт вычислительно математики и математической геофизики СО РАН
(г. Новосибирск)

Эта статья – о теоретической несостоятельности диалектики в классическом марксизме, а также о бессмысленности, бесполезности и вредности ломового и лобового применения категорий и законов диалектики в конкретных содержательных ситуациях, в частности, в генетике («реакционный, антинаучный вейсманизм-морганизм» [7, 20]), в кибернетике («буржуазной, бесчеловечной, антидиалектической лженауке» [7]) и в геоцикличности [14]. Почему – «лом»? Лом – это универсальный и хирургический, и слесарный инструмент. Но после его применения пациент уходит в мир иной, а сложный миниатюрный прибор теряет работоспособность.

Актуальность и предыстория работы

Под «марксизмом» в данной статье понимается философия природы и социума, разработанная, в основном, К.Марксом, Ф.Энгельсом и доработанная В.И.Лениным [1,3,16 и др.].

Суть марксизма можно определить одним требованием [8]: уничтожить частную собственность на средства производства (с использованием наёмных работников), поскольку она является источником и несправедливого распределения благ, и всяческих безобразий в обществе. Важно, что из этого определения не следует необходимость включения в марксизм гегелевской диалектики! Такое включение сделано, по-видимому, авторами марксизма для наукообразия и убедительности.

Термины «марксизм», «марксистско-ленинская философия» (МЛФ), «марксизм-ленинизм» далее для упрощения будут считаться синонимами. Под «неомарксизмом» будет пониматься избавленный от ошибок модернизированный марксизм, включающий, в частности, философские инновации данной статьи.

Социализм и коммунизм остаются привлекательными перспективами, оптимальными, как минимум, для некоторых народов. Однако их реализация на базе неоткорректированного догматического марксизма чревата рецидивами неудач.

В 1990 году [9,15 и др.] мне удалось на базе новой методологии [12,13,14 и др.] сформулировать и строго доказать утверждения, опровергающие фундаментальные положения всех разделов традиционного марксизма-ленинизма (диалектического и исторического материализма, политэкономии, научного коммунизма), и разработать эскизные основы **неомарксизма** - конструктивной альтернативы этому учению, а также представить рекомендации по условиям социальной применимости неомарксизма. Упомянутая методология основана на логико-математическом аппарате теорий классифицирования, описания, моделирования, представления знаний, постановки и решения формальных типовых задач, прикладной лингвистики. Разные авторы относят этот аппарат к дисциплинам кибернетики, называемым «искусственный интеллект» или «анализ данных».

Эти результаты по критике МЛФ и разработке неомарксизма многократно публиковались и были представлены известным философам Новосибирска, Москвы, США [10,11,15 и др.]. Замечания были, но не существенные.

Как удалось выяснить, все разделы «классического» марксизма гармонично взаимосвязаны и служат, попирая высокую и скрупулёзную научную объективность, одной **Сверхзадаче** – убедительному обоснованию для пролетариата необходимости, возможности, стратегии и тактики революционного преобразования капиталистического общества в социализм. Дефекты марксизма обусловлены, видимо, в основном, умышленно фальсифицирующими построениями с целью решения этой важной практической Сверхзадачи, нежели ошибками классиков МЛФ.

В данной статье кратко представлена конструктивная критика одной из частей МЛФ – марксистской диалектики (**МД**).

Библиографической опорой данной работы избраны философские словари и вузовские учебники разных лет эпохи СССР\РФ. В этих источниках, принадлежащих большим коллективам квалифицированных авторов, аккумуля-

рованы устоявшиеся воззрения на МД. Эти источники относятся к сталинскому (С), брежневскому (Б), горбачёвскому (Г) и современному постперестроечному (П) периодам.

Суть марксистской диалектики

Эта суть и у классиков МЛФ, и в периоды С, Б и Г [1,3,5,7,16,18,19,20 и др.] оставалась неизменной. Следуя Гегелю (за исключением его идеализма и религиозности), она состоит во введении (в результате познавательной деятельности) набора **«категорий»** и основанного на них набора **«законов»**, якобы «отражающих в сознании наиболее общие (=?) и существенные (=?) стороны (=?) природы и общества». Категории являются терминами. Этим терминам соответствуют представления и/или определения и/или понятия. Законы сформулированы с использованием (либо нет) этих терминов и выражают некоторые связи. Категории и законы призваны обслуживать все пять основных ветвей философии: (1) онтологию (устройство Мира, знания о Мире – природы и общества), (2) гносеологию (логику, познание = нормативы + процесс, эпистемологию) и науку = познание + знания, (3) психологию, (4) аксиологию (ценности) с этикой и (5) педагогику (дидактику обучения и воспитания). Помимо «всеобщих» категорий и законов МД (применимых к 1, 2, 3, 4, 5), рассматриваются и «частные» - применимые лишь к одной содержательной сфере, к одной группе наук; с ними связывается также своя «форма движения материи».

Категории либо первичны и не определяемы (как, например, пространство и время), либо определяются через первичные, что делается не всегда безошибочно, - через другие термины с туманным смыслом (например, «материя» через «реальность»). Категории вводятся поодиночке, антонимическими парами либо градационными цепочками. К «основным» (=?) категориям МД традиционно относит: материю, сознание, пространство, время, движение, сущность-явление, единичное-особенное-общее, целое-часть, изменение, развитие, прогресс-регресс, качество-количество-мера, скачок-плавность, противоположности, противоречие-гармонию, единство, борьбу, взаимосвязь, отрицание-преемственность, традиции-новации, причину-следствие, необходимость-случайность, форму-содержание, сущность-явление, действительность-возможность-вероятность, социальный класс, производительные силы, собственность, производственные отношения, базис, надстройку, общественно-экономическую формацию, революцию-эволюцию. В Г- и П-периоды добавились категории из «реабилитированной» кибернетики (элемент, отношение, структура, граф, система, подсистема, эмерджентные свойства, синергетика, информация, случайный процесс и др.), из математики (точка, линия, плоскость, число, функция, зависимые и независимые переменные, экстремум, асимптота, множество, матрица, пересечение, объединение, дизъюнкция, корреляция, конкатенация, матожидание, дисперсия, интеграл, фрак탈ность и др.), из физики (масса, заряд, сила, энергия, атом, молекула, электрон и др.), из биологии (ген, наследственность, мутация, онтогенез, филогенез, симбиоз, ареал и др.). В МД признаётся [5], что перечень категорий

неограниченно открыт (пополняем). Могу предложить и другие источники категорий (об этом - не здесь).

Законы МД используют только традиционные категории МД и только часть из них. К этим законам относят следующие. 1. «Закон единства и борьбы противоположностей» (**ЗЕБП**), расщеплённый на следующие подзаконы-утверждения. ЗЕБП-1: «противоречивые (=?) стороны S (сущности, моменты, тенденции, силы – сколько их?) заключены во всех (=?) предметах и явлениях». ЗЕБП-2: «эти S находятся в неразрывном (=?) единстве (=?)». ЗЕБП-3: «эти S взаимоисключают (=?) друг друга, причём в разных (=?) отношениях». ЗЕБП-4: «эти S взаимопроникают (=?) друг в друга». ЗЕБП-5: «нет S без их единства» (?). ЗЕБП-6: «нет единства без S» (?). В отличие от метафизики, (якобы!) объясняющей изменения в предмете (явлении) только(?) внешними причинами, МД объясняет их (только?!) внутренними. 2. «Закон перехода количественных изменений в качественные» (**ЗПКК**): «накопление незаметных (=?), постепенных (=?) количественных изменений в определённый (=?) для каждого отдельного процесса момент с необходимостью (?) приводит к существенным (=?), коренным (=?), качественным (=?) изменениям, к скачкообразному (=?) переходу от старого качества к новому». 3. «Закон отрицания отрицания» (**ЗОО**) постулирует процедуру развития некоторого объекта ω в соответствии со следующими этапами. Этап 1: развитие объекта ω начинается с появления в нём противоречия между сторонами (частями или подсистемами в ω) S_1 (старой стороной) и S_2 (новой, в чём-то (?) частично (?) противоположной старой S_1). Этап 2: далее в ω это противоречие между S_1 и S_2 снимается победой S_2 , причём S_2 в чём-то (?) лучше, чем S_1 (S_1 отрицается S_2), а в чём-то S_2 похожа на S_1 (сохраняет преемственность). Этап 3: через какое-то время в ω появляется S_3 , которая вступает в противоречие с S_2 (повторяется этап 1). Затем – повторение этапов 2 и 3 со сторонами S_2 и S_3 . Затем – снова цикл из этапов 1,2,3 с S_3 и S_4 , и так далее. Эти циклы моделируются витками спирали. Постулируется, что S_i более (?) похожа (?) на S_{i+2} , чем S_i на S_{i+1} .

Критика марксистской диалектики

Категории МД, введённые философами, в основном, более туманны и менее конструктивны, чем те, которые взяты из естественных наук. Поэтому использовать их в конкретных задачах и этих, и даже социальных наук проблематично.

Законы МД не выведены не только из опытов, но даже, как отмечено в [5], не выведены из теории. Из приведённых выше «законов» МД только ЗПКК имеет форму закона, а остальные – форму гипотетических моделей. Связь между диалектикой и практикой является только однонаправленной: можно иллюстрировать "законы" диалектики на основе практики, но нельзя решать задачи практики на основе этих "законов". (Даже Ленин в октябре 1917 года, говоря о необходимом моменте восстания, руководствовался интуицией –

«вчера было рано, а завтра будет поздно», - а не законами МД). Множество неопределённостей, неточностей и ошибок в законах МД, отмеченных выше знаком вопроса, препятствуют использованию этих законов. Могу представить доказательства следующих двух моих теорем. [Г1]: Для каждого из известных "законов" диалектики можно сформулировать, как минимум, один обратный по смыслу и формулировке "закон", обладающий не меньшей практической реализуемостью и значимостью, чем прямой. [Г2]: Количество возможных моделей, аналогичных "законам" МД, бесконечно.

Литература

- [1]. Афанасьев В.Г. Основы философских знаний. - М.: Мысль, 1966. – 351
- [2]. Введение в философию: Учеб. пособие для вузов/ Авт. колл.: Фролов И.Т. и др.– 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Культурная революция, Республика, 2007. – 623 с.
- [3]. Диалектический и исторический материализм / Под общ. ред. А. Г. Мысливчен-ко, А. П. Шептулина. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Политиздат, 1988. – 446 с.
- [4]. Кохановский В.П. и др. Философия науки в вопросах и ответах: Уч. пособие для аспирантов. Изд-е 3-е. Ростов-на-Дону: Феникс, 2006. – 352 с.
- [5]. Копнин П.В. Диалектика как логика и теория познания. – М.: Наука, 1973. -324с.
- [6]. Краткая философская энциклопедия.– М.: Прогресс, 1994. – 576 с.
- [7]. Краткий философский словарь. – М.: Политиздат, 1953. – 703 с.
- [8]. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии. – М.: Политиздат, 1966. – 70 с.
- [9]. Сергеев В.А. Маркс, вы ошиблись! – «Собеседник», №24, 1990.
- [10]. Сергеев В.А. Марксизм-ленинизм: ошибки теории, формализация основ, новые теоремы, итоги и перспективы. – Доклад на Летней философской школе НГУ (Новосибирск, Бурмистрово, 30.6 – 4.7. 1997).
- [11]. Сергеев В.А. Онтология и гносеология неомарксизма. – В сб.: Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований, Новосибирск, НГУ, 2007, с.99-103.
- [12]. Сергеев В.А. Основы теории и методологии описания геологических тел. – В сб.: Применение математических методов и ЭВМ при поиске полезных ископаемых, Новосибирск, ВЦ СО АН СССР, 1980, с.64-73.
- [13]. Сергеев В.А. О соотношении формального описания и моделирования геологических объектов. – В сб.: Экспертные системы и анализ данных, Новосибирск, ВЦ СО АН СССР, 1988, с.73-86.
- [14]. Сергеев В.А. О формальном подходе к проблеме естественных геологических тел, классификаций и уровней организации. – В сб.: Системные исследования в геологии каустобиолитов, М., Наука, 1984, с.54-59.

- [15]. Сергеев В.А. Собственность с позиций формального классифицирования. – В сб.: Материалы Всесоюзной конференции по рыночной экономике, Сочи, 5-10.2.1991.
- [16]. Спиркин А.Г. Основы философии: Учеб. пособие для вузов. – М.: Политиздат, 1988. – 592 с.
- [17]. Философия естественных наук. Учебное пособие для вузов / Под общ. ред. проф. С.А.Лебедева. – М.: Академический проспект, 2006. – 560 с.
- [18]. Философский словарь. Под ред. М. М. Розенталя. Изд-е 3-е. – М.: Политиздат, 1975. – 496 с.
- [19]. Философский энциклопедический словарь / Редколл.: С. С. Аверинцев, Э. А.. Араб-Оглы, Л. Ф. Ильичёв и др. – 2-е изд-е. – М.: Сов. энциклопедия, 1989. – 815с.
- [20]. Фролов И. Т. Философия и история генетики – поиски и дискуссии. – М.: Наука, 1988. – 416 с.

vas@mail.nsk.ru

История философии в новом интеллектуальном контексте

СУБЪЕКТИВНОСТЬ И ФОРМАЛЬНЫЕ СИМВОЛИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ

О. А. Доманов

Институт философии и права СО РАН

Совершившийся в математике и логике конца 19 – начала 20 века переход от субъектно-предикатных описаний к аксиоматическим оказал большое влияние на философию. Его особенно легко заметить в философии науки, аналитической философии и т.д. Однако -- и в этом состоит тезис настоящей работы – общее умонастроение, характерное для этого перехода, можно с не меньшим успехом обнаружить в философии, традиционно считающейся далёкой от формальной логики или математики. Я имею в виду, например, таких философов как Хайдеггер или Деррида, или такие учения как психоанализ или структурализм. Их особенность состоит лишь в том, что они осуществляют этот переход в области философии субъективности, а не науки. Поэтому я буду условно называть эту философию философией субъекта.

Говоря более конкретно, в философии субъекта происходит переход от классического понимания субъекта как «подлежащего» для своих представлений к следующей общей схеме. Имеются символические системы, которые

рассматриваются формально как набор знаков или означающих (например, язык, дискурс, схемы поведения, габитус и т.д.). Связь этих систем с реальностью происходит по двум линиям: 1) субъект идентифицируется с каким-то элементом системы, 2) системы фиксируются на объектах; это означает, что их интерпретация на объектах достигается в результате проб с последующей фиксацией при некотором «успехе» или «удовлетворении», по разному понимаемых; таким образом, нет соответствия между интерпретируемой формальной системой и предполагаемой «структурой самого мира». Легко видеть, что это представление аналогично теоретико-модельной схеме с её различением формальной аксиоматической теории и интерпретации этой теории на некотором множестве. Именно теоретико-модельную схему мы и находим в философии субъекта 20-го века. Рассмотрим несколько примеров.

Первый пример – фундаментальная онтология Хайдеггера. Она основана на различении бытия и сущего (того, что есть). Бытие описывается, во-первых, как способ, а во-вторых, как способность бытия. Способ бытия предстаёт как формальная схема, с местами, «предназначенными» для сущих. Быть тем или иным сущим означает осуществлять ту или иную способность-быть (Seinkönnen). Например, Dasein представляет собой способ бытия, которым могут быть люди, экзистенциалы являются аспектами или разновидностями этого способа бытия и т.д. Мы видим теоретико-модельную схему, свойства которой, фактически, и описывает Хайдеггер, когда говорит, например, о несубстанциальности человека или о том, что Dasein нельзя отождествлять с человеком (понятым как сущее), а фундаментальную онтологию – с антропологией и т.д. Определяющей характеристикой субъекта здесь является способ его бытия. Второй пример – психоанализ. Эдипов треугольник мать-дитя-отец представляет собой формальную структуру, в которой каждое из мест могут занимать совершенно различные персонажи (например, место отца может быть занято учителем, политическим вождем, законом и т.д.). Вытеснение в психоанализе можно понимать (с некоторыми оговорками) как сохранение формальной системы (сценария, фантазма) при изменении (часто весьма радикальном) её интерпретации. Наконец, третий пример – структурализм. Очевидно, что структура в нём представляет собой формальную систему и структурализм, фактически, опирается на её свойство находить себе интерпретацию на совершенно различных модельных множествах. В этих и других случаях переход к аксиоматическим по форме описаниям представляется обычно как отказ от субстанциальности субъекта – одна из ключевых тем философии субъекта 20 века.

Однако более интересно рассмотреть, в чём отличие использования теоретико-модельной схемы в философии субъекта в отличие от подходов, ориентированных на философию науки. Можно выделить следующие отличия.

1) Философия субъекта обращает внимание на сам акт идентификации. Идентификация противопоставляется простому повторению, она должна включать в себя «принятие структуры на себя». Это можно видеть в различении моды Man и собственной (eigentlich) моды у Хайдеггера, в структуре ос-

вобождения от симптома в психоанализе и т.д. Хайдеггер определяет экзистенциал решимости, указывающий на то, что субъект не просто есть некоторым способом, но решает быть так. При этом Хайдеггер отличает «всегда моё» бытие от собственного бытия.

2) Идентификация как акт имеет специфическую темпоральную структуру. Это «шаг в ничто», в котором не только осуществляется идентификация, но и появляется формальная структура, с которой происходит идентификация. Таков, например, общий смысл термина *différance* у Деррида. Решимость у Хайдеггера также имеет этот аспект. Идентификация также имеет ретроактивный характер, то есть приводит к перестройке прошлого, например, порождению причин событий в настоящем. Такова структура сознания-времени у Гуссерля и феномена последствия у Фрейда. Вообще, в этом акте порождается вся модель целиком, то есть как символическая система, так и множество, на котором она интерпретируется, а также сам субъект.

3) Естественно понимать идентификацию субъекта с переменными (терминами) формальной структуры как интерпретацию этих переменных субъектом (который тем самым выступает как элемент модельного множества). В философии субъекта, однако, имеются другие типы идентификации. У Лакана идентификация с означающим превращает самого субъекта в элемент дискурса, трансформирующегося по законам метафоры и метонимии. Вообще, психоанализ интересуется не только идентификацией с формальными системами, но и их трансформацией в результате формальной замены элементов (по аналогии с ребусом, с которым Фрейд сравнивает искажённое цензурой сновидение).

4) Субъект может также идентифицироваться с отношениями формальной системы, а не с её переменными. Например, Агамбен говорит о переходе от «бытия-так» (*être-ainsi*) к бытию «самим так» (*le ainsi*) в том смысле, что бытие человека состоит не в том, что он есть так-то и так-то, а в том, что он «берёт на себя» бытие так-то и так-то. Сущее, бытие которого состоит в идентификации со схемой, Агамбен обозначает термином *quelconque*. В терминах Хайдеггера, это идентификация с бытием, а не с сущим.

5) В формальной системе признаётся также существование переменных, принципиально не имеющих определённой интерпретации, причём субъект может идентифицироваться с такими переменными. Такова, например, фантазматическая идентификация с объектом маленькое *a* у Лакана (вообще, фундаментальный фантазм в психоанализе принципиально не имеет адекватной интерпретации), а также идентификация с генерическим множеством у Бадью. Эти идентификации чисто формальны, поскольку не определяют никаких «свойств», которыми должен для этого обладать субъект. Идентификация не фиксирует объём понятия. В результате, субъект никогда не знает до конца, с чем он идентифицируется.

Наконец, в заключении отмечу два следствия перехода к аксиоматическому описанию в теории субъекта, параллели к которым можно найти в математике. Первое из них – переход к пониманию конечности субъекта как от-

крытости. Ему соответствует различие классов и множеств в теории множеств. Подобно таким классам как парадоксальные множества, человек по самой своей структуре не может мыслиться как замкнутая сущность. Можно также найти параллели в изменении понимания бесконечности. Второе следствие – десубстантивация субъекта, невозможность дать ему иного определения кроме как в терминах отношений. При этом, такое определение предполагает огромное разнообразие совершенно не похожих интерпретаций. Параллелью в математике является существование нестандартных интерпретаций даже для, казалось бы, хорошо знакомых теорий, таких как арифметика.

Таким образом, даже предварительный взгляд показывает, что рождение несубстанциалистских концепций субъективности отражает те же концептуальные сдвиги, которые в математике выражаются в переходе к аксиоматическим теоретико-модельным описаниям.

odomanov@gmail.com

РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ XVIII В. КАК ПРОЦЕСС КОММУНИКАЦИИ

О. В. Филатова

Новосибирский государственный университет экономики и управления

Вопрос о начале русской философии, ее источниках, характере и общей оценке является спорным и дискуссионным. Подходы к описанию истории философской мысли в России условно можно разделить на два типа. В первом, в качестве критерия определения того, что есть философское знание, используется итог развития философии, который представляет собой своеобразный эталон, в сравнении с которым происходит отбор материала, но при таком подходе многое остается за гранью философии как систематического знания. Второй тип исследований также базируется на некоем общем представлении о философии, однако допускается, что в реальном развитии некоторые черты этого представления могут отсутствовать или заменяться другими. Тогда понятие философии расширяется до понятия мировоззрения и допускается, что философское содержание может быть выявлено из совокупности политических, нравственных, религиозных, художественных представлений.

Таким образом, среди исследователей истории русской философии нет единого мнения по поводу ее исторического развития. Мы попытаемся рассмотреть историю русской философии как коммуникативный процесс, что позволит по-новому взглянуть на некоторые ее стороны. Для этого обратимся к понятию дискурса. В широком смысле слова дискурс представляет собой сложное единство языковой практики и экстралингвистических факторов, дающих представление об участниках коммуникации, их установках, целях,

условиях производства и восприятия сообщения и представляет собой устойчивую культурно обусловленную традицию общения. В целом, духовная культура общества представляет собой ансамбль дискурсов, в число которых входит и философский. Тело дискурса составляет множество высказываний, каждое из которых как речевое событие можно разложить на ряд компонентов, согласно схеме, предложенной Р. Якобсоном (адресат, адресант, код). Эта модель применима не только в лингвистическом смысле, но также использовалась для описания культурной коммуникации. Мы же, с ее помощью, попытаемся раскрыть некоторые особенности русской философии XVIII в.

1. Адресант – субъект коммуникации

В применении к философскому дискурсу, адресантом, посылающим сообщение, является философ. В числе первых русских самобытных философов историки философии называют Г. С. Сковороду, М. В. Ломоносова, А. Н. Радищева, М. М. Сперанского и др. В общей сложности эта группа немногочисленна. Одну из причин подобной ситуации можно усмотреть в недостаточности образования. С открытием Московского университета в 1755 г. философия появляется в высших школах, хотя в обстановке жесткого контроля со стороны государства, статус ее как необходимой дисциплины был неустойчив. История университетского преподавания философии представляет собой череду запретов и преобразований, среди которых все же пробиваются оригинальные авторские идеи, но они слишком немногочисленны, чтобы иметь какое-либо значительное влияние на общественное сознание.

2. Адресант – читатель

Претерпевает изменения культура чтения, меняется образ читателя. Древнерусский человек состоял в особых отношениях с книгой, которая воспринималась как духовный авторитет и руководитель, чтение не было интеллектуальным актом, но процессом, нравственной заслугой и обязанностью. С появлением книгопечатания книга перестает быть чем-то эксклюзивным, дорогим, изготавливаемым в небольшом количестве. Меняется степень авторитетности текста: в средневековой религиозной письменности литературе приписывалась пророческая функция, создание мирской литературы на основе светской культурной традиции, с одной стороны, и европейских влияний – с другой, во многом лишает слово мистического ореола, делает его подверженным анализу и критике.

3. Код – язык

XVIII в. – век коренных изменений в области языка, были подвергнуты реформированию фонетика, синтаксис, стилистика, лексическая система языка. Помимо борьбы с церковно-книжной культурой в пользу живой русской речи, наблюдается тенденция создания новых форм национального русского выражения, сближенных с европейскими языками: польский и латинский языки создают почву для европеизации русского литературного языка, для развития абстрактных понятий в его лексической системе. В то же время традиции феодальной эпохи еще сохраняют свое влияние. Особенности, ха-

актерные для философских произведений XVIII в.: 1) метафоричность стиля; 2) жанровое разнообразие («восточные повести», «письма к приятелю», «путешествия», «сны», аллегории, «политические романы», литературные апокрифы, моральные рассуждения и рекомендации, комментарии и предисловия к переводам, «речи», «слова», произнесенные по поводу того или иного события, диалог); 3) отсутствие специальной терминологии и категориального аппарата, аналогичного западноевропейскому; 4) обилие заимствований; 5) вариативность в обозначении понятий, которые, не имея четко закрепленных терминологических эквивалентов, часто выражались рядом синонимов.

Обобщая вышесказанное, можно заключить, что в XVIII в. философский дискурс еще не представляет собой устойчивую традицию общения, так как все звенья коммуникации находятся на стадии формирования. С одной стороны, это можно интерпретировать как негативный результат и подытожить, что русская философия в XVIII в. еще не философия в собственном смысле. С другой стороны, такой результат продуктивен, именно в этом потоке различных трансформаций происходит поворот в мышлении, начинает формироваться базис отвлеченной лексики, совершенствуются способы логического изложения. Рассмотрение русской философии XVIII в. как процесса коммуникации позволяет охватить все компоненты ситуации, а также, с учетом динамики их развития по отдельности, дает возможность обнаружить некоторые закономерности и специфику развития системы в целом.

filatov2084@ngs.ru

ПОНИМАНИЕ ИРОНИИ В АНТИЧНОЙ КУЛЬТУРЕ И ФИЛОСОФИЯ КИНИЗМА

М. А. Брудастова

Новосибирский государственный университет

Достаточно яркой фигурой античности являлся Сократ. Личность этого человека, его способ философствования – ведение ироничной беседы, как для современников Сократа, так и для сегодняшних исследователей являются примером античной иронии. Поэтому исследования по античной иронии, так или иначе, отталкиваются от фигуры основного ироничного героя античности. Однако если мы отойдем от Сократа и, обратившись к философии киников, попытаемся выделить иронию в этой школе, мы столкнемся с некоторыми противоречиями.

О философии киников мы узнаем, главным образом, из анекдотов, занимательных историй дошедших до нас в трудах Диогена Лаэртца, Апулея и др. Это положение служит основанием для выделения в философствовании «бродячих мудрецов» иронии. Но ирония ли это Сократа? Ирония Сократа,

по преимуществу – это ирония слова, ирония «вопрошания», о чем свидетельствуют письменно зафиксированные его учениками беседы и их воспоминания о своем учителе. Но находим ли мы у киников иронию вопрошания, иронию «незнания» Сократа? Да, Антисфен – ученик Сократа. Диогена Синопского Платон назвал «безумным Сократом». И киническая школа – это одна из сократических школ. Но, большинство исследователей античной философии сходятся на мнении, что от Сократа они взяли, по большому счету, только внешний вид. В этой связи и ирония киников, по их мнению, – это вовсе и не ирония. Дескать, это не только коренным образом искаженная ирония Сократа, но и грубый прямотивизм, похабщина, которая привела впоследствии к цинизму (Янкелевич В., Осиновская И. и др.).

В данной статье мы попытаемся обратиться к текстам античных авторов, где употреблено понятие иронии и сопоставить эти тексты и представление об иронии у античных авторов с философией киников. Тем самым мы попытаемся решить следующие задачи:

- Имеем ли мы право, сопоставив иронию в понимании античных авторов с положениями кинической философии, говорить об иронии киников?
- Насколько соответствует понимание иронии античными авторами, реализации иронии киниками?
- Только ли Сократ является прообразом античного ироника, или киники внесли и свой вклад в понимание античной иронии?

Слова «ирония» и «иронист», «ироник» не находим ни в греческой поэзии до Аристофана, ни в греческой прозе до Платона. Прообразом ироника и в том и другом случае выступает Сократ. Но образ Сократа у Аристофана существенно отличается от образа Сократа в произведениях Платона. Что насмешка Аристофана над «софистом» – «ироником» – «лгуном» Сократом относилась к реальному философу Сократу, не было секретом и для их современников. Поскольку во время театрализованного показа пьесы «Облака», Сократ вставал и раскланивался.

На раннем этапе своего творчества, и Платон, вслед Аристофану, крайне негативно определяет иронию. И также как Аристофан свойствами ироника наделяет софиста. В диалоге «Софист» различает два вида «подражателей»: те, которые подражают истине, и те, которые подражают лжи, видимости. И как раз вторые называются «ироническими подражателями» (268 а). Но уже в «Апологии Сократа» (37 Е) этот термин имеет более широкий смысл. Здесь Калликл называет иронией необосновательную похвалу за неправильные ответы. Более определенно это новое значение «иронии» выступает в «Государстве» (I 337 А). Ирония здесь – нарочитое самоуничижение, когда человек знает, что, в сущности, он вовсе недостоин уничижения.

Теперь попробуем перенести эти первые сведения об иронии в литературной и философской традиции на философию киников. Жизнь Аристофана приходится на период зарождения кинической школы, жизнедеятельности Антисфена. Но ни одной строчкой в своем творчестве он не обращается к ним. Вероятно, обращение к философам, свою заинтересованность филосо-

фами он исчерпал фигурой Сократа. Антисфен – прародитель кинизма, судя по всему, для него, не желающего вступать в дебри философских дискуссий, являлся всего лишь одним из учеников Сократа, таким же «лгуном» и «хитрецом», как и его учитель. К тому же второй период творчества Аристофана уже не столь ярко политический. Тематика его произведений скорее просто общественно-сатирическая. Деятельность Диогена Синопского, непосредственного основателя кинической школы, к тому времени еще не развернулась в полном масштабе. Поэтому о кинической школе, как и о какой-либо ее значимости в жизни общества, которая смогла бы привлечь внимание поэта, говорить мы не можем. И, естественно, этим мы можем оправдать то, что, употребляя слово ирония Аристофан ни на киников, ни на их философию не ссылается.

Как же быть в случае с Платоном? Ведь и с Диогеном он общался достаточно часто, о чем нам свидетельствуют многочисленные анекдоты, зафиксированные Диогеном Лаэртием. И школа киников активно действовала параллельно с платоновской академией. Почему он так же, как и Аристофан, при упоминании об иронии не затрагивает киников, не ставит их в качестве наглядного примера ироников после Сократа?

Негативное понимание иронии в первый период его творчества можем, вероятно, приписать к его увлечению молодости – к поэзии. Он ведь, как и Аристофан писал комедии для театра. А поскольку трудились они в, скажем так, «одной мастерской» - в одном полисе, то различная интерпретация одного и того же термина была бы больше, чем странной. И метод философствования Сократа к тому времени им не был еще полностью осмыслен. Лишь после, в более зрелом возрасте происходит осмысление сократической иронии «незнания» и, вследствие этого, трансформация и значения самого термина ирония. А не упоминание об иронии в философии киников, точнее, не признание иронии, именно сократической, как ее понимал Платон, иронии в философии киников мы можем предположительно интерпретировать так. Во-первых, здесь непосредственно сыграло роль уважение и любовь к Сократу. Как мог Платон сравнить этого сумасшедшего, «безумного Сократа» (по его же высказыванию) со своим великим учителем! Во-вторых, постоянная дискуссионная борьба академиков с сенсуалистами киниками. Признать иронию в философии киников, это ведь, приблизить их к Сократу, утвердить их более четкое следование наставлениям учителя. Разве мог позволить себе это Платон? И, в-третьих, если обратимся непосредственно к текстам, повествующим о воззрениях киников (к примеру, у Диогена Лаэртция), то легко можно заметить, что Платон, как и вся платоновская академия достаточно часто становилась мишенью кинических насмешек и иронии. Спор по лошади и «лошадность», «человек Платона» - ярко демонстрируют, как дискуссии о достаточно серьезных философских проблемах киники переводили в область ироничного. И, возможно, именно благодаря обращению к иронии, их аргументы приобретали столь весомый характер, что все реже Платон вступал с ними в спор. Таким образом, опять таки, признание Платоном иронии у киников,

сулило бы ему признание в пользу киников всех оспариваемых с ними в спорах истин. А это уже серьезно. В случае такого исхода подрываются все философские основания академии. Естественно, Платон не мог этого допустить.

Но, с другой стороны, определение иронии Платоном, как в раннем творчестве, так и позднее, совершенно четко подходит к киникам. Если вначале это «те, которые подражают лжи, видимости», то, учитывая постоянные споры философов, можно утверждать, что так Платон и думал о представителях школы киников. И если возьмем более позднее определение иронии, которое выводит Платон в «Государстве», то опять таки киники чудесно и в него вписываются – «нарочитое самоуничижение». Хотя еще Сократ пенял Антисфену, что через дыры его плаща «просвечивает тщеславие» (Д.Л. VI, 8). Но мы не найдем в античной Греции философов столь обделенных имущественно и сословно, и, в тоже время, настолько богатых. Еще бы, киник – гражданин мира, а это значит – не только он принадлежит миру, но и мир принадлежит ему. Да к тому же и друзья богов! – кто еще из античных философов может похвастаться столь драгоценными связями?

Обратимся к следующим текстуальным источникам, сообщающим о значении понятия иронии. После Платона определение иронии мы встречаем у Аристотеля. В «Никомаховой этике» Аристотель, выдвигая правило «золотой середины», определяет правду (истину) как нечто среднее между хвастовством и иронией. (II, 7; 1108a 19-23). Ирония, в понимании Аристотеля, как притворство умаления обращает нас опять к образу Сократа с его неизменной иронией «незнания». Не противоречит этому и дальнейшие размышления Аристотеля, когда он приписывает иронию тому, кто обладает одной из самых важных добродетелей, а именно величием души (IV 8, 1128 a). На первый взгляд, в размышлении об иронии, Аристотель не далеко ушел от позднего Платона. И опирались они на один прообраз – на Сократа. Но обращает на себя внимание, подчеркивание, четкое разделение Аристотелем ироника и хвастуна. И здесь, возможно, целесообразнее опять вспомнить укоры Сократа за тщеславие Антисфена. Кинизм во время Аристотеля уже достаточно известная и распространенная философская школа. А лицей Аристотеля, как и платоновская академия – школа элитарная. Поэтому, вероятно, и ученики Аристотеля, да и он сам не избежали философских нападков киников. Нам об этом ничего не известно. Можем только предполагать о взаимной неприязни на фоне философских споров этих двух школ. В противном случае, то есть, в случае симпатии Аристотеля к киникам, этой школе было бы уделено существенное место в текстах этой школы. Поскольку этого не наблюдаем, то можем заключить, что Аристотель четко определял киников в разряд «хвастовства», и поэтому возможные философские споры с ними не принимал всерьез. Как бы то ни было, но нам интересен факт текстуального выделения Сократа среди других «ироников». Может быть, в этом назрела нужда – других «ироников» (киников?) стало слишком много?

Продвигаясь дальше по текстам античных исследований, можно остановиться на «Характерах» Теофраста, который целую главу своего труда посвятил определению понятия ирония и иронист. Теофраст – ученик Платона и Аристотеля, на первый взгляд и в определении иронии не отходит от своих учителей. Все тоже «притворство в худшую сторону». Но Теофраст, используя характеристики иронии, привнесенные еще его учителями, совсем не наделяет античную иронию положительным содержанием. Ирония Теофраста – это скрывание и игнорирование чего-то, нерешительность и скептицизм, двоедушие и осторожность человека, который «себе на уме». Лосев и Шестаков характеристику иронии Теофраста, тем более что это аристотелевская школа, считают односторонней и неубедительной [стр. 335]. Но не вмешалась ли в понимание иронии Теофрастом ирония киников? Об этом мы тоже можем только предполагать.

Подведем итоги. Если с первого периода появления понятия иронии, его значение было так или иначе определено и ассоциировалось непосредственно с личностью и способом философствования Сократа (расхождения выстраивались лишь на основании симпатии – антипатии к философу – иронисту). То в последующем развитии понятия у античных мыслителей нуждается в более четкой дефиниции, а после и вовсе принимает негативный смысл. Можно предположить, что причиной изменения смысла понятия, как и отношения к ироникам служит появление на арене философской мысли иронии нового образца – иронии киников. Причиной непризнания иронии в философии киников античными авторами, возможно, могло послужить расхождение в фундаментальных философских положениях киников с философскими школами того времени. Либо не элитарность, не аристократичность школы выработало такую своеобразную брезгливость к их учению, что античных авторов привлекало больше внешняя сторона их учения, нежели внутренняя (ироничная?). И к тому же, ирония киников выражалась ведь не только в слове, в выражении мыслей, в привычном ее понимании как сократической иронии вопрошания. Но и в движении, в телодвижении. Поэтому ирония в философии киников не была понята и принята представителями других школ. Хотя, не смотря на это, была довольно значима в жизни античного общества и неоднократно реализовывалась (чаще всего, бессознательно) во многих философских течениях на протяжении всей истории философии. Но это тема уже другого исследования.

Teostar11@rambler.ru

**МИРОСИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ:
ОПЫТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ**

В. В. Цыганков

Институт философии и права СО РАН

Одной из тенденций современного макроисторического направления социальной философии остается интерес к «большим циклам истории». При этом ключевым остаётся вопрос о тех устойчивых механизмах и структурах, которые, с одной стороны, воспроизводят мотивы для очередной волны модернизации, а с другой – мотивы демодернизации, «контрреформ», консервации социальных практик и институтов.

Чем в данном случае может помочь миросистемный анализ (МСА)? Его специализацией является представление о взаимообусловленности периферийных обществ и обществ «ядра» мировой системы.

Поскольку в основание данного подхода лежит приоритет системы над своими элементами (внутриобщественные тенденции являются производными от внешней миросистемной конъюнктуры), постольку встает вопрос: когда и в каком качестве вошла Россия (если вошла) в современную миросистему («мир-экономику»). Существуют два противостоящих взгляда на место России в МСА- классификации: либо она являлась и продолжает быть «полупериферией» мир-экономики, либо она до недавних пор вообще в нее не входила, а представляла собой классическую мир-империю.

И.Валлерстайн утверждает, что Россия не может быть ни «ядром», ни «периферией» современной миросистемы (Россия велика настолько, что ее нельзя насытить товарами «ядра» и нельзя завоевать). Поэтому её удел – быть «полупериферией», входящей в мир-экономику неким особым образом. Вошла она туда достаточно давно – в XVIII столетии. После Екатерины нарастает неэквивалентность обмена с «ядром» миросистемы, со временем приведшая к реализации т.н. «сталинско-виттевского» курса (военно-индустриальной империи). Т.о., для России Валлерстайн отводит место вечно догоняющего, не могущего догнать «ядро» и утешающегося военной мощью. Такого субъекта миросистема терпит только потому, что военная мощь России всегда представляла собой ликвидный товар: Русская Армия была средством для разряжения геостратегических напряжений и стабилизации ситуации в паузах между мировыми гегемониями. Российская военная сила и функционально и морфологически находилась в зависимости и от угроз со стороны «ядра», и от интересов многочисленных союзников и нейтралов.

Волонтаристская попытка «выпрыгнуть» из этой своей мировой роли (уход из Афганистана, ликвидация Варшавского блока и «армии вторжения» в Восточной Европе) привела к коллапсу советских форм государственности, а институциональность РФ остается передышкой до выяснения позиции российской правящей верхушки, у которой, по сути, нет другого выхода, кроме как продолжать в том же духе – поскольку остальные места заняты. Т.е., по Валлерстайну «полупериферия» - есть элемент, включенный в мир-систему частично, а её признаки могут выражаться экзотическим образом – как у Российской империи или СССР. Никакого значения в этом смысле не имеет, например, отсутствие рыночных отношений в экономике отдельного общества, включенного в мировой рынок.

По основным показателям происходит периферизация РФ. По оценкам мироаналитиков Россия не первый раз входит в мир-экономику в качестве периферии; И.Валлерстайн считает, что к XIX накапливаются тенденции такого рода превращения. Здесь следует вспомнить, какие объективные причины обычно называются для обоснования невозможности для России стать периферией мир-экономики. Наиболее массивные из них – высочайшие издержки производства на основной части российской территории и чрезвычайно малый прибавочный продукт, получаемый в аграрном секторе – в исторической ретроспективе добротн освещаются в работах Л.В.Милова (один из аспектов был затем популярно изложен в книжке А.Паршева). Для жизни на такой территории потребовались своеобразные институциональные формы и практики (деспотическое государство, уравнительная поземельная община, российский вариант закрепощения и колонизации). Как раз после такого рода институционализации возможность «периферизации» России стала реальностью. При посредничестве государственных институтов «внутренняя» крестьянская периферия во второй половине XIX века превращается в периферию внешнюю, при этом под управлением государства происходит архаизация крестьянской общины и поземельных отношений на селе.

Ко второй половине XIX века намечается тенденция полной периферизации России на основе эксплуатации её аграрного сектора – в ущерб использованию ее как военного союзника. Однако к началу XX века, когда встал вопрос о кандидатуре нового гегемона, Россия, где периферизация шла полным ходом, вновь понадобилась в своей «полупериферийной» роли. Возникший к этому времени секторный разрыв в экономике, помноженный на тяготы войны, привел к социальному взрыву и слому всей институциональности, за исключением советов (волостных крестьянских сходов, взявших на себя политические функции в период 1902 – 1908 гг., преобразовавшихся затем в солдатские комитеты «крестьян на фронте»), и оппозиционного социального демократического движения, выработавшего к этому моменту практики бюрократической «контр-структуры» государства. Т.е., можно сделать вывод: смена миросистемной конъюнктуры для России связана с ситуацией вокруг решения вопроса о гегемонии в рамках «ядра». Если такой вопрос решен, Россия начинает смещаться в область периферии, если же нет – Россия пре-

доставляет свой специфический «полупериферийный» продукт. При этом достаточно быстрая смена конъюнктуры, или имеющие место одновременно две конъюнктурные линии (долговременная и краткосрочная) – могут поставить под вопрос российскую институциональность.

По прогнозу И.Валлерстайна в результате всеобъемлющей товаризации мир-экономики будут исчерпаны возможности неэквивалентной подпитки миросистемы. При помощи чего «знакомый мир» будет бороться за своё выживание? Вполне возможно, что это средство уже использовалось в сходной ситуации рубежа 20-30х гг. XX века: имеется в виду создание «в долг» милитаристски ориентированных национальных экономик по всей тогдашней ойкумене – от «Нового курса» Ф.Рузвельта до свёртывания НЭПа в СССР.

Литература и сетевые ресурсы

1. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. М., Логос, 2003.
2. Он же. Россия и капиталистическая мир-экономика // Свободная мысль, 1996, № 5.
3. Дерлугьян Г. Национальное государство и очередная глобализация // <http://www.lebed.com/2003/art3389.htm>
4. Кагарлицкий Б.Ю. Периферийная империя. М., 2001.
5. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: Росспэн, 1998.
6. Он же. Особенности исторического процесса в России. // http://www.situation.ru/app/j_art_257.htm
7. Пантин В.И., Лапкин В.В. Волны политической модернизации в истории России (К обсуждению гипотезы). — Полис. 1998. № 2.
8. Шанин Т. Революция как момент истины. М., 1997.

lira777@hotmail.ru

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ МАРКСИЗМА И РОССИЯ

О. Х. Захидов

Таджикский государственный университет права, бизнеса и политики

Судьба учения марксизма претерпела серьезное испытание в конце XX века. Колоссальное изменение в мире, прежде всего, затронули социализм, как конкурирующего с капитализмом, общественного строя, который потерял значительный урон в конце 80-х годов, что связано с крушением идеологии социализма и с изменением всей экономической основы общества. В результате такого изменения установился преимущественно однополюсный мир. Социализм, строившийся в Советском Союзе, опирался исключительно

на учении марксизма, и поэтому «план строительства» был заменен в связи с изменениями в общественной практике. Марксизм перестал быть государственной идеологией, что отнял у догматиков шаблон, который использовался как «научная» идеология, и посредством которой пытались определить особенность современной эпохи. Поэтому перед многими учеными и политиками встал вопрос о специфике современного состояния постсоветского общества и методов научного определения его характеристики.

Тема отношения Маркса к России имеет непосредственную связь с вопросом о сущности социализма и с социально-политическим учением марксизма. Вопрос о России, ее месте в исторической и политической теории марксизма занимает одно из ведущих мест. Россия XIX века заинтересовала Маркса, как страну, которой предстояла пережить серьезные социально-политические и экономические изменения. Выводы Маркса относительно капитализма и будущих изменений, последующих за разрушением капиталистических экономических отношений, были сделаны именно на основе анализа капитализма в Западной Европе. Капитализм как общественно-экономическая формация в своем развитии неминуемо приведет к установлению социализма в Европе, и преимущественно в наиболее промышленно-развитых странах, таких как Англия, Франция, Германия. Перед Марксом встала проблема понимания дальнейших путей развития азиатского континента, и, в особенности, в связи с нарастающими социальными и экономическими изменениями в России после реформы 1861 года. Пойдет ли Россия по тому пути развития, которую прошли европейские страны, или у России есть особый путь развития – такая дилемма предстала перед Марксом. Такого же характера вопрос В.И. Засулич поставила перед Марксом. Главной темой, привлекавшей внимание Маркса, была русская поземельная община, которая сохранилась в России с древнейших времен. В набросках ответа на письмо В.И.Засулич [1]. Маркс развивает мысль, что община в России стала современницей капитализма, который достиг промышленного уровня. При сохранении государственной собственности на землю община сможет применять сельскохозяйственные машины в широком масштабе, и таким образом, станет реальной основой коллективного, кооперативного ведения хозяйства, противостоящей частной собственности в аграрном секторе экономики. Передовая технология и техника найдет благоприятную почву для применения, и позволит общине оказать серьезную конкуренцию частному ведению хозяйствования. По сути, община составляла основу жизнедеятельности всех европейских обществ, начиная с периода переселения народов. Следы общинного ведения хозяйства можно найти и во всех древних обществах, как Востока, так и Запада. По Марксу земледельческая община была основой всех деспотических форм восточного государства. Только в истории Древней Греции и Рима можно проследить процесс постепенного разрушения общины, и наиболее выпукло в поздней истории Рима проявляется процесс разложения общинной формы жизни и общинного хозяйствования. История Рима и Греции и есть история развития и слома общинного землепользования. Сама земледельческая община была, по своей

сути, основана на дуализме форм собственности: коллективной и частной, т.е. семейной. Именно дуализм общинной формы хозяйствования была почвой разрушения коллективного и победы частной собственности на землю. С эпохи переселения народов на европейский полуостров, основой их экономических отношений составит общинная форма собственности, и племена древних германцев унаследуют развитую форму экономических отношений последнего периода истории Римского общества. Именно существующая частная собственность римлян была разделена между членами общины, что способствовала процессу перехода древних германцев от кровнородственной общины к соседской поземельной общине, над которой со временем выстроилась феодальная иерархия со своей формой государственного правления. Следует заметить, что перед возникновением поземельной общины существовала кровнородственная, которая в процессе развития общественных отношений исчезает, заменяя собой поземельной. Однако изменение кровнородственной общины приводит к возникновению сословного общества. Если обратить внимание на историю Востока, то везде мы можем найти такую форму социально-политического уклада, которого Маркс условно именует «азиатским способом производства». Россия, которая сохранила общинный уклад ведения хозяйства, оказалась типичной азиатской страной с феодальной формой правления государством, и поэтому для Маркса была весьма проблематичной приложить выводы, полученные на основе изучения истории экономических отношений Западной Европы, к истории России. В основном проблема относилась к истории перехода от феодализма к капитализму, и от капитализма к социализму. В письме в редакцию «Отечественных записок» [2] Маркс воздерживается от историко-философской универсальной теории о всеобщем пути, по которому роковым образом обречены идти все народы, т.е. применять выводы, сделанные на основе изучения одних фактов, к фактам существующих совсем в других условиях. Маркс делает такое замечание: «Если Россия будет продолжать идти по тому пути, по которому она следовала с 1861 г., то она упустит наилучший случай, который история когда-либо предоставляла какому-либо народу, и испытает все роковые злоключения капиталистического строя» [2. С. 119]. Такое заключение вытекает из осторожного предположения, сделанное Марксом, для которого любые выводы должны опираться на тщательном изучении фактов. Пойдет ли Россия по пути разрушения общины, превратив всех крестьян в пролетариев, лишенных средств производства, или, сохранив общину, перейдет в новый экономический строй-этого Маркс не мог определить. Однако каждый уважающий себя ученый воздержался бы от предсказания будущего, чтобы не слыть Нострадамусом.

Литература

1. Маркс К. наброска ответа на письмо В.И.Засулич // Сочинения. Т. 19.- С. 400-421.

БЕЗОПАСНОСТЬ И СВОБОДА В СТРУКТУРЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ *

О. К. Трубицын

Новосибирский государственный университет

Политические ценности – те идеалы, исходя из которых, общество формулирует цели своего развития. Иначе говоря, это положительно оцениваемые характеристики какого-либо социального режима, его достоинства, апеллируя к которым его сторонники доказывают его превосходство перед другими формами социального устройства. Разные идеологии имеют разный набор и иерархию политических ценностей. Тем не менее, можно говорить о некоторых более-менее универсальных, или, по крайней мере, наиболее популярных политических ценностях. Таковыми являются свобода, социальная справедливость, социальная солидарность, материальное благосостояние и безопасность.

Идеологии различаются между собой и по тому, как интерпретируют содержание этих ценностей и взаимоотношение между ними. В качестве примера можно рассмотреть взаимоотношение ценностей свободы и безопасности. Эти ценности могут восприниматься как гармонически сосуществующие друг с другом, неотделимые друг от друга. Но могут они восприниматься и как конфликтующие, практически не совместимые друг с другом.

Для Г.В.Ф. Гегеля суть истории заключается в саморазвитии объективного духа, содержанием которого являются социальные дефиниции. Как и субъективные идеалисты, он предполагает, что дефиниции производят различные формы социального взаимодействия. Но, согласно Гегелю, сами они формируются и изменяются не произвольно, а неким закономерным образом. Из всех социальных дефиниций важнейшим является понятие свободы, имплицитно включающее в себя безопасность. Именно прогресс в понимании свободы задает общее направление истории и дает критерий для выделения универсальных стадий.

Исторический материализм не столько опровергает, сколько дополняет концепцию Гегеля. Здесь также признается существование универсальных стадий исторического развития. При переходе с одной стадии на другую меняется если не перечень основных политических ценностей, то их интерпре-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 07-06-00184а).

тация. Но закономерность смены этих стадий связана с закономерностями социально-экономического прогресса, а не с закономерностями саморазвития философии или логических понятий. Общественное сознание зависит от общественного бытия, так что смена универсальных стадий социально-экономического развития определяет смену целей, которые ставит перед собой общество, что выражается в обогащении понимания свободы. То же самое относится и к другим политическим ценностям, которые в философии Гегеля оказались в относительном пренебрежении.

Какие бы причины ни вызвали изменение содержания такого рода социальных дефиниций, которые мы обозначили как политические ценности, общее направление их развитие связано с движением от чувственно конкретного к мысленно абстрактному. Так, в Древней Греции свобода понималась изначально очень конкретно: если человек не раб, то он свободен (хотя в поздней Античности, например у Эпиктета, появляется представление о внутренней свободе, не связанной с юридическим положением индивида). Дальше в истории, по мере усложнения форм социального взаимодействия происходит обогащение понимания свободы: вместо одного конкретного понимания свободы как противоположности рабству появляется представление о множестве свобод, которыми может обладать человек. Вместе с этим развивается и абстрактное понимание свободы вообще, свободы как абстрактной категории, вмещающей в себя совокупность различных конкретных пониманий свободы, но не сводящейся к ней.

То же самое происходит и с другими политическими ценностями, в том числе и с безопасностью. Изначально под безопасностью понималась возможность избежать физического ущерба жизни и здоровью человека, т.е. конкретная форма безопасности – физическая безопасность. С развитием общества это понятие обогащается новыми смыслами. Правда, хотя та политическая ценность, которую мы выражаем через слово «безопасность» развивалась и обогащалась не в меньшей степени, чем другие политические ценности, в отличие от слова «свобода», в обыденном языке слово «безопасность» сохранило относительно узкое значение. Это связано с тем, что существует близкое по смыслу слово «порядок», отчасти дублирующее, отчасти дополняющее понятие безопасности. Некоторые смыслы, которые включает в себе данная политическая ценность, выражаются не через понятие «безопасность», а через понятие «порядок». По сути это дублирующие понятия, относящиеся к одной и той же ценности, но слово «порядок» в большей степени отсылает к смыслам стабильности, надежности. Таким образом, вместе с движением социальной жизни от относительно простых форм к более сложным, происходило движение мысли (общественного сознания) от чувственно конкретного понимания безопасности к мысленно абстрактному.

Содержание той или иной политической ценности, ее относительное значение по сравнению с другими ценностями варьируется в общественном сознании от стадии развития, а также от типа социального режима. В зависимости от уровня развития и типа общества те или иные политические ценности

актуализируются в большей или меньшей степени, что сказывается на популярности разных идеологий.

Для того чтобы выявить относительную значимость ценности безопасности в политической культуре, сначала следует вспомнить многозначность слова «порядок». Под порядком понимается, прежде всего, безопасность, надежность и стабильность жизни. И в то же время термин «порядок» используется как синонимическое обозначение социального режима, социально-политического устройства вообще. Таким образом, в обыденном языке заложено представление о том, что главное достоинство любого социального режима — это порядок в обществе, т.е. безопасность и стабильность жизни.

В традиционном обществе безопасность определенно воспринималась как ключевая политическая ценность. Обеспечение общественной безопасности считалось главной функцией государства, выполнение которой давало легитимность власти. Это объясняет, почему население принимало факт резкого неравенства и отсутствия множества свобод: ради сохранения безопасности люди готовы были смириться со многими трудностями.

С началом модернизации, особенно в эпоху Просвещения постепенно актуализируются иные политические ценности, что демонстрирует лозунг «Свобода, равенство, братство». Процесс деактуализации ценности безопасности происходил медленно, но неуклонно. У Т. Гоббса безопасность все еще находится на первом месте, порядок первичен по отношению к свободе. Если порядка нет, то и о свободе говорить не приходится: в обществе без закона нет свободы, есть лишь произвол. Соответственно основанием либерального порядка представляется сильное недемократическое государство. Его модель общественного договора предполагает отказ от абсолютной свободы в обмен на постоянную и надежную гарантию безопасности, предоставляемую абсолютистским государством. И. Бентам также считал ценность безопасности основной политической ценностью и обвинял других либералов, делающих акцент на свободе, в прекраснодушной наивности. Точно также для Г. Гегеля, свобода является высшей ценностью, но свобода должна базироваться на фундаменте безопасности и порядка, иначе это ложная свобода. Так, варварские общества находятся на нижней, нулевой ступени в осознании и реализации свободы, даже азиатские деспотические общества находятся выше. Такой «этистский» характер его социального учения дал основание К.Р. Попперу вообще отказать Гегелю в принадлежности к либеральному лагерю. Хотя вернее было бы сказать, что учения Гоббса, Бентама и Гегеля — это «государственническая ересь» в либерализме.

Тем не менее, общая тенденция развития общественного сознания была направлена именно на сторону снижения относительной значимости ценности безопасности при росте значимости ценности свободы. Большинство либералов, безусловно, ставит свободу на первое место, в том числе считает ее первичной по отношению к порядку. Такова, например, особенность теории общественного договора Дж. Локка по отношению к гоббсовой: свобода без порядка не может быть гарантированной, она не развита, но она существует,

природа ее субстанциальна, а государство и закон лишь упорядочивают и защищают ее.

Если же обратиться от истории философской мысли к истории политических отношений, то и здесь мы обнаружим сложную и неоднозначную взаимосвязь безопасности и свободы. В периоды послереволюционного «опьянения» свободой нередко происходило разрушение системы общественного порядка. В результате такой «вакханалии свободы», понимаемой как вседозволенность, право пренебрегать законами юридическими и нравственными, происходило нарушение общественного порядка и безопасности граждан. В такой ситуации население, ощущая рост количества опасностей для себя, склонно поддерживать тех политиков, которые обещают навести порядок в стране, даже если это предполагает ограничение некоторых гражданских свобод. Кажущаяся многим философам иррациональной склонность масс к «бегству от свободы» объясняется вполне рационально: прагматически настроенное большинство не враждебно свободе, но потребность в безопасности более значима; так что в ситуации кризиса ограниченные ресурсы скорее будут направлены на удовлетворение этой базисной потребности.

В то же время увлечение лозунгами «порядка», «сильной руки» и т.п., как показывает практика, легко может привести к установлению авторитарного режима, который наведет порядок путем резкого ограничения индивидуальных свобод. Нужно отметить, что наведение тоталитарного порядка само по себе может представлять угрозу безопасности граждан, но теперь уже не со стороны антисоциальных элементов, а со стороны самого государства, его органов безопасности.

Подводя итог, стоит признать, что проблема определения оптимального соотношения между требованиями свободы и безопасности (порядка) до сих пор не решена. По-видимому, это связано не с неэффективностью работы философского сообщества, а с тем, что проблема является «вечной», по крайней мере, до тех пор, пока общественные отношения развиваются и «конец истории» не достигнут. Видимо, не очень продуктивен путь анализа соотношения между безопасностью и свободой вне социального контекста, поскольку развитие социума означает и развитие этих понятий. Как слово «свобода» в сложно дифференцированном обществе подразумевает множество различных прав и свобод, так и «безопасность» подразумевает множество ее различных конкретных форм. Соответственно требуется найти тот объем индивидуальных свобод, который может позволить своим членам *данное* общество с учетом сохранения должного уровня порядка и безопасности.

helgerri@mail.ru

ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУЩНОСТИ ФЕНОМЕНА БЕЗОПАСНОСТИ*

А. А. Гриценко

Институт философии и права СО РАН

Общая цель исследования – прояснить сущность феномена безопасности (ФБ). Выявленная сущность выражается посредством определения понятия. Дать дефиницию безопасности – задача общей теории безопасности. Философия способна и должна помочь решить эту задачу, создав необходимую методологическую, онтологическую, гносеологическую основу.

1. Мы наблюдаем множество явлений безопасности. В общем-то, мы способны увидеть безопасность или ее отсутствие практически повсюду (национальная безопасность, безопасность на транспорте, экологическая безопасность, Федеральная служба безопасности и т.д. и т.п.). Более того, постоянно обнаруживаются все новые типы безопасности, новые виды угроз. Например, в последнее время актуализировались террористическая угроза, проблема неразглашения генетической информации.

О чем свидетельствует этот факт? Либо безопасность объективно существует повсюду в мире, и мы постепенно познаем множество ее конкретных форм, либо она присуща нашему собственному взгляду на мир, и куда бы мы ни посмотрели сквозь соответствующую призму, непременно фиксируем наличие феномена безопасности.

Если безопасность представляет собой объективно существующий независимый от какого бы то ни было сознания феномен, то необходимо указать, в чем состоит его специфика по отношению к множеству иных феноменов, в чем состоит его сущность.

Если безопасность есть специфический способ рассмотрения действительности, то нужно указать его отличие от иных способов рассмотрения действительности. Тем самым мы также прояснили бы сущность феномена безопасности.

Нужно ли нам выбирать из обозначенных двух вариантов? Взаимоисключают ли они друг друга? Полагаю, что два высказанных выше тезиса не противоречат, а взаимодополняют друг друга. Утверждение Н. Лумана относительно “риска”: «То, о чем говорится, конституируется понятиями. Сам по себе внешний мир не знает никакого риска, ибо ему не ведомы ни различия, ни ожидания, ни оценки, ни вероятности...» [1] – может быть отнесено и к “безопасности”. Безопасность есть, прежде всего, понятие, и как таковое оно принадлежит нашему сознанию. С другой стороны, понятие не просто навязывается миру, а черпает свое содержание из действительности.

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 07-06-00184.

Таким образом, ФБ есть некоторое объективное положение вещей, которое способен увидеть, уразуметь и оценить человеческий разум. Разум способен также абстрагироваться от конкретики и создать понятие безопасности, с помощью которого способен рассматривать практически любые ситуации.

2. Понятие ФБ, как и любое другое понятие, вообще всякое наше представление о действительности, есть репрезентация, модель соответствующего фрагмента реальности. Модель – это объект-заменитель для некоторого объекта-оригинала, причем такой, что полученные при его изучении знания мы транслируем на оригинал. Моделирование базируется на умозаключении по аналогии, которое осуществляется на основе идеи подобия модели оригиналу.

Ключевая проблема моделирования – адекватность заменителя объекту-оригиналу. М. Вартофский справедливо отмечает, что репрезентация не является по своей природе субъективной, поскольку «каждый случай принятия чего-либо в качестве модели включает в себя ограничение относительно релевантных свойств. В той степени, в какой релевантность связана с теми целями, которые мы преследуем, принимая один объект в качестве модели другого, мы не можем считать, что каждый объект обладает релевантными свойствами, которые позволяют рассматривать его как модель чего-то другого» [2]. Таким образом, модель должна быть согласована с задачами познающего субъекта и с объективными характеристиками моделируемого.

Адекватность модели определяется ее внутренней логической согласованностью и соответствием эмпирическому материалу. Поэтому необходимо прояснять философские основания модели и сопоставлять модель с объектом-оригиналом.

3. Чтобы построить модель ФБ, определить понятие безопасности, необходимо опереться на некоторые онтологические и методологические принципы. Наш предыдущий доклад [3] был посвящен критическому анализу существующих трактовок безопасности. Несмотря на то, что, как показал анализ, имеющиеся интерпретации ФБ неприемлемы в целом, было бы методологически неоправданно игнорировать присутствующее в них рациональное зерно. Из рассмотренных концепций можно почерпнуть несколько продуктивных идей и принципов, содержащихся в них, в большинстве своем, implicitly.

Первое. Идея *субъектности* безопасности состоит в том, что в действительности не бывает безопасности вообще, безопасность всегда чья-то [4]. Этот принцип, будучи последовательно реализованным, противостоит пониманию безопасности как отсутствия (чрезмерной) опасности. В соответствии с ним к постижению безопасности нужно идти не от среды с ее опасностями, а от конкретного субъекта, о чьей безопасности мы ведем речь. Если же мы не привязываем наш разговор к какому-либо субъекту / объекту, то говорим, возможно, о чем-то близком феномену безопасности, возможно, даже о его аспекте или части, но не о нем самом.

Принцип субъектности безопасности нейтрализует негативный смысловой оттенок термина «безопасность»: понимать данный феномен нужно не как «отсутствие опасности», а как «присутствие» субъекта.

Второе. *Процессуальное* понимание безопасности. Гераклит, возможно, первым выразил видение мира как непрерывного изменения: «В одну и ту же реку нельзя войти дважды» [5]. Такому пониманию действительности наследует синергетика: «...природа “почти вся” состоит из этих переходных систем-процессов, а “ставшие”, неизменные вещи – лишь исключения...» [6].

Сложность и динамизм не только природных, но в еще большей степени социальных систем отмечает В.С. Поликарпов [7]. С этих же позиций подходит к анализу социальных феноменов, в том числе безопасности, Н.Н. Рыбалкин: «Вместе с тем существование естественной системы имеет не статический, а динамический характер. Система не только функционирует, воспроизводя свои системные связи, но и развивается, т.е. изменяет системную взаимосвязь. В этом единстве функционирования и развития проявляется единство сохранения и изменения...» [8].

Третье. Безопасность – это *объективная* характеристика, а не самоощущение или самопонимание субъекта. Можно ощущать себя в безопасности, но на самом деле находиться в опасности. Поэтому необходимо отличать безопасность как объективную реальность от переживания безопасности (отсутствие страха, уверенность, невозмутимость и т.д. [9]). И хотя мы всегда остаемся в пределах нашего знания о действительности, отсюда не следует, что вне этого знания нет объективной реальности.

На отмеченный дуализм безопасности обращает внимание, например, Г.А. Атаманов: «С одной стороны, «безопасность», будучи определенным состоянием реально существующего объекта и совокупности его связей и отношений с внешней средой, проявляется как объективный факт («вещь-в-себе»), с другой стороны – как результат отражения в сознании субъекта состояния объективно существующих отношений, связей, состояний, как элементов структуры объекта, так и самого объекта с внешней средой, то есть – субъективной оценки («вещь-для-нас»). Следовательно, «безопасность» как объективно существующий феномен может быть познаваем, но не может быть познан в полном объеме» [10].

Проблему «объективного основания существования феномена безопасности» [11] наиболее артикулированно сформулировал Н.Н. Рыбалкин, хотя его позиция по данному вопросу недостаточно последовательна.

Четвертое. Практически все исследователи отмечают, что нет и быть не может абсолютной безопасности, как и абсолютной опасности. Безопасность всегда *относительна*. Это означает, что безопасность – это характеристика, имеющая не только качественную определенность, но и количественное измерение (например, от «0» до «1» [12]).

4. Опираясь на изложенные принципы, концептуализируем наши представления о ФБ. С одной стороны, безопасность представляет собой некоторое объективное положение дел. Причем положение дел определенного субъекта

екта. С другой стороны, это своего рода параметр, через который мы можем описать любого субъекта [13]. При этом ФБ может быть обнаружен всегда и в любых обстоятельствах; другое дело, что ее может быть больше или меньше. В этом смысле можно утверждать универсальность безопасности.

Н.Н. Рыбалкин ограничивает феномен безопасности сферой человеческого существования, вводя критерий осознанности своего положения относительно опасности: «По своей сущности феномен безопасности представляет собой субъектное рефлексивное определение (оформление) существования, опосредованное отсутствием опасности» [14]. Если под «рефлексивным определением (оформлением)» автор имеет в виду самопознание и самосознание, то считаю нужным повторить, что мы исходим из принципа объективности ФБ и неприемлем психологизм в определении его сущности. Н.Н. Рыбалкин не различает ФБ-сам-по-себе и ФБ-для-нас. Конечно, осознать и оценить безопасность способен только человек. Но безопасность как объективная характеристика универсальна: она характеризует субъекта / объекта любой природы.

На обыденном уровне безопасность понимается как *сохранность* [15]. Данное значение термина требует уточнения. Речь следует вести о сохранности не субъекта / объекта в целом или какого-то его качества, а его сущности. Используя принцип *относительности*, конкретизируем, что безопасность – это вероятность сохранения субъекта как именно этого субъекта. Принимая во внимание *процессуальность* сущего, точнее было бы сказать о вероятности сохранения естественного характера развития субъекта.

Итак, мы сформулировали ряд методологических принципов и изложили подход к определению сущности ФБ. Сформулированные гипотетические суждения о сущности ФБ нуждаются в детальной проработке, экстраполяции на эмпирический материал (объяснение и предсказание явлений безопасности), дальнейшей философской рефлексии.

Примечания

1. Луман Н. Понятие риска // THESIS. – 1994, Вып. 5. – С. 139.
2. Вартофский М. Модели: Репрезентация и научное понимание / Пер. с англ. / Общ. ред. и послесл. И.Б. Новика и В.Н. Садовского. – М.: «Прогресс», 1988. – <http://philos.omsk.edu/libery/zapfilos/vartofsk.rar>.
3. См. Гриценко А.А. Концептуальные подходы к определению онтологического статуса феномена безопасности // Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований. – Новосибирск: НГУ, 2007. – С. 133-138.
4. Безопасность жизнедеятельности: Учебник для вузов / Под общ. ред. С.В. Белова. – М.: Высш. шк., 2004. – С. 18; Общая теория национальной безопасности: Учебник / Под общ. ред. А.А. Прохожева. – М.: Изд-во РАГС, 2002. – С. 13.
5. Фрагменты ранних греческих философов. – М.: Наука, 1989. – С. 210.

6. *Войцехович В.Э.* Синергетическая концепция фракталов (социальные и философские основания) // Синергетическая парадигма. Человек и общество в условиях нестабильности. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – С. 149.

7. См.: *Поликарпов В.С.* Философия безопасности. – СПб.; Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд-во ТРТУ, 2001. – С. 25-27.

8. *Рыбалкин Н.Н.* Природа безопасности // Вестник Московского университета. – Серия 7. Философия. – 2003, № 5. – С. 41.

9. О психологической стороне безопасности (или психологической безопасности) см., в частности: *Грачев Г.В.* Личность и общество: информационно-психологическая безопасность и психологическая защита. – М.: ПЕР СЭ, 2003. – С. 36 и всю работу.

10. *Атаманов Г.А.* Информационная безопасность в современном российском обществе (социально-философский аспект): Автореферат дисс. ... канд. филос. наук. – Волгоград, 2006. – С. 15.

11. *Рыбалкин Н.Н.* Указ. соч. – С. 41.

12. См., например: *Бахметьев В.А.* Формирование системы безопасности России в условиях глобализации: Информационный аспект: Автореферат дисс. ... канд. соц. наук. – М., 2006. – С. 17; *Маньков В.Д.* Безопасность общества и человека в современном мире. – СПб.: Политехника, 2005. – С. 21.

13. Может возникнуть представление, что в данном контексте уместнее было бы использовать слово «объект», коль скоро мы оцениваем какую-то внешнюю (возможно, внутреннюю) по отношению к нам вещь (в самом широком смысле). Однако термин «субъект» используется сознательно. Этим автор стремится подчеркнуть активность оцениваемого и по возможности элиминировать смысловой оттенок, связанный с активностью оценивающего.

14. *Рыбалкин Н.Н.* Указ. соч. – С. 40.

15. См.: *Даль В.* Толковый словарь русского языка // <http://www.slovarik.ru/slovari/dal/?slovo=1357>.

algri11@mail.ru

СУЩНОСТЬ СОЦИАЛЬНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ И ФАКТОР ИХ ФОРМИРОВАНИЯ

А. Г. Лигостаев

Новосибирский государственный педагогический университет

Особенность социальных революций заключается в том, что установление нового режима всегда сопровождается социально-классовым переворотом и трансформацией государства, что наблюдалось во всех случаях социальных революций: середины XVII века в Англии, 1917 г. в России, 1979 г. в Иране и т. д. Трансформация государственных структур закрепляет изменения, произошедшие в результате «переворота» социально-классовой структуры, так

как новый социальный класс или слой, «пришедший к власти» всегда кардинально перераспределяет ресурсы общества, властные полномочия, устанавливает иные принципы социального устройства. Кроме того, класс или слой, занявший доминирующее положение, как правило, несет новую идеологию. Столь масштабные изменения не могут быть устойчивыми без трансформации государственных структур. Трансформация социально-классовой структуры во всех известных случаях социальных революций всегда выражалась, во-первых, в смене господствующего класса (группы, слоя) иным классом или группой, и, во-вторых, перестройкой социальной системы по иным принципам, задаваемым новым господствующим классом. Такие принципы могут быть самыми разными, например, неприкосновенности личности и частной собственности в европейских революциях XVII – XVIII веков. Трансформация социально-классовой структуры выражается и в придании социуму принципиально иного направления развития с соответствующим распределением ролей между социальными слоями и группами: сразу после окончания революции 1917 г. в России в результате победы большевиков «гегемоном» стала небольшая группа революционеров – членов этой партии. Крестьянство и пролетариат стали мобилизационным ресурсом для «мировой революции», бывшие привилегированные классы – дворянство и духовенство, а также интеллигенция и буржуазия стали «классовыми изгоями».

Главный определитель социальных революций – трансформация социально-классовой структуры. К этой трансформации приводит фактор, отличный от тех, что приводят «старый режим» к упадку. Современные западные исследователи – Д. Литтл, Дж. Голдстоун, Ч. Джонсон, Дж. Дэвис и другие не уделяли внимания выделению такого фактора. В отличие от них, по мнению Т. Скочпол социальные революции происходят в результате раскола между государством и крупными собственниками, сопровождающегося геополитическим перенапряжением [1, с. 235]. Но этот результат не подтверждается на случаях революций на Кубе 1959 г. и в Иране 1979 г. (не было геополитического перенапряжения). К тому же, требует уточнения тезис о конфликте между государством и крупными собственниками. Наиболее близко к определению такого фактора подходит марксистский тезис о социальной революции, как результате классовой борьбы, когда один класс, занимающий определенное место в системе властных и производственных отношений и контролирующий государство заменяется другим классом, отличным по этим признакам от первого. Этот фактор может быть изменен так, чтобы он соответствовал всем случаям наступления социальных революций. Определим его так. Революция становится социальной (происходит трансформация социально-классовых структур) в том случае, если в обществе происходит масштабный, охватывающий все общество конфликт между властной элитой (или элитной группой), во-первых, контролирующей государственный аппарат, во-вторых, поддерживающей некие определенные принципы социально-политического устройства, в-третьих, являющиеся частью некоего государственного слоя или класса и некой организованной группой, претендующей на

соблюдение своих интересов в масштабах государства, которая является ставленницей некоего социального слоя или класса (как в случае революций середины XVII века в Англии и конца XVIII века во Франции), либо является основой для формирования такого слоя или класса, когда его фактически еще нет (случай большевиков в России, сформировавших на основе своей партии высший класс – управленческую номенклатуру). Причем до начала самой революции эта оппозиционная группа (объединение) отличается следующими особенностями. Во-первых, она достаточно сплочена (хотя бы в плане отрицания существующих строя и режима), во-вторых, придерживается определенных принципов социально-политического устройства общества, отличных от тех, каких придерживается властная элита, в-третьих, эта группа или объединение занимает существенно отличную позицию по сравнению с элитной группой в социальной структуре общества и в плане доступа к ресурсам. В-четвертых, эта группа должна являться основной оппозиционной силой режиму. Необходимо пояснение. В частности, основной социальный конфликт всегда происходит между группами, одна из которых контролирует государство и поддерживает некий определенный тип социально-политического устройства, а другая придерживается иных принципов его устройства. В противном случае смена существующего строя означала бы его скорейшее восстановление новой властной группой. Кроме того, оппозиционная группа должна быть достаточно сплоченной и должна занимать иное по сравнению с элитной группой положение в социальной структуре общества, так как только в этом случае новая «пришедшая к власти» группа не «перерождается» в старую. Указанный конфликт происходит всегда только между группами, а не между классами. В частности, русские революционеры – большевики социальным классом не были, они также не были представителями какого-либо класса.

Данный фактор – не единственный необходимый для наступления социальных революций, которые возникают в странах, отличных друг от друга в экономическом, политическом и культурном плане, но неизменной остается сущность социальных революций как трансформации социально-классовой структуры, так же как и неизменность фактора ее вызывающего.

Литература

1. Розов, Н. С. Философия и теория истории. Кн. 1. Прологомены / Н. С. Розов. – М. : Логос, 2002. – 656 с.

ligostaev@inbox.ru

РИСК КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ*

В. В. Лыгденова

Институт философии и права СО РАН

Риск – это не только негативный феномен – что-то, чего следует избегать или что нужно преуменьшать. В то же самое время он становится принципом развития общества, которое отошло от традиции и от природы.

Э.Гидденс. Третий путь [1].

Является ли понятие риска благом или оно несет в себе отрицательное значение? В современной организации отношение к риску сменяется позитивным взглядом. Риск неизбежен и может быть не только опасностью, но и способом управления. Если бюрократическая организация определяется Н.Луманом как система, где следует предотвращать неопределенность в принятии решений [2], то в организациях с более гибкой системой иерархии риск – это способ ее развития. У.Бек расширяет понятие и характеризует современное общество в целом как *общество риска*. По его словам, риски постоянно производятся обществом во всех сферах его жизнедеятельности — экономической, политической, социальной [3]. Возникает необходимость привлечь внимание к проблеме риска в её философско-культурном, а именно – в ценностном аспекте. В процессе глобализации формируется новый взгляд на это понятие: выделяются два типа риска – субъективный и объективный.

Как отмечает В.С.Диев, *субъективным риском* можно назвать ситуацию, когда риск связывается с внутренней установкой субъекта [4]. Например, принятие решения увеличить объем производства при угрозе спада спроса на товар. Можно выделить несколько типов рисков, используемых в современном менеджменте: маркетинговая разведка, конкурентная разведка, деловая разведка и информационный бизнес. Их цель - использование риска в стратегии развития организации. *Объективный риск* – это опасность, которой подвергается организация извне. Трансформация окружающей среды в политической, экономической и социальной сфере привели к возникновению следующих рисков:

Политические риски повлияли на изменения ценностной основы организаций в постперестроечный период при смене власти и политического строя России. Несмотря на заимствование западных моделей управления, в государственных структурах сохраняется вертикальная иерархия, централизация и бюрократия. Политические риски, в большинстве случаев, касаются правовых вопросов в России. Как пишет в своей работе об особенностях российского общества риска О.Н.Яницкий, политика часто навязывает различные

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 08-03-00392 а.

социальные проекты государственным организациям насильственными методами [5]. По данным исследования, проведенного группой института стратегического анализа и развития предпринимательства (руководитель проекта В. Був), "треть руководителей малых предприятий считают: они дискриминированы в доступе к власти для лоббирования своих интересов", "дискриминацию в доступе к властям ощущают 28% руководителей торговых и 45% - производственных организаций [6]. Этот результат не согласуется с декларациями, что именно производственные структуры входят в перечень предприятий, которым оказывается преимущественная поддержка со стороны властей"; "Самый труднодоступный ресурс для малого предпринимательства - финансовый, дискриминацию здесь ощущает каждый второй руководитель".

Экономические риски зависят от политических и социальных рисков. Однако по своему определению они зависят от положения организации на рынке, как на внутреннем, так и на внешнем. В организационной культуре России они определяются, в основном, маркетингом и локальными, региональными, мировыми сферами рынка. Для решения таких рисков используются деловые разведки, информационный бизнес.

Социальные риски связываются с социальной структурой. Они характеризуются особенностями национальной системы управления и спецификой организационной культуры. Особенности социальных рисков в России также определяются политической ситуацией в годы перестройки. В постперестроечный период происходит смена организационных структур и институтов, в результате трансформируется система ценностей в большинстве организаций и в системах управления. В государственных организациях продолжается процесс изменения системы управления, тогда как коммерческие компании используют западные модели менеджмента. Для предупреждения в них социальных рисков необходимо учитывать особенности советского типа управления, а также ценности, сформированные в результате постперестроечного кризиса. Согласно данным социологов, в период до 1996 года для российского общества характерна внутренняя хаотичность в ценностной установке. В целом, лидеры российских организаций до 2000 гг. на первое место ставят прибыльность. Только в последние годы в них все больше внимания уделяется созданию собственной культуры и развитию мотивации своих сотрудников [7].

Характерная черта большинства современных государственных институтов в том, что внутри системы продолжают поддерживаться неопределенность и хаотичность, что ведет к созданию как социальных, так и экономических рисков. Как подчеркивает социолог Т.А.Рассади́на, причина таких опасностей в том, что в российском обществе не определены четкие ценностные ориентиры [8]. Отсюда следует, что ценностные ориентиры социальной организации, ее субъективные и объективные риски взаимосвязаны.

Исходя из вышесказанного, риск - это часть культуры организации, где он является одним из способов стратегии развития. Объективистское понятие риска определяет его как внешнюю опасность (социальные, политические и

экономические риски), тогда как исходя из субъективистского подхода, он является частью организации и, следовательно, фактором ее формирования. Таким образом, представляется, что организационная культура может рассматривать риск как ценность, идеальное решение, избираемое человеком в проблемных ситуациях. В период глобализации экономики управление риском становится важным орудием защиты от внешних опасностей: угрозы локальные и мирового уровня, как например, изменения валютного курса в результате мирового нефтяного кризиса, глобальное потепление и политические конфликты. В результате, в культуре любой организации управление риском становится наиболее приоритетным способом стратегии развития организации.

Список литературы

16. *Giddens, A.* The Third Way. The Renewal of Social Democracy. Polity Press. 1998, p.62-63
17. *Luhmann, N.* Risk: A Sociological Theory. Walter de Gruyter. 1993. p. 187-202.
18. *Бек У.* Общество риска: На пути к иному модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. с. 13-14.
19. *Диев В.С.* Некоторые концептуальные подходы к определению понятия безопасность. Вестник НГУ, выпуск 1, 2007. с. 65-68.
20. *Яницкий О.Н.* Социология риска: ключевые идеи // Мир России, 2003. Т. XI. № 1. с.3–35.
21. *Аверьянов Л.Я.* Организационная структура управления современных предпринимательских структур. <http://kmssoft.ru/LD/C009/102/3585635112.htm>
22. *Аверьянов Л.Я.* Организационная структура управления современных предпринимательских структур. <http://kmssoft.ru/LD/C009/102/3585635112.htm>
23. *Рассадина Т.А.* Трансформация традиционных ценностей россиян в постперестроечный период. – СОЦИС, № 9, 2006. с. 99.

victoria.lyqdenova@gmail.com

КОНФЛИКТОГЕННОСТЬ СОЦИУМА

А. Ш. Руди

Омский государственный технический университет

Несмотря на известность конструктивных функций социального конфликта и неизбежность такового в здоровом обществе, каждый здравомыслящий человек предпочел бы жить в обществе, конфликтогенность которого стремится к нулю. Моделью общества, не подавляющего естественно возникающие противоречия, но разрешающего их приемлемым для всех участников

социального взаимодействия цивилизованным путем может служить гражданское общество. Оценивая конфликтогенность гражданского общества, необходимо отметить, с одной стороны, благоприятную социальную почву для проявления социальных противоречий в виду гарантии прав и свобод индивидов (в частности, свободы слова, свободы защиты своих интересов), с другой стороны, своевременное разрешение противоречий, предупреждение их обострения и перетекания в конфликт.

Исторически понятие гражданского общества связывалось с необходимостью гармоничного уравнивания частных и общих интересов. Н. Макиавелли, Т. Гоббс, Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо в своих социально-философских теоретических построениях стремились обнаружить основания социума, в котором реально были бы достигнуты всеобщее согласие и равенство. Таковыми основаниями утверждались идея естественных прав и теория общественного договора. Современная концепция гражданского общества трактует его как систему неправительственных институтов, обладающих достаточным влиянием, чтобы успешно уравнивать власть государства и, не препятствуя ему, оказывать содействие в поддержании законности и правопорядка, в посреднических функциях улаживания споров и конфликтов между противоположными групповыми интересами.

Гражданское общество – это система взаимодействия равных граждан, делегирующих политической сфере задачу обеспечения целостности социума. Эта система возникает в историческом процессе становления форм взаимодействия власти и общества как своеобразная обратная связь, позитивно влияющая на все подсистемы социума. Она корректирует деятельность властных структур, оптимизирует разрешение конфликтных ситуаций, смягчает протекание социальных процессов и взаимодействий.

Таким образом, гражданское общество в виду своей специфической природы является миротворческим социальным механизмом, с одной стороны защищающим многообразие социальной структуры, равновесие ее элементов от диктата государства, а с другой стороны способствующим снижению социального напряжения, предупреждающим обострение конфликтов. Разрешение социальных конфликтов в гражданском обществе как сфере совместной жизнедеятельности свободных индивидов существенно отличается от подобной процедуры в обществе с довлеющим государственным аппаратом.

Механизмы разрешения конфликтов в гражданском обществе характеризуются, прежде всего, горизонтальной векторной направленностью разворачивающихся противоречий, обуславливающей, в свою очередь, открытость системного поля конфликта, включение в него различных связей общественной жизнедеятельности. Равенство представителей гражданского общества обеспечивает диалоговый режим и сотруднические отношения участников конфликтов. Диалог позволяет осветить максимально возможное количество граней понимания, интерпретации ситуации социального противоречия, оценить их значение и перспективы, из разнонаправленных векторов субъективной активности сложить целостную картину действительности, согласовать

противоположные интересы в intersубъективном видении методов и путей разрешения проблемы.

Решение противоречий происходит не за счет ущемления прав и свобод противоположной стороны, а на основе взаимного учета интересов и потребностей, равной социальной ценности убеждений, ненасильственных методов взаимодействия, стремления к всеобщему согласию. Приоритет использования компенсационных моделей при решении самых различных конфликтов, отказ от репрессивных, жестких методов конфликтного урегулирования детерминируется всем комплексом идей, принципов и норм, которые составляют суть культуры гражданского общества. Гражданская культура субъектов подразумевает стремление не допустить открытой конфронтации, достижение консенсуса на основе принципа толерантности.

Утверждение толерантности на уровне общественного сознания способствовало бы преодолению конфронтации различных политических сил, противостояния идеологий и ликвидации разобщенности граждан и социальных групп российского общества, достижению согласия и взаимопонимания хотя бы по ключевым вопросам настоящего и будущего страны.

Залогом установления социального согласия служит принцип социальной справедливости, требующий учета разных условий и возможностей, в которых находится человек, его конкретных заслуг перед обществом. Реализация этого принципа зависит от экономической эффективности.

Хотя естественные права человеку даны от природы, но механизм их реализации зависит от государственного устройства, уровня развития общества, от качества принимаемых законов и их выполнения. Если неравенство способствует динамизму в развитии общества и его можно сократить с помощью увеличения числа собственников, то социальная несправедливость, если она долго не устраняется, инстинктивно вызывает массовое возмущение и способна породить социальный взрыв. Фактически любой социальный конфликт, имевший место где-либо и когда-либо в мировой истории, является примером борьбы за социальную справедливость.

Ответственность за процессы социальной жизнедеятельности в гражданском обществе ложится, прежде всего, на сознательно и свободно действующих граждан, а не властные структуры. Естественно, свобода действий граждан должна быть обеспечена способностью каждого индивида контролировать насилие со стороны государственного аппарата и других субъектов общественной жизнедеятельности.

amina_rudi@mail.ru

СОЦИАЛЬНОСТЬ ТОТАЛЬНАЯ – СОЦИАЛЬНОСТЬ УСКОЛЬЗАЮЩАЯ

О. С. Мантуров

Уральский государственный университет
им. А. М. Горького (г. Екатеринбург)

На протяжении своего существования социальные науки не могут уйти от вопроса о сущности социальности и способах ее структурирования. Это не является удивительным, так как социальность в данных науках составляет основной и возможно единственный предмет научного исследования. Любые объекты социальных наук трудно помыслить вне их привязки к социальности. Поэтому без обращения к вопросу о сущности социальности не могло претендовать на истинность или какую-либо объективность ни одно серьезное социальное исследование.

Большинство учений, обращающихся к вопросу о сущности социальности, тяготеют как правило к одной из двух методологических установок: а) изучать ее как нечто, существующее «над людьми», как то, что навязывает им определенные правила деятельности б) рассматривать социальность как нечто существующее «в людях» и посредством людей. Так, используя терминологию Бергера и Лукмана, результат первой установки можно обозначить как «объективную реальность», результат второй, соответственно, как «реальность субъективную». Занимаясь анализом существовавших концепций социальных структур, П.М. Блау сходным образом констатировал: «Концепция социальной структуры может основываться на субъективной или объективной онтологии» [1, С. 24].

Первую методологическую установку Р. Бхаскар именовал «реификацией» (связывая ее с Дюркгеймом). Согласно этой установке, социальные объекты наделяются собственной жизнью, принудительной и тотальной по отношению к индивиду. Из природы коллективных явлений могут быть выведены все устойчивые отношения социальности. Таким образом, «объективная реальность» приобретает тотальный и во многом принудительный характер по отношению к субъективной реальности индивида. Большинство социальных теорий так или иначе придерживались именно этой методологической установки. Структурам «объективной реальности» уместно приписывать онтологические характеристики. Общественное бытие как сознание предзадано любой деятельности человека, поэтому человек вынужден подчиняться некому социальному бытию, которое накладывает ограничения на мыслимые им схемы деятельности. Общественное бытие является априорным условием любого его опыта. Помимо больших возможностей, общественное бытие накладывает на деятельность человека и ограничения. Они могут диктоваться физическими условиями, существующей в данный момент «научной картиной мира» и т.д. Структуры общественного бытия даны нам бессознательно

(к примеру, Id и Сверх-Я у Фрейда); в ходе повседневной деятельности мы постоянно обращаемся к этим структурам, как правило, не осознавая этого. Но структуры общественного бытия не существуют как нечто реальное, непреложное. Единственная гносеологическая характеристика, которой мы можем их наделить – кажимость, существование посредством воображения.

Попытка отыскать сущность социальности, отождествляя ее со структурой, обречена на поражение. Исследования, провозгласившие тотальность социальных объектов над деятельностью индивидов, не могли не учитывать последних как движущую силу социального прогресса. И как только человек предстал в социальном исследовании как деятельный субъект, тотальность онтологизированных структур социальности была вытеснена человеческими взаимодействиями. Этот стереотип Бхаскар именует «волюнтаризмом» и связывает его в первую очередь с М. Вебером (методология – социологический редукционизм). Социальные явления предлагалось объяснять исключительно на базе фактов о индивидах. Социальные институты и общественное бытие согласно этой доктрине – некие «абстрактные модели», предназначенные истолковывать факты индивидуального опыта. Все социальные факты объясняются исходя из поведения индивидов, структуры его установок, способностей, принципов его взаимоотношений с другими людьми. Однако объяснение индивидуального поведения человека, его сущности неизбежно включает определения общественного бытия, от которого авторы подхода спешили отказаться в пользу индивида. Да и факты об индивидах не обязательно легче наблюдать или понимать, чем социальные факты.

Концепция тотальной социальности, существовавшая в рамках онтологической модели (вплотную граничащей с метафизической традицией), предполагала редукцирование социальности некими внешними архетипами (Космосом в античности, Богом в средневековье, Природой в Новое время), которые гарантировали тотальность социального, оставаясь в тоже время вне структурируемого пространства. У структурирования были четкие границы и законы, которые отображали сущность этого архетипического начала. На смену этой концепции приходят попытки выстроить социальность вокруг взаимодействия субъектов. Предполагалось, что субъекты наделены особым чувством коллективизма, они стремятся к отождествлению себя друг с другом в поисках некоего общего для них идеала. Наряду с этими концепциями сосуществовали мифологические, философские, религиозные представления о сущности общества. Появление социологии как науки заменило задачу поиска сущности социальности задачей поиска оснований, которые могли бы нам позволить описать общество «точными научными методами». Чем сильнее социальность объективировалась, с тем большей быстротой она исчезала из социального исследования. В настоящий момент «социальность <...> полагается в качестве метафизической реальности, которая господствует над людьми и подчиняет все иные измерения и возможности бытия-в-мире – они выступают лишь как частный случай социального космоса» [3, С. 19]. При этом социальность вмещает в себя весь мир человека, который оказывается

целиком в системе социальных координат. Индивид разделяет с себе подобными функции и знаки социальности, и в этом разделении заключается его подлинное социальное бытие. Таким образом, «социальность является уже не объектом или идеей, но со-бытием существований. <...> То, что разделяет нас и разделяется нами, есть ускользание социальности, которое есть ускользание собственности самости и открытие индивидуального существования как со-бытия, совместности» [Там же, С. 21].

Так мы приходим к пониманию социальности как социальности ускользающей. Социальность предстает перед нами как живая сеть человеческих взаимодействий, взаимодействий друг с другом и с общественным бытием, сеть, пронизанная социальным хронотопом. Она ускользает из наших рук, просачивается сквозь взгляд субъекта в тот момент, когда он пытается ее схватить. Только так, принимая во внимание социальность как ускользающую, мы можем выстраивать новые концепции социальных наук.

Литература

1. Блау П.М. Различные точки зрения на социальную структуру и их общий знаменатель // Американская социологическая мысль. Тексты. М., 1996
2. Бхаскар Р. Общества // Социо-Логос: Социология, антропология, метафизика. Вып.1. Общество и сферы смысла. М.: Прогресс, 1991
3. Керимов Т.Х. Неразрешимости. – М.: Академический Проект; Трикста, 2007.

osmant@km.ru

«КРИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ» ОБЩЕСТВА КАК ОПОСРЕДОВАННОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ ОРИЕНТАЦИИ ЕЕ СОЗДАТЕЛЕЙ

Е. А. Микичур

Институт философии и права СО РАН

В современном мире большое распространение получили различные формы социального критицизма. Социальный критицизм говорит о несостоятельности существующего общественного порядка, характеризуя его как бесчеловечный, репрессивный, ложный и т.д. На современный социальный критицизм огромное влияние оказали идеи теоретиков Франкфуртской школы (ФС), создавших «критическую теорию» общества (КТО). Целью данной работы является реконструкция фундаментальных положений критической теории, как основы современного социального критицизма.

Основополагающим классическим произведением «критической теории», по мнению ее сторонников, была статья Хоркхаймера «Традиционная и критическая теория», вышедшая в свет в 1937 г. [Фогеллер, 1975].

В этой работе Хоркхаймера излагаются фундаментальные принципы КТО как исследовательской программы.

Во-первых, это представление об историческом процессе как о некой тотальности общества и природы. Она состоит из ряда сменяющих друг друга меньших тотальностей, которые представляют собой особый тип общественной практики, базирующейся на производстве и полностью определяющей жизнь индивидов.

Во-вторых, существующий общественно-экономический порядок не является рациональным, истинным, гуманным и единственно возможным. Хоркхаймер пишет, что ни типы индустриального и аграрного производства, ни деление власти по функциям на руководящую и исполнительную, ни разделение труда на умственный и физический, не являются вечными и естественными. Они появляются от способа производства, осуществленного в специфических формах общества [Horkheimer, 1991. P.242].

В-третьих, критическое (диалектическое) мышление является инструментом упразднения существующей антигуманной социальной реальности и конструирования новой.

Вышеперечисленные базовые принципы конструируют схему социального бытия. Природа и общество являются целостностью, или, как пишет Хоркхаймер, «тотальностью». Бытие этой целостности исторично. Оно может быть поделено на периоды, которые выделяются на основе специфического способа производства. Каждый период, представляет собой «тотальность». Каждая такая «тотальность» в свою очередь содержит в себе тотальность субъекта и объекта. Осуществляющийся в данный момент исторический проект, по Хоркхаймеру, определяет жизнь людей на всех уровнях. Процесс производства преобразует мир и формирует связи между людьми. Человек настраивается воспринимать только то, что соответствует данному историческому проекту. Хоркхаймер отмечает отличие между тем, что и как воспринимает человек буржуазного общества, от восприятия члена племени первобытных охотников и рыбаков. Всеобщность восприятия изолированных индивидов, по Хоркхаймеру, обеспечивает социальная деятельность, которая и является «трансцендентальным субъектом» Канта. Мир воспринимается сознанием члена буржуазного общества как тотальность фактов. Мышление индивида, занимающееся классификацией фактов, более всего отвечает потребностям индивидов и позволяет приспособиться к окружающей действительности [Horkheimer, 1991. P.242]. Существующий способ производства определяет, какие факты регистрируются и классифицируются и с помощью каких инструментов. Люди, таким образом, идентифицируют себя с существующим обществом как целым и представляют его как свободное и разумное.

Кант не отвел для общества роли «трансцендентального субъекта» по причине не рациональности общества. Хоркхаймер, а вслед за ним остальные

представители ФШ, оставляют за обществом эту роль, но этим самым они говорят о не истинности осуществленной в данном историческом проекте рациональности. В обществе как выражении совокупной разумности человечества, на деле имеет место отчуждение труда и его результатов от людей, войны, бессмысленная нищета. Социальный процесс в сознании индивидов предстает естественным и неизменным порядком, «судьбой вне контроля человека». Отчуждение человека от общества может быть преодолено только посредством критического мышления, объектом рассмотрения которого является общество как целое. Рассмотрение же частных сфер жизни общества является приоритетной задачей специализированных наук.

Цель критической теории не улучшение того, что существует, а выход за рамки данного, изменение всего исторического проекта. Традиционное мышление стремится перейти к соответствию между отдельными фактами и созданной им теорией. Критическое мышление стремится к тому, чтобы через рациональное определение целей «структура социального целого стала бы объектом планирования» и было преодолено «существующее разделение труда и классовые различия как структура, обусловленная слепым обменом деятельности» [Horkheimer, 1991. P.246]. Таким образом, задача критического мышления заключается в преобразовании существующего общественного порядка в более свободный и гуманный. Решение данной задачи видится в анализе разрыва между социальной реальностью и ценностями, которые она устанавливает. В «критической теории» Хоркхаймера акцент сделан на критике существующего социального порядка. Критический анализ существующей реальности опосредованно выражает гуманистическую ориентацию философов ФШ.

Список литературы

Horkheimer M. Traditional and Critical Theory // Ingram D. & Simon-Ingram J. (eds.). Critical Theory. The Essential Readings. – N.Y.: Paragon House, 1991. P. 239–254.

Фогеллер Я. Г. История развития идей Франкфуртской философско-социологической школы // Социальная философия Франкфуртской школы. М., «Мысль»; Прага «Свобода», 1975. С. 7-60

Фурс В. Парадигма критической теории в современной философии.// http://www.ruthenia.ru/logos/number/2001_2_2001.htm

mileniuml@rambler.ru

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА: ОПЫТ НАЧАЛЬНОЙ РЕФЛЕКСИИ

М. В. Колесник

Омский экономический институт

Философия права – что за смыслы мы вкладываем в это понятие, какие мысли по этому поводу рождаются в нашем сознании?

Философия права – это диалог между всеобщим осознанием права, принадлежащему человеческому роду вообще, каждой личности в отдельности и осознанием права, которое установлено любой системой власти в социокультурном пространстве цивилизованного государства. Философия права рвется за свои синтетические границы, порожденные специфической природой данного предмета и поэтому, пытаясь оставаться живой, находящейся в становлении формой духовного знания, постоянно трансцендирует, выходит за пределы общего понятий философии и права. При этом, философия права, с одной стороны, продолжая именно методологически по философски созерцать конкретное право с позиции внеюридической предельности и, с другой стороны, конкретно, в юридическом смысле строго, пытается установить перспективы оптимальных вариантов поведения и образа действий для субъектов правовой реальности.

Проблема справедливости это неотъемлемая проблема философии права. Потому что она обретает себя в пространстве человеческих ценностей, а данное пространство не может игнорироваться юридической реальностью, так как пристрастия людей к тем или иным ценностным системам часто составляют насущную проблематику юриспруденции и, таким образом, определяют ее динамику. Где есть субъект, там есть выбор, решение, поступок, а значит, есть и право. Я-Субъект права стремится к собственному воплощению в этом мире, добруму или злему, и степень этого добра или зла уже устанавливают те, кто оценивает действия отдельного субъекта по степени их вменяемости и справедливости поступков по отношению к Другим, другими словами, окружающим правовым субъектам.

Источниками подобных процессов являются специфические антропные качества, такие как разум и воля. Разум, моделирующий решения и ответственный за поступки и воля, содержащая природную энергию жизненных сил, стремящаяся к действиям, направленным на обретение свободы. Разум и воля, они являют себя в воплощенных образах преобразовательных действий в окружающем бытии. Человек все-таки тогда остается человеком, когда он руководствуется разумом в собственных свободных волеизъявлениях. Лишить человека разумной свободы и ответственности за свои поступки это значит лишить человека права быть человеком. Здесь мы не апеллируем к кантовской этике императивности и не отказываемся от дискурса брутальности подсознательного, который, например, заявил себя популяризацией психоанализа. Все более просто. Право быть человеком все-таки больше чем его

естественные права, но иметь право быть человеком не означает слепое следование закону, установленному какой-либо властью. По нашему мнению, это становится «проклятым» вопросом философии права.

Еще раз нужно обратить внимание на, то, что субъект права – личность и субъект права – система власти, эти субъекты – герои внутреннего диалога философии права. Идеальное и материальное понимание прав человека и гражданина вступают в «диалектическую» схватку на философско-правовом поле. Например, два крайних варианта политико-правовой реальности – демократия и тоталитаризм не могут не учитывать специфику противоположности своих понятий, так как представляют собой друг для друга взаимное зло, а стало быть, детерминируют друг друга «методом от противного». В правовом бытии цивилизованного человечества наличие этого одновременного взаимодействия и противостояния всегда будет рождать культурные «мифы» об идеале разумности, порядочности и справедливости государственной власти, которая сможет обеспечить благо народа, а значит потенциально будет учитывать благо каждого гражданина. При подобном положении дел, каждая отдельная личность будет искать «правды» и права для реализации своей свободной воли, обращаясь к действующему праву: личность будет либо нарушать закон, либо повиноваться ему, исходя из мотивов социального самосохранения.

Личность и государственная власть в пространстве правового бытия всегда стремились обозначить свои пределы. Личность, даже самая разумная и ответственная, всегда испытывает соблазн обрести более широкий диапазон возможностей своих прав, в зависимости от «системы отсчета» в которой находится правовой субъект. А вот государство, будучи субъектом власти, подобно тому, как оно хранит свои пограничные рубежи, в свою очередь проектирует, проводит и укрепляет правовые пределы и экзистенциальные границы своих собственных прав и прав своих граждан.

Философия права давно уже наблюдает за этими проблемами. Конечно, философия, в данном случае, философия права не дает моментального практического противоядия для этой многовековой ситуации «высокого напряжения» между вышеназванными категориями субъектов права. Но сама философско-правовая рефлексия всегда являла собой методологию психологического примирения личности и власти, хотя бы в процессе самой начальной рефлексии на эту тематику.

pylesos@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ В ПРАВЕ РАЗНЫХ АСПЕКТОВ СПРАВЕДЛИВОСТИ

С. П. Погребняк

Национальная юридическая академия Украины
им. Я. Мудрого (г. Харьков)

В современной философии справедливость рассматривается как сложный феномен, сущность которого обычно раскрывается с помощью разных аспектов – формального, содержательного и процедурного (Дж. Роулз). Каждый из них имеет определенную специфику, в том числе в правовой сфере.

1. Главная идея *формальной справедливости* – к одинаковому следует относиться одинаково. В этом виде справедливости акцент сделан на беспристрастности и последовательности при применении правил.

Понятно, что формальная справедливость имплицитно присутствует в самом понятии права, которое нормативно по своей природе. Благодаря этой черте право выполняет роль третьего (незаинтересованного) лица, разрешающего конфликты между людьми.

Беспристрастность требует рассмотрения спорных случаев невзирая на лица. Она – основа любого судопроизводства. Именно из нее и вытекает образ Фемиды с завязанными глазами. Это позволяет считать судью третьим (незаинтересованным) лицом во второй степени (П. Рикер).

В свою очередь последовательность в реализации правил создает предсказуемость и означает отрицание произвола при применении права. Справедливость есть неизменная и постоянная воля предоставлять каждому его правом (Ульпиан).

Идея формальной справедливости реализуется в правовой сфере в *принципе формального равенства*, который конкретизируется в требованиях равенства перед законом и судом, равенства прав, свобод и обязанностей человека и гражданина.

2. *Содержательную справедливость* следует понимать как соблюдение принципов, с помощью которых можно выяснить, что же конкретно принадлежит каждому как участнику общественных отношений. Если формальная справедливость ассоциируется с принципом формального равенства, то справедливость содержательная воплощается в *принципе пропорциональности, или соразмерности*.

Идея пропорциональности также звучит у Ульпиана – как требование предоставить каждому свое. Символом пропорциональности могут быть весы Фемиды, отвечающие за точность измерений.

Пропорциональность *в сфере обмена* реализуется как *эквивалентность*. Эквивалент – это установленная опытом равновесие между двумя сторонами, условие, при котором каждый получает свое и никто не остается в проигрыше. Итак, эквивалент – реализация идеи справедливости в отношениях равных

партнеров; она тесно связана с концепцией *уравнивающей справедливости* (*justitia commutativa*) – справедливостью частного права.

Традиционно сложнее всего раскрыть смысл пропорциональности *в сфере распределения*. Понятно, что за это отвечает концепция *распределительной справедливости* (*justitia distributiva*), которая ассоциируется со справедливостью публичного права.

Данная концепция не предлагает нам общепризнанных содержательных принципов распределения. Перефразируя Р. Нозика, можно констатировать, что пробелы в формулах «каждому по его _____» и «от каждого по его _____» до сих пор не заполнены. Так что вопрос о том, какие принципы справедливого распределения должны быть воплощены в праве, остается открытым. Ответ на него должен даваться в результате широкой честной общественной дискуссии и в дальнейшем воплощаться парламентом и другими государственными органами.

3. *Процедурную справедливость* можно определить как соблюдение процедурных правил, направленных на обеспечение справедливости результата того или иного действия независимо от других обстоятельств. Существует чисто процедурная, абсолютная и неабсолютная процедурная справедливость.

3.1. *Чисто процедурная справедливость* воплощается в самих процедурах и не существует процессуально независимой меры справедливого результата. Любой результат, полученный при соблюдении процедуры, является корректным (справедливым). Чисто процедурная справедливость лишь иногда реализуется в праве. Например, она положена в основу института жеребьевки, которая традиционно используется во время выборов.

3.2. *Абсолютная процедурная справедливость* имеет независимый критерий справедливого результата и процедуру, которая с большой вероятностью приводит к этому результату. Такая справедливость также нечасто используется в праве. Одним из редких примеров такой процедуры является порядок формирования состава третейского суда.

3.3. При *неабсолютной процедурной справедливости*, хотя и существует независимый критерий для справедливого результата, тем не менее нет такой процедуры, которая с большой вероятностью привела бы к нему. Обычно такие правила лишь содействуют достижению справедливого результата вследствие соблюдения процедуры, однако не гарантируют его. Они направлены на обеспечения беспристрастности и уменьшения возможности произвола.

В правовой сфере данный аспект справедливости наиболее ярко воплощается в судопроизводстве, где он образует так называемые *правила естественной справедливости*: право быть заслушанным, требование гласности и состязательности, честности и нейтральности судопроизводства, гарантии права на судебное обжалование. Кроме того, неабсолютная процедурная справедливость реализуется и в других видах юридической деятельности – например, в правотворчестве.

Следует отметить, что все аспекты справедливости тесно связаны между собой. Там, где мы встречаем формальную справедливость, мы вероятно найдем и содержательную справедливость, поскольку они склонны идти вместе. В свою очередь абсолютная и неабсолютная процедурная справедливость направлены на обеспечение содержательной справедливости (благодаря им достигают дополнительной легитимации результата), а чисто процедурная – на ее замену (при определенных условиях она гарантирует первичную легитимацию результата).

Итак, учет в процессе правотворчества требований формальной, содержательной и процедурной справедливости приводит к появлению полностью легитимного права, а их одновременная реализация в процессе судопроизводства свидетельствует об осуществлении правосудия.

Этика, антропология, философские вопросы культуры и образования

О ДВУХ ЖИЗНЕННЫХ СТРАТЕГИЯХ И АНТРОПОЛОГИИ ВНИМАНИЯ

М. Ю. Немцев

Новосибирский государственный технический университет

В этом докладе я попробую предложить эскиз рассуждения о том, как можно мыслить так называемые «духовные практики» в философской антропологии.

Человек – свободное самосознающее существо. Антропологические наблюдения за тем, как люди обсуждают устройство и возможные перспективы своей жизни, позволяют выделить два основных возможных подхода. Первый из них назовём путём самореализации (или путём капитализации), второй – эзотерическим. Эти подходы – «идеальные типы» перспектив, открывающиеся перед человеком пытающимся представить свою жизнь как направленное целое. Два этих подхода предполагают, что реализующие их индивиды могут быть поняты с помощью разных антропологий.

1. Первый такой тип, *«путь самореализации»*, предполагает, что жизнь как направленное целое направляется на достижение некоторых социально объяснимых целей. Обычно это выражается в развитии некоторых социально востребованных практик, стремление к превращению в компетентного субъекта данной практики. Такой путь может описываться так: индивид проживает период *самоопределения* (биографически, это обычно происходит в период

т.н. «второй социализации», точнее, этот жизненный период является нормальным временем самоопределения); благодаря сформированной этим самоопределением *идентичности*, он на основе *склонности (симпатии)* к определённому роду занятий начинает осваивать некоторую практику. При этом он(она) может поставить перед собой предельные для такой практики цели, и двигается в ней, наращивая индивидуальные и групповые капиталы. В концептуальных схемах современной философии образования, такой путь можно охарактеризовать как *путь капитализации*. Он требует проектно-программного мышления. Субъект, выстраивающий свою жизнь согласно пути капитализации, так или иначе политически ангажирован, и его действия могут быть характеризуемы существующими типологиями социального действия. Такой социальный субъект является предметом существующей социальной антропологии.

Для исследователя, *критерием наличия самоопределения* может быть только рассказ самого человека о своём самоопределении и его результате – сформированном призвании, хотя наблюдение за его жизнью (и её исследование, например, с помощью биографического метода) позволяет выдвигать некоторые гипотезы о внутренних причинах выбора данных конкретных жизненных стратегий. В то же время, такие «рассказы о смысле своей жизни» всегда подвержены критике в том, что даже наиболее индивидуальные, «личностные» аспекты биографии, возможно, являются лишь эффектом господствующих массовых идеологий. *Социальный человек никогда не принадлежит сам себе.*

1.2. В рамках этого подхода, возможно даже выделение (условно) «этических» и «эстетических» перспектив. «*Этик*» конструирует универсальный принцип – вектор капитализации его жизни, позволяющий минимизировать «лишнее» (лишние включения в побочные практики, лишние действия) и максимально использовать наличные возможности для движения согласно этому вектору. Такой субъект является своеобразной «машиной капитализации», или «машиной призвания», часто достигая максимальных результатов в избранном направлении. «*Эстетик*» может выстраивать свою жизнь как совокупность нескольких процессов, взаимосвязанных, но происходящих, возможно, в разных «жизненных мирах», и вектор – адекватное и эффективное сочетание этих процессов. Такой субъект более сложен для «понимания», и в отличие от субъекта этического самоопределения, его «текст самоопределения» сложнее в аспекте структуры нарратива. В качестве гипотезы, можно утверждать, что субъект этического призвания – это антропологический идеал Рационализма Просвещения, тогда как субъект эстетического призвания наследует антропологическим идеалам европейского Гуманизма.

2. Другой подход, который (вслед за В. М. Розиным) я называю «эзотерическим», основан на постулировании возможности иного антропологического состояния. К субъекту, находящемуся в этом состоянии, актуальные антропологические определения (действительные для «нас») уже не применимы. Возможность достижения этого иного антропологического качества при-

нимается как интуитивно очевидный императив, и сама эта возможность воспринимается как благо.

Субъект эзотерического полагания жизни оценивает и организует её с точки зрения возможности достижения этого антропологического состояния. Вероятно, представление о достижении неких «высших» антропологических состояний, при достижении которых происходит *трансгрессия* (пересечение границы мыслимого - возможного), является культурной универсалией. Было бы любопытно проанализировать историю философии в том числе как историю поиска языка для рационального описания этого интуитивного представления (сильного, в частности, среди младогегельянского поколения – Маркса, Керкегора, и явно бывшего «основной философской интуицией» Ницше).

Очень важно, что обсуждать такие состояния «мы» принципиально не можем (и многие эзотерические школы обсуждают такие состояния только в условно-метафорическом языке), однако возможно конструирование антропологии, характеризующей субъекта такого «эзотерического движения».

Такая «эзотерическая антропология» должна быть очень *абстрактной*, поскольку социально-антропологические определения, формулируемые как культурные черты (ценности, идеалы) не позволяют понять того, кто движется в эзотерической перспективе. Требуется антропология, позволяющая понять стратегию антропологической трансгрессии. Эту универсальную и предельно общую антропологию (т.е. применимую к любому человеческому существу, буквально антропологию «человека как родового существа», по Марксу) будем называть *минимальной антропологией*. Её задача – сравнивать и сопоставлять эзотерические стратегии организации человеческой жизни и практики, которые человек может организовывать, чтобы достичь этих возможных антропологических состояний; короче – *минимальная антропология изучает эзотерическую субъективность*.

3. Исходным пунктом такой антропологии является стратегическое отношение субъекта к его повседневным практикам (среди которых можно выделять специально организуемые институциональные дисциплинарные практики – упражнения, «тренировки»). Поэтому она «сводит» человека-субъекта до его внимания. Субъект такой практики есть сущность, обладающая 1) *вниманием*, которое направлено на материальную реальность, на мир, частью которого является и собственное тело субъекта, 2) *рефлексией* – способностью отслеживать ментальные состояния, в том числе в их связи с материальным миром. Такой «эзотерический» субъект занят (озабочен) организацией процессов в материальном мире, которые именно благодаря тому, что они связаны с его ментальными состояниями, трансформируют и его состояния сознания. Развитие и поддержание таких процессов - практик требует воли. Для обозначения тех случаев, в которых внимание имеет один интенциональный предмет с волей, будем использовать понятие *намерение*. *Эзотерический субъект – это субъект, развивающий намерение*. Внимание, рефлексия, воля есть его основные определения. Поэтому исследование «эзотериче-

ского» подхода должно и может представлять собой некоторое систематическое исследование сочетаний внимания к миру, намерения относительно мира (практик), реализуемых субъектом, и его рефлексивного самоконтроля. Такое исследование, видимо, имеет единственное предназначение – способствовать пониманию путей достижения высших антропологических состояний. Возможность (феноменологического) знания о содержании таких состояний, так же как и о конкретных случаях их достижения, можно обсуждать только гипотетически. Важно, что сама такая антропологическая возможность побуждает критически отнестись к пути «капитализации» как единственно возможной, пусть с разнообразными вариациями, жизненной стратегии.

nemtsev.m@gmail.com

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПРОЦЕССА ПОНИМАНИЯ

Ю. С. Рудакова

Горно-Алтайский государственный университет

Эффективное взаимодействие человека с миром, регуляция его действий и поведения во многом определяется таким процессом как понимание. По мнению Ю.А. Шерковина: «Совместная деятельность для достижения общих целей, ориентация поведения в соответствии с нормами и требованиями общества становятся возможными для людей лишь в том случае, если они понимают ситуации, в которых находятся»[3,107].

Проблема понимания разрабатывается целым комплексом наук, таких как психология, педагогика, лингвистика, социология, история и т.д. Философский словарь определяет понимание – как процедуру постижения или порождения смысла[2,767].

В философии эта проблема со времен античности изучается в рамках герменевтики, и ориентируется на процедуры толкования текстов и явлений культуры, на выявление общекультурных контекстов осмысления действительности человеком и специфики познания человека человеком, в том числе человека другой эпохи или другой культуры. Начиная с XIX века, герменевтика понимается, как метод «вживания», «вчувствования» в духовную жизнь, в культуру прошлых лет. С середины XX века проблема понимания выводится за пределы его истолкования как метода или процедур и уже трактуется как универсальная познавательная способность и в более широком смысле – как способ бытия человека в мире (Хайдеггер, Гадамер). В основе понимания лежит принцип герменевтического круга, подчеркивающий диалогичность этого процесса. Исходя из этого принципа, задача партнеров в диалоге состоит в расширении пространства понятого смысла. Это возможно, если чело-

век, обладающий знанием смыслового целого, либо настроенный на данный смысл, легко реконструирует детали полученного сообщения.

Достаточно очевидно, что процессы понимания в различных видах деятельности протекают по-разному. «Понимание информации в любом из них будет серьезно различаться глубиной и отчетливостью, полнотой осмысления и степенью выявления мотивов речи, точностью раскрытия смысла и т.д.»[3.109]. Во многом это определяется конкретной ситуацией, а также определенным психологическим фоном.

На процесс и результаты понимания значительное влияние оказывают специфические особенности канала коммуникации. Например, книга дает возможность возвратиться к непонятому, но не позволяет адекватно передать мысли и эмоционально-волевые отношения, выражаемые посредством образа. Аудиовизуальные каналы, в отличие от печати используют самую нагруженную знаковую систему, давая легкость восприятия и запоминания подаваемой информации. Созданная с помощью новейших технологий картинка создает иллюзию, воспринимаемую и переживаемую как абсолютно достоверную реальность. Соответственно изменяется и сам процесс понимания.

Эмоционально-волевые процессы и психическое состояние реципиентов также влияют на эффективность понимания. Как подчеркивает Г.Л. Тульчинский «...понимание фактов реальности или языковых сообщений зависит от воспринимающего их субъекта. Преследуемые ими цели, сложившиеся установки и ориентации существенно определяют контекст осмысления»[1,133].

Особенностью понимания в процессах межличностных коммуникаций являются возможность использования не только вербального, но и невербальных каналов коммуникации, что помогает выявить либо прояснить смысловой подтекст. Темп речи, интонация, жесты, психологические паузы для понимания дают в такой ситуации гораздо больше, чем произносимые слова.

Для понимания текста (в расширительном его толковании) необходим анализ его структуры и системы составляющих его кодов. Эта задача достаточно эффективно реализуется в рамках семиотического подхода, который направлен на анализ внутренней структуры текста. С позиции концепции постмодернизма деконструкция любого текста превращается в бесконечный процесс его интерпретации. Это позволяет не только интерпретировать текст в собственной культурной парадигме, но и обогащать ее смысловой потенциал новыми смыслами. Для их понимания необходима реконструкция тех «моделей мира», в рамках которой он создавался. Таковы, например, тексты современных массовых коммуникаций, наполненные множеством смыслов, реализуемых зрителем при их прочтении.

Добиться на практике полного понимания передаваемой информации удается не всегда в силу ряда объективных и субъективных причин. Так, понимание несложной, хорошо знакомой реципиенту информации заканчивается на первой стадии процесса. В более сложных случаях оно должно проходить все последующие стадии. Необходимость усвоения получаемой информации

вызывает активизацию мыслительной деятельности и как следствие облегчает ее понимание.

Оборотной стороной понимания является непонимание, являющееся показателем нарушения процесса. «Понятым или непонятым в информации может быть факт, связь между фактами, доказательство правильности вывода из ряда фактов, причинная зависимость между фактами и выводом, наконец, сам вывод»[3,115] Ситуация непонимания усугубляется коммуникационными барьерами, препятствующими движению смысла.

Таким образом, понимание фактов реальности или языковых сообщений зависит от развитости субъекта интерпретации, от преследуемых им целей, сложившихся установок и ориентаций, которые во много определяют контекст осмысления. Также важны свойства самой информации, форма подачи, канал, личностные свойства и психическое состояние, как коммуникатора, так и реципиента.

В процессе понимания происходит соотнесение воспринятой информации с имеющимся в сознании индивида опытом, а затем ее включение в новые связи и отношения. Все это продуцирует дальнейший процесс познания.

Литература

1. Гусев С.С., Тульчинский Г.Л., Проблема понимания в философии. - М., 1985.
2. Новейший философский словарь: 3-е изд., исправл. - Мн.: Книжный Дом. 2003.
3. Шерковнин Ю.А. Психологические проблемы массовых информационных процессов. - М., Из-во «Мысль», 1973.

kfls@gasu.ru

СВОБОДА СОВЕСТИ: ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОГО СОДЕРЖАНИЯ

Е. Э. Никитченко

Одесская национальная юридическая академия

Исторические предпосылки к формированию свободы совести образуются вместе с условиями, способствовавшими возникновению философии. И первой вехой, очевидно, следует считать период дифференциации первоначального синкретичного сознания, а второй – которая, скорее всего, непосредственно связана с первой – выделение из социума самоосознающей личности. Лучше всего в определении временного промежутка обратиться к концепции «Осевого времени» К. Ясперса.

Христианство, синтезировав иудаизм, античную философию, римское право (гегелевское «снятие») страстно стремилось к свободному отправлению своего вероисповедания, и была близка к упрочению религиозной свободы вообще (Миланский эдикт издал всё же не христианин – Константин Великий (313 г.), но, став имперской религией долгие века, старалась пресечь инаковере и инакомыслие.

Год 1529, «Протестация» 6 князей и 14 представителей городов Германии против отмены принципа «Чья земля того и вера», утвержденном на соборе в Шпейере 3 года назад, даёт первую веху на пути к свободе совести, какой она представляется сейчас в политико-юридическом смысле этого слова. Безусловно, нельзя забывать о вольнодумцах, всех предшествовавших веков, но они, аргументируя необходимость свободы своего мировоззрения, никогда не добивались её политико-юридического закрепления. В Европе после Вестфальского мирного договора (1648 г.) свобода вероисповедания закрепляется как принцип международного права.

Философия эпохи Просвещения обосновывает необходимость не только свободы религии, но и от религии. Марксизм – ленинизм утверждает, что свобода может быть достигнута только лишь при упразднении религии. Оба эти требования осуществлялись на политическом уровне в виде концепции «отделение церкви от государства и школы от церкви», что приводило на практике к гонениям против верующих и их организаций.

Нынешняя либеральная модель реализации свободы совести может быть определена как «разделение церкви и государства» (религиозные организации не вмешиваются в сферу удовлетворения религиозных потребностей граждан (собственно для этого они и создаются), а те, в свою очередь не вмешиваются в политическую сферу жизнедеятельности общества). Последнее вовсе не исключает совместное участие во взаимовыгодных проектах за пределами вышеназванных рамок.

Современный постмодернизм, отрицая онтологофалотеоцентризм, может в качестве вывода предполагать и отрицание необходимости философской, научной и религиозной картины мира. В целом, как известно, нынешнее состояние философии можно охарактеризовать как плюралистическое. Поэтому, как явствует из всего вышеизложенного, у свободы совести не может быть в современном мире одного философского, впрочем, как и одного религиозного, измерения.

Наше понимание свободы совести в политико-юридическом смысле включает по-крайней мере, две нормы: 1) свобода формировать своё мировоззрение и 2) свобода поступать в соответствии со своим мировоззрением. Чаще всего возражение вызывает 2-ая норма («Любая свобода должна быть ограничена необходимостью соблюдать обязанности, в число которых включено соблюдение прав других людей») или, как закрепляется на конституционном уровне, «Свобода совести может быть ограничена необходимостью соблюдения общественного порядка, моральных норм, здоровья граждан».

«Совесьть» как философская, этическая категория во всех своих определениях включает способность человека различать «добро» и «зло» при выборе деяния. Как можно это ограничить? Значит, если кто-то нарушает общественный порядок, моральные нормы, покусился на здоровье, следовательно, не различает, не способен, либо умышляет, поступает против совести. Кроме того, моральные нормы, наделённые государственной санкцией, теряют свою природу. Следовательно, в таких ситуациях речь идёт не о «свободе совести», а о её нарушении законодателем. В правовом государстве можно признать «религиозную мотивацию» при совершении противоправного деяния, ответственность за которое предусматривается независимо от отношения граждан к религии.

Философско-антропологическое измерение политико-правового содержания свободы совести позволяет учитывать, что, люди совершая те или иные поступки в юридически значимых ситуациях, для удовлетворения конкретных потребностей руководствуются определёнными ценностями. Большинство философов, религиоведов во всей совокупности прав человека отводят центральное место «свободе совести». История и современность свидетельствуют, что за свободное следование своим убеждениям люди могут жертвовать всеми иными правами, в том числе на здоровье, смерть и лишиться свободы в уголовно-процессуальном смысле этого словосочетания.

Современная «суицидальная» террористическая практика с религиозной мотивацией свидетельствует о том, что «свобода совести» в её европейском понимании не является достоянием всего человечества, что при всей общности философско-антропологических характеристик человека современная философская антропология, предлагая «диалог», «толерантность» и «политкорректность» для разрешения конфликтных ситуаций не смогла, по крайней мере, ещё выработать рекомендации глобальному обществу. Однако другого опыта достижения мира между людьми независимо от их отношения к религии нет, кроме как утверждения свободы совести. Этот частный вывод свидетельствует об обвальном опыте демократизации большинства стран к востоку и югу от Европы (последний пример приход к власти террористической организации ХАМАС в Палестине на выборах в прошлом году).

Нынешнее философско-антропологическое измерение политико-правового содержания свободы совести позволяет сделать вывод о том, что её нынешний коннотат положителен в европейском контексте и негативен за вышеуказанными пределами.

О ГЕНДЕРНОМ СОДЕРЖАНИИ ДЕФИНИЦИЙ СУЩНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

А. К. Жапарова

Омский государственный педагогический университет

Из всех попыток определения сущности человека в философии существует ряд базовых качеств, которые отражают эту сущность, к их числу можно отнести следующие: игра, разум, творчество (способность создавать искусственный мир культуры), дух, свобода. Проводя анализ основных сущностных характеристик человека, был обнаружен половой символизм атрибутов «человеческого». К тому же эти характеристики выступают в философской литературе в противопоставлении и сравнении со своими противоположностями.

Разум и рассудок. Различение двух этих категорий встречается уже в античной философии, как двух уровней мыслительной деятельности, двух «способностей души». Рассудок есть способность рассуждения, он познает все конечное, относительное, земное. Сущность же разума состоит в целеположении, постижении абсолютного, божественного и бесконечного [6, 543]. Таким образом, основной характеристикой разума является его трансцендентность. С.Ф. Денисов пишет: «Понятие разум традиционно связывается со способностью человека воспроизводить реальность саму по себе, представлять ее такой, какой она существует на самом деле» [4,69]. Также автор указывает на такую особенность разума как поиск ответа на вопрос о том, каков должен быть мир и человек на самом деле. Таким образом разум оказывает существенное влияние на характер человеческой деятельности и ориентирует человека на высшие цели и идеалы [4, 69].

«Рассудок – это способность человека отражать в понятийной форме непосредственную действительность, т.е. первый мир и характеризующийся ориентацией человека на ближайшие цели» [4,70]. Если разум претендует отражение реальности в объективных формах, то рассудок представляет реальность через субъективный мир человека, его интересы. Разум обнаруживает себя в знаниях и делах великих людей. Автор книги отмечает, что последние и являются основными носителями разума. Отсюда следует довольно забавный и простой силлогизм: носители разума – великие мира сего, великие мира сего – преимущественно (если не сказать только) мужчины, следовательно, мужчины – носители разума. Думается в рамках заявленной темы можно логически продолжить эту мысль. Также автор стоит на той позиции, что источник разума в человеческой активности внешний – великие люди и гении. Разуму в мире принадлежит организующая, приводящая в порядок функция. В порядок приводится так называемая неразумная природа, мир необходимости. Основной формой рассудочных знаний выступает рецепт или рецептурное знание. «Специфика отношений между рассудком и

разумом заключается в том, что рассудок в процессе своего развития неизбежно подготавливает почву для генезиса разума, который, таким образом, с природной необходимостью возникает из деятельностных структур» [3, 123].

Таким образом характеристики рассудка маркированы феминным в большей степени, в сравнении с возможностями и функциями разума.

Свобода и необходимость. Свобода всегда шла в ряд с разумом духом в атрибутике человека. Свобода есть «способность человека к активной деятельности в соответствии со своими намерениями, желаниями и интересами, в ходе которой он добивается поставленных перед собой целей» [6, 569].

О. Вейнингер считал счастье уделом женщины, так как оно есть свойство полноты и завершенности. Свобода же есть постоянный дискомфорт, искажение, которые и отличают мужчин, как существ «ищущих». *«Счастливы только женщины.* Ни один мужчина не чувствует себя счастливым, ибо каждый находится в определенном отношении к идее свободы, будучи несвободным в своей земной жизни. Счастье является уделом или совершенно пассивного существа, как женщины, или совершенно активного, как божество. Счастье есть не что иное, как чувство совершенства, но это чувство совершенно чуждо мужчине; только женщины способны видеть в себе олицетворение совершенства. У мужчины всегда есть проблемы в прошлом и задачи впереди: проблемы имеют свои корни в прошедшем, — страна же задач есть будущность. Для женщины и само время ни на что не направлено, оно лишено для нее смысла: нет женщины, которая поставила бы себе вопрос о цели своего существования. Только одноизмеримость времени является выражением того, что эта жизнь должна и может приобрести известный смысл» [2, 314].

Творчество – рутина. Творчество рассматривается в философской традиции как «деятельность, порождающая нечто качественно новое, никогда ранее не бывшее» [6, 642]. В ранние исторические эпохи творчество понималось как способность, позволяющая достигать высшего созерцания мира. Рефлексия творческого процесса как объективация гениальных способностей человека появляется в эпоху Возрождения, проникнутой пафосом безграничных возможностей человека. Творчество с этого момента начинает рассматриваться как свободная деятельность, которая протекает по большей части бессознательно. Об этом в свое время упоминал И. Кант. Наиболее развернутую концепцию творчества дал А.Бергсон, понимая под творчеством непрерывный процесс рождения нового, в противоположность деятельности традиционной, комбинирующей старое.

В экзистенциализме, прагматизме, инструментализме и др. философских направлениях творчество представляет собой прорыв из мира из мира необходимости, изобретательство, выход за пределы природного и социального. Н. Бердяев размышлял в этом направлении. «Творческий экстаз (творческий экстаз есть всегда экс-таз) есть прорыв в бесконечность» [1, 458]. Философ отождествляет творческий процесс как богочеловеческий, позволяющий высвободиться от действительности: «Творческий акт для меня всегда был

трансцендированием, выходом за границу имманентной действительности, прорывом свободы через необходимость. В известном смысле можно было сказать, что любовь к творчеству есть нелюбовь к «миру», невозможность остаться в границах этого «мира» [1, 468]. В перечисленных атрибутах творчества, как мы видим, просматривается все то, что противостоит рутинизированным практикам, механически-технической, рутинной деятельности. «Общепризнанного определения творчества нет, но по сложившейся традиции творческой считают деятельность в области искусства, науки изобретательства, хотя и не совсем справедливо. Напротив, рутинной, репродуктивной именуют деятельность, сводящуюся к многократному повторению одних и тех же раз найденных приемов. Самый яркий пример последней – работа на конвейере» [5, 27-28].

Игра – утилитарно-практическая деятельность. В попытке определения феномена игры и ее антипода автор берет за основу концепции культуры, основанные на игре. В этом плане особого внимания заслуживают взгляды нидерландского философа Й. Хейзинга. Игру как всеобщий и основополагающий принцип человеческой культуры Й. Хейзинга рассмотрел в работе под названием «*Homo ludens*» («Человек играющий»). Целью автора данной работы являлось рассмотрение игры в чистом виде, как фактор культуры в целом, как явление сознания человека. В первой части этой книги «Опыт определения игрового элемента культуры» Хейзинга выделяют ряд признаков, имеющих отношение к игре вообще. «Всякая Игра есть прежде всего и в первую голову *свободная деятельность*. Второй признак игры заключается в противопоставлении игры обыденной, жизни, в общем рутинизированным состояниям как таковым. Третьим признаком игры является ее *изолированность*. Изоляция игры объясняется определенным местом действия и продолжительностью. Она протекает в рамках заданного пространства и времени. Обыденная жизнь задается необходимостью, игра задает необходимость (правила игра заключены в ней самой). Есть в обыденной жизни и игре общее – элементы повтора, чередования. Но в случае с обыденной жизнью происходит, как говорится ситуация «дважды в одну реку не войти». К четвертому признаку игры Хейзинга относит тот непреложный характер порядка, который привносит игра. Безусловно, все люди «играют» независимо от пола, однако игра как атрибут человека предполагает некую «оторванность» от обыденной жизни, это игра как бы за рамками мира, «понарошку». Для того, чтобы играть, необходимо так называемое «свободное время». Очевидно, что «свободное время» культуры находится в мужских руках [См.:7].

Дух-душа. В человеческой культуре «дух» – слово мужского рода, оно символизирует мужское начало в культуре. Дух выступает символом творческой энергии культуры.

«Душа» – слово женского рода, она выступает носителем женского начала, она несет в себе смыслы непосредственного источника жизни. Душа как женское начало характеризуется мягкостью, терпимостью. «Дух же, как мужское начало, характеризуется рационализмом, рассудочностью. Если

душевный человек отличается мягкостью, то духовный человек – жестокостью. Мужчины (дух) рожают новые идеи, новые концепции, они доминируют в праве, технике, науке, т.е. в тех сферах, которые относятся к цивилизации. Дух жаждет господства, а душа подчинения. Кроме того, дух символизирует идею, руководствуется ею. Душа же, в которой господствует чувственность, уподобляется бабочке, порхающей от цветка к цветку. Душа – символ красоты, но красоты быстротечной. Дух – символ порядка, устойчивости, мужественности, отсюда и выражение «боевой дух». Душа не может быть боевой. Иногда она воспринимается как змея, которая находится в раю рассудка и порядка и угрожает моральным устоям общества» [3, 192].

Таким образом, какую бы из сущностных характеристик человека мы не рассматривали, все они маркированы мускулинным содержанием. В противоположности к ним выступает другая плоскость – мир рассудка, души, рутинизированных практик, необходимости. Суммируя эти характеристики, автор находит их отражающие феминные начала. Таким образом, дефиниции сущности человека некоторое гендерное содержание.

Литература

1. Бердяев Н.А. Самопознание: сочинения. – М., 2000.
2. Вейнингер О. Пол и характер. – М.: Терра, 1992.
3. Денисов С.Ф. Библейские и философские стратегемы спасения: антропологические этюды. – Омск, 2004.
4. Денисов С.Ф. Разум и рассудок в структуре человеческой активности. – Томск: Изд-во Томского ун-та. 1993.
5. Николин В.В., Федяев Д.М. Техника в потоке истории (социальные факторы технической эволюции). – Омск, 1992.
6. Философский энциклопедический словарь. – М., 1989. 2 изд.
7. Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня: Пер. с нидерл. / Общ. ред. и послесл. Г.М. Тавризян. – М.: Изд. группа «Прогресс», «Прогресс-Академия», 1992.

alfil82@mail.ru

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ИННОВАЦИИ КАК ПРЕДМЕТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

Е. Ю. Зимарина

Хакасский государственный университет им. Н.Ф.Катанова (г. Абакан)

В связи с изменениями, происходящими во всех сферах жизнедеятельности человека (политике, экономике, здравоохранении и др.) в последнее время, широкое распространение получило понятие «инновации». Поэтому необходимо изучать инновации, способы их развития и распространения, а также факторы, которые сопутствуют и препятствуют внедрению различных новшеств.

Образование является одной из наиболее значимых сфер жизнедеятельности человека. От состояния образовательной системы зависят перспективы общественного развития в современном мире, поэтому система образования также развивается, как и остальные сферы. Но недопустимо, чтобы развивалась только какая-то одна часть системы, все должно быть в совокупности, кроме этого, государство и органы управления образованием должны активно развивать и поддерживать образование в стране. Основные навыки и умения даются в школе. В течение школьных лет ребенок взрослеет, в нем формируются его ценности и мировоззренческие установки, он понимает, может и не в полной мере, то, кем он может быть и чем полезен для общества. Поэтому при изучении изменений в образовательной системе необходимо сделать большой акцент именно на школе.

Говоря об инновациях и инноватике, науке, изучающей инновации, выделяют таких известных авторов как Йозеф Шумпетер и Питер Друкер - это авторы, применившие понятие «инновация» в экономической теории. [1]. Для Шумпетера инновация - это не усовершенствование, а существенная смена функции производимого, состоящая в новом соединении между собой средств производства. Помимо Й.Шумпетера сходная трактовка понятия «инновация» присуща и другим западным исследователям, таким как Э.Мэнфилд, Р.Фостер, Б.Твисс, М.Е.Портер. Но не только западные авторы говорят об инновациях, такие наши соотечественники как Пригожин А.И., Ковалев Г.Д., Новикова Т.Г. и другие, также рассматривают понятие «инновации», причем каждый расставляет акценты на различных аспектах этого понятия.

Так, Пригожин А.И. [4, с. 124], говоря об инноватике, разделяет понятия «нововведение» и «новшество». Первое носит скорее социальный характер, в отличие от инструментального второго.

Г. Д. Ковалев [2] говорит о том, что многообразие новаций в различных прикладных сферах можно отнести к таким характеристикам как: *приоритетность*, характеризующая новизну, потенциальную практическую полезность и конкурентоспособность; *универсальность*, то есть новация соответ-

ствуется потенциальной возможности быть использованной в различных предпринимательских сферах; *коммерциализуемость*, которая определяется величиной инвестиционного спроса на новшество, его потенциальной прибылью с учетом возможных рисков; *безопасность* - связана с экологическими последствиями использования новшества (в первую очередь, с уровнем ресурсоемкости), а также гарантиями безопасности людей и надежности техники в производстве; *технологичность*, которая характеризуется способностью новшества включаться в технологическую систему с улучшением ее характеристик и, наконец, *социальность*, которая связана с социальным эффектом от использования новшеств.

Романюк и Новикова [3] выделяют критерии, по которым можно классифицировать инновации в образовании. Первый критерий зависит от сферы, в которой осуществляются новшества. Здесь можно выделить следующие новшества: в содержании образования, в технологии, в организации, в системе управления и в экономических механизмах. Вторым общим критерием можно было бы считать способ возникновения новаторского процесса. Так, в зависимости от способа осуществления нововведения их можно разделить на систематические, плановые, заранее задуманные и стихийные, спонтанные, случайные. Третьим критерием обозначают широту и глубину новаторского процесса. Под четвертым критерием понимается основа, на которой появляются, возникают новшества. В зависимости от основы характера происхождения новшества можно представить как внешние и внутренние.

Так характеризуют инновации в теории. А как же относятся к нововведениям непосредственные субъекты? Для ответа на этот вопрос в мае 2006 года было проведено социологическое исследование на тему «Восприятие образовательных инноваций госслужащими, администрацией школы и учителями». Целью исследования было, посредством полуструктурированного интервью выявить отношения представителей системы образования к вводимым нововведениям. Объектом исследования выступали работники Министерства образования и науки Республики Хакасия, администрация и учителя школ г. Абакана.

По ответам респондентов все инновации делятся на: инновации в *содержании образования* (введение концентрических программ; спец.курсы; общественные советы, попечительские советы в начальной школе - работа по учебно-методическим комплексам; в старшей школе - изменившаяся форма итоговой аттестации в виде Единого Государственного Экзамена; профильное обучение), *управлении образованием* (в каждой школе свои - это, скорее, педагогический процесс), *организации образовательного процесса* (электронные учебники, образовательные порталы и т.д.). Таким образом, почти все респонденты называли значимыми одни и те же инновации, хотя акцент делали на разных вещах. Так, например, управленцы расставляли акценты на всех инновациях, директора и заместители директоров – на новшествах своих школ, а учителя – на своих собственных проектах и разработках.

Итак, инновации это важная составляющая общественной жизни, которая требует внимания и изучения. Необходимым является выяснение ситуации в образовательной системе в условиях внедрения инноваций: позитивные и негативные последствия; рассмотрение направленности инновации: изменение содержания образовательного процесса, изменения в управлении школьной образовательной системой. Поставленные вопросы только открывают пути для дальнейшего изучения феномена – «инновация».

Список используемой литературы

1. Ващенко В.П. О концептуальных основах инновационной практики. [Электронный ресурс], www.inf.an.ru
2. Ковалев. Г.Д. инновационные коммуникации: учебное пособие для вузов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2000. - 288 с.
3. Новикова Т.Г., Романюк В.Н. Инновационная деятельность: понятия, особенности, критерии. // Инновационные процессы в образовании: теория и практика. Сборник научных статей. – М., 2001. С. 10 – 18.
4. Пригожин А.И. Современная социология организаций: учебник. – М.: 1995. – 296 с.

eva1986@mail.ru

ЭЛИТНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ОБЩЕСТВЕ ЗНАНИЯ

В. В. Петров

Специализированный учебно-научный центр
Новосибирского государственного университета

Что такое *элитное* образование? *Элитное* образование - это прежде всего качественное образование, которое включает в себя как наличие хороших базовых знаний и умение распоряжаться этими знаниями, так и способность к дальнейшему саморазвитию и самообразованию личности в зависимости от изменяющихся требований общества. Понятие *элитное образование* не следует путать с *элитарным образованием*, т.е. образованием элиты - достаточно ограниченной группы людей в различного рода закрытых школах, колледжах и т.д.

Еще в начале XX в. Джон Дьюи констатировал, что в государственной образовательной системе ученики лишены личного познавательного интереса – решающего фактора учения, без которого оно превращается в бессмысленную зубрежку. Само человеческое существование для Дьюи есть воплощение экспериментального метода: в результате жизненного опыта человек приобретает уверенность в том, что его суждения обоснованы, – это и есть образование. Ту систему образования, которую мы сейчас именуем традиционной и

через которую по-прежнему проходит большинство людей почти во всем мире, Дж. Дьюи уже век назад объявил не соответствующей современному уровню развития общества и, по существу, вредной. Противопоставить ей он хотел новую, прогрессивную и демократическую систему образования, которая бы постоянно обновлялась, накапливая и анализируя приобретенный в процессе обучения опыт [1].

Сейчас человечество стремительно входит в информационное общество и общество знания. Цели образования меняются. В индустриальном обществе человек готовился к будущей профессиональной деятельности за счет накопления уже систематизированного и изначально истинного базового энциклопедического материала. В современном обществе на первое место выводится именно развитие личности и ее умение овладевать, зачастую самостоятельно, способами приобретения существующих и создания новых знаний.

Знание начинает выступать не только как служебный элемент деятельности человека, но и определять направление течения общественной жизни. Такая тенденция дает основание говорить о формировании «общества знаний» (англ. knowledge society). Уже сейчас знания радикально меняют образ жизни людей и структуру человеческого общества.

Системе образования необходимо перестраиваться, чтобы удовлетворять новым требованиям современного общества. Если раньше считалось, что образование приобретается на всю жизнь, то теперь акцент смещается на приобретение образования в течение всей жизни. Суть новой парадигмы образования можно охарактеризовать следующими факторами:

- смещение основного акцента с усвоения значительных объемов информации, накопленной впрок, на овладение способами непрерывного приобретения новых знаний и умения учиться самостоятельно;
- освоение навыков работы с любой информацией, с разнородными, противоречивыми данными, формирование навыков самостоятельного (критичного), а не репродуктивного типа мышления;
- дополнение традиционного принципа «формировать профессиональные знания, умения и навыки» принципом «формировать профессиональную компетентность» [2]

Для того, чтобы успешно реализовать все это на практике, необходимо создавать преподавателя нового типа, который выступает уже не в качестве транслятора знаний, а в качестве навигатора, который ориентирует учащегося в потоках информации и знаний.

Каким образом возможно эффективное внедрение новых принципов в существующую систему образования?

Ответ очевиден – необходимо изменить подход к самой системе образования. И прежде всего – к системе довузовского образования, то есть к образованию старшего звена общеобразовательных школ, где десятилетиями воспитывались поколения, которые успешно могли усваивать и тиражировать полученные знания, но умение рассуждать зачастую отступало на второй план. Не дожидаясь введения новых государственных стандартов, система

образования пытается самостоятельно реагировать на изменившиеся требования: в ряде средних школ создаются профильные классы, привлекается профессорско-преподавательский состав ВУЗов и т.д. Но нередко подобные инициативы не находят отклик в самих учащихся, которых не научили учиться самостоятельно, которые не видят потребности в саморазвитии.

Попробуем разобраться в причинах и ответить на вопрос, каким образом можно преодолеть подобные проблемы и заложить потребность к дальнейшему, прежде всего само - образованию. Следует учитывать, что на данном жизненном этапе для формирующейся личности учеба – основной вид трудовой деятельности и заложенная потребность учиться дальше самостоятельно означает, тем самым, формирование потребности и желания саморазвития на всю жизнь.

Рассмотрим в качестве возможной основы многоуровневый подход к образованию, который с успехом применяется в Специализированном учебно-научном центре физико-математического и химико-биологического профиля (бывшая физико-математическая школа) Новосибирского государственного университета при работе с учащимися 10-11-х классов. Система образования ФМШ, насчитывающая уже 45 лет, с самого начала формировалась как государственная система именно *специализированного* (не среднего специального – ПТУ, техникумы) образования, нацеленная на отбор талантливой одаренной молодежи и ставящая своей целью научить ее мыслить нестандартно. Именно эта молодежь, которая умела избегать шаблонного мышления и существующих стереотипов, в дальнейшем смогла составить основу советской (а впоследствии и российской) науки.

Подход, используемый в СУНЦ НГУ сегодня, предполагает разбиение подготовленного материала, в зависимости от глубины проработки и сложности усвоения информации, на три условных уровня [3].

Первый уровень – *общегуманитарный* – содержит те сведения, которые необходимы в повседневной жизни любому грамотному человеку.

Второй уровень – *технологический* – предполагает обсуждение с учащимися пройденного материала, включающее в себя попытки рефлексии и выработку навыков использования полученных знаний в практической деятельности.

Третий уровень – *специализированный* – заключается в углубленном изучении предмета, включении в процесс рассуждений конкретных природных и техногенных ситуаций, которые побуждают учащихся прибегать к сложным логическим рассуждениям.

Подобный многоуровневый подход позволяет соединить воедино разрозненные энциклопедические знания и, отталкиваясь от базисных понятий, логически размышлять и делать самостоятельные выводы. Такой подход к обучению во многом способствует формированию и дальнейшему развитию личности, умеющей мыслить, а не только механически запоминать получаемую информацию [3]. Таким образом, на выходе из средней школы мы получаем выпускника, который ориентирован под дальнейшее саморазвитие.

Очевидно, что ориентация на такой тип выпускника невозможна без подготовки преподавателя «нового типа», способного обеспечить глубокое когнитивное обучение, развить в учащихся креативность, изобретательность, стремление к собственному исследованию, к идентификации проблем и поиску их нестандартного решения, подготовить их к тому, что изменения неизбежны и научиться справляться с ними, адаптироваться к ним, искать приращение своим знаниям и самостоятельно увеличивать запас знания, которые стали предметом личного увлечения или интереса, поощрять и развивать способность и постоянное стремление к дальнейшему самообучению.

Несмотря на то, что изначально система специализированного образования создавалась исключительно как система подготовки научных кадров, подход к обучению в рамках этой системы, при внедрении в общеобразовательные школы позволит получать качественно нового грамотного, образованного человека, который способен самостоятельно адаптироваться и эффективно развиваться дальше в условиях формирования общества знания.

Литература

1. Дьюи Д. Демократия и образование/ Д. Дьюи. – М.: Педагогика-Пресс. – 2000.
2. Любимов Л.Л. Школа и знаниевое общество в России / Л.Л. Любимов //Вопросы образования. – 2007. №4. – С. 116-140.
3. Петров В.В. Специализированное обучение: опыт 40 лет деятельности: Научное издание / А.А. Никитин, И.В. Силантьев, С.С. Гончаров, Н.С. Диканский, В.Д. Мазуров, Е.И. Биченков, Г.М. Дымшиц, В.М. Копытов, Н.И. Яворский, А.С. Марковичев, А.А. Москвитин, С.Г. Барам, В.А. Миндолин, О.В. Саблина, Ю.В. Михеев, М.А. Суменкина, В.В. Петров – Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 2004. – 264 с.

vp@fija.nsu.ru

ПОДГОТОВКА СПЕЦИАЛИСТА, ОРИЕНТИРОВАННОГО НА САМООБРАЗОВАТЕЛЬНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, В АСПЕКТЕ ВЕДУЩИХ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ

А. В. Калмазан

Сибирский государственный университет путей сообщения (г. Новосибирск)

В «Концепции модернизации российского образования на период до 2010 г.» подчеркивается качественно новая роль образования в мире, соответствующая «росту влияния человеческого капитала» [4]. В данной концепции акцент делается на потребность в формировании специалиста, способного к саморазвитию, реализации своего творческого потенциала.

В структуре образовательного пространства развитие специалиста готового к самостоятельной развивающей деятельности предполагает взаимодействие комплекса подходов: культурологического, компетентностного и гуманистического.

Культурологический подход, являясь одним из подходов в реализации идей личностно-ориентированного образования, направлен на воспитание человека культуры, обладающего высокими нравственными и духовными качествами, осознающего себя частью культуры своей страны, знающего и уважающего традиции и достижения других стран и народов, способного на диалоговое общение полноправных личностей-культур и соответствующего современным запросам цивилизационных и культурных процессов [7].

Отечественный ученый В.А. Доманский пишет о том, что «процесс формирования человека и его 'окультуривания' представлены в виде трех звеньев:

Исходное – освоение норм - образцов, образование пространства жизни - социологизации человека.

Второе звено - развитие личности, освоение способов мышления и способов деятельности, проектирование новых форм социальной жизни.

Третье звено - процесс складывания своего образа, проживание в своей личной истории, освоение ее знаков, символов, типов сознания.

В конечном смысле человек должен стать фюсисом - произведением, понимаемым в своем богатстве смыслов, придаваемых ему древними греками. Подлинное образование, считает в этой связи немецкий философ Хайдеггер, должно закладывать основы культурного бытия человечества, творческое создание жизни человека. Пути настоящего образования – сотворчество, самопонимание, самоосмысление, самооценка, в котором личность воспитуемого открыта пространству жизненных смыслов и деятельности, сопричастности к созданию» [3].

Основными задачами культурологического образования считаются:

- 1) создание необходимых условий для культурного развития и саморазвития субъектов образовательного процесса;
- 2) создание максимально плодотворных условий для творческого саморазвития личности в образовательном процессе;
- 3) обеспечение возможности активного вхождения личности в мир культуры, т.е. такое взаимодействие субъектов образовательного процесса, при котором возможен выход на личностные и культурные смыслы в преподавании конкретной дисциплины.

Путем решения данных задач может стать разработка и усиление теоретических основ общекультурной подготовки будущего специалиста, интеграция и построение взаимосвязи образовательных дисциплин, погружение обучаемого в историю и культуру изучаемого предмета.

На концепции культурологического подхода основывается современная стратегия определения содержания образования (посредством соединения значимых компонентов социальной культуры: знаний, способов деятельно-

сти, опыта творческой деятельности и эмоционально-ценностного отношения к миру).

Разработке теоретических основ культурологического подхода посвящены работы Е.В. Бондаревской, Л.Г. Викторовой, А. Запесоцкого, А.С. Зубры, В.В. Краевского, Н.Б. Крыловой и др.

Реализация компетентностного подхода связана с формированием у специалиста определенных компетенций – общетеоретических и специализированных знаний, умений, необходимых для применения в конкретной практической деятельности. Применение компетентностного подхода в образовании ориентировано на подготовку специалистов, востребованных в производственной и научной деятельности.

Компетентностный подход направлен на построение учебного процесса сообразно результату образования: в учебную программу или курс изначально закладываются отчётливые и сопоставимые параметры описания того, что будущий специалист должен знать и уметь, завершая свое обучение.

Понятия «компетенции» и «компетентности» являются ключевыми понятиями данного подхода.

«Компетенция» предполагает развитие в обучающемся способности ориентироваться в разнообразии сложных и непредсказуемых рабочих ситуаций, иметь представления о последствиях своей деятельности, а также нести за них ответственность.

«Компетентность» в докладе международной комиссии по образованию, представленном ЮНЕСКО, рассматривается как «набор навыков, свойственных каждому индивиду, в котором сочетаются квалификация в строгом смысле этого слова... социальное поведение, способность работать в группе, инициативность ит.д.» [2].

Представителями университетов, подписавших Болонскую декларацию, были выделены две основные группы компетенций: общие и специальные (профессиональные).

К общим компетенциям относятся:

- инструментальные компетенции, которые включают когнитивные способности, способность понимать и использовать идеи и соображения; методологические способности, способность понимать и управлять окружающей средой, организовывать время, выстраивать стратегии обучения, принятия решений и разрешения проблем; технологические умения, умения, связанные с использованием техники, компьютерные навыки и способности информационного управления; лингвистические умения, коммуникативные компетенции.

- межличностные компетенции, то есть индивидуальные способности, связанные с умением выражать чувства и отношения, критическим осмыслением и способностью к самокритике, а также социальные навыки, связанные с процессами социального взаимодействия и сотрудничества, умением работать в группах, принимать социальные и этические обязательства.

– системные компетенции, то есть сочетание понимания, отношения и знания, позволяющее воспринимать, каким образом части целого соотносятся друг с другом и оценивать место каждого из компонентов в системе, способность планировать изменения с целью совершенствования системы и конструировать новые системы.

К специальным (профессиональным) компетенциям относятся знания, умения, навыки и способности, определяемые стандартом каждой конкретной специальности [6].

Компетентный подход напрямую связан с идеей всесторонней подготовки и воспитания индивида не только в качестве специалиста, но и как личности и члена профессионального коллектива и социума.

Понятия «компетентность» и «компетенция» рассматривались в трудах В.И. Байденко, Г.Э. Белицкой, Л.И. Берестовой, А.А. Вербицкого, Н.А. Гришановой, Э.Ф. Зеера, Б.К. Коломница, Н.В. Кузьминой, В.Н. Куницыной, А.К. Марковой, Дж. Равена, Р. Уайта, Н. Хомского, А.В. Хуторского и др.

Гуманистический подход предполагает изучение индивидуально-типологических особенностей личности (психологических, физиологических и др. факторов ее развития). Он рассчитан на создание благоприятных психолого-педагогических особенностей для личностного становления обучающегося, возможности для формирования и развития его собственной образовательной траектории. Основной задачей гуманистического подхода является становление самореализующейся личности с гуманистическим мировоззрением.

Исследователь Е.Б. Бабошина выделяет три основных направления гуманизации образования:

1) «очеловечивание» самого человека, которое обеспечивается учетом индивидуальных особенностей личности физических (физиологических, соматических), психических – духовно-нравственных и умственных возможностей;

2) усиление человечности, уважение к человеческому достоинству, человеколюбие в обучении и воспитании;

3) создание благоприятных условий для личностного развития [1].

Основным принципом и целью гуманизации считается возможность самореализации субъектов образовательной среды (обучающего и обучаемого).

Порождением гуманистического процесса считается гуманитаризация образования. Ученые указывают на взаимодополняющую природу гуманизации и гуманитаризации образования, подчеркивают их «родственную связь». Одним из ключевых определений гуманитаризации является определение Г.М. Голина: «Гуманитаризация – специально разработанные меры методического характера, позволяющие сделать обучения предмета составной частью формирования личности» [5].

Кроме того, ученые определяют гуманитаризацию как:

- формы гармонического равновесия между естественно-математическими и гуманитарными циклами в обучении с целью развития духовно богатой личности (Б.Т. Лихачев);

- процесс, предполагающий сущностные изменения в сфере образования, касающиеся характера преподавания, причем не только гуманитарных, но и естественных, и технических, точных наук (Е.В. Бондаревская, Е.Н. Шиянов);

- систему мер, направленных на приоритетное развитие общекультурных компонентов в содержании образования и, таким образом, на формирование личностной зрелости обучаемых (Е.С. Рапацевич);

- процесс проникновения ценностей и методологии гуманитарных наук в структуру естественнонаучного мышления (В.И. Данильчук).

Главным аспектом гуманизации образования и его гуманитаризации (как составляющей части гуманизации образования) является процесс формирования гуманистически развитой гармоничной личности обучающегося вне зависимости от специфики его подготовки и будущей специальности.

Ведущими концептологами гуманизации и гуманитаризации отечественного образования можно назвать Ш. Амонашвили, В.И. Андреева, Е.В. Бондаревскую, Б.С. Гершунского, М.Н. Дудину, В.П. Занченко, В.А. Караковского, В.В. Краевского, И.М. Орешникову, Н.М. Селиванову, Ю.В. Сенько, В.В. Серикова, Е.Н. Щуркову, Е.А. Ямбурга и др.

Таким образом, проанализировав главные стратегические подходы к образованию можно *следующие выводы*:

Культурологический подход позволяет сформировать системно-целостный взгляд на мир и культуру, гуманизировать процесс образования. Построить новую модель культуросообразного образовательного пространства, в котором возможно развитие и саморазвитие духовных и культурных качеств личности будущего специалиста.

Компетентностный подход направлен на всестороннюю подготовку и воспитание индивида не только специалиста, но личности и члена профессионального коллектива и социума, предполагает подготовку специалистов, востребованных в производственной и научной деятельности

Гуманистический подход формирует критерии образовательного пространства, таким образом, учитывая индивидуальность обучающихся, чтобы предоставить возможность гармоничного развития и максимального раскрытия личностных и профессиональных качеств всех субъектов образовательного процесса.

Таким образом, взаимодействие и взаимодополнение культурологического, компетентностного и гуманистического подхода позволит сформировать целостную систему образовательного пространства, в которой возможно развитие специалиста нового уровня, обладающего необходимыми личными и профессиональными качествами, способного к саморазвитию и самосовершенствованию.

Литература

1. Бабошина Е.Б. Саморазвитие личности студента в образовательном пространстве вуза. – Курган: Изд-во КГУ, 2004. С.77.
2. Доклад международной комиссии по образованию, представленный ЮНЕСКО «Образование: сокрытое сокровище». – М.: ЮНЕСКО, 1997
3. Доманский В.А. Культурологический подход к изучению гуманитарных предметов // Вопросы философии. – 2001 №6. С. 41-51.
4. Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года. – М.: АПКИПРО, 2002.
5. Корнетов Г.Б. Парадигмы базовых моделей образовательного процесса // Педагогика. – 1999. – №3. – С. 43-49.
6. Управление двухуровневой системы подготовки и качества образования. Компетентностный подход: реферативный бюллетень: Изд-во РГГУ, 2005, С 9-12.
7. Философия образованная в перспективе 21 века. Доклад об итогах чешско-советского симпозиума: Прага 4-7 июня 1990г. Философия образования для 21 века. - М., 1992.- С.204-207.

ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Г. Б. Мошонкин

Институт философии и права СО РАН

Одну из решающих ролей в становлении и развитии новых отраслей экономики играли и до сих пор играют молодые специалисты с высшим образованием. Современная ситуация, связанная с информационным прогрессом общества, заставляет кардинально менять стили и модели мышления человека. Учебным заведениям отведена ключевая роль в подготовке кадров нового поколения, имеющих качества, которые позволят им быть конкурентоспособными на рынке труда и уметь применять на практике полученные знания. Чтобы развивать эти качества и вырабатывать мотивацию к саморазвитию, необходимо внедрять в систему российского образования инновационные методы и подходы.

Основной смысл внедрения любых инноваций заключается в повышении качества образования. Как отмечает директор Института инновационной деятельности в образовании Российской академии образования В. Лазарев: «Формально это соотношение между целью образования и его реальными результатами. Попытка отыскать ответ на ключевой вопрос о том, какие цели ставит перед собой современное российское образование, обнажает огромное количество радикальных проблем, без решения которых невозможно двигаться дальше. К примеру, если цель начальной школы - научить детей считать, читать и писать, то у нас образование вполне приемлемое. Если же цель

- научить детей учиться и формировать у них мотивацию к познанию, то сегодня школьное образование достигает практически нулевых результатов. Темпы нарастания знаний в обществе удваиваются каждые 7-10 лет. Ни школы, ни высшие учебные заведения не могут изменять программы с такой скоростью». [1]

Ассоциативно-репродуктивная система образования (когда нужно сначала запомнить некоторый объем информации, а после суметь ее воспроизвести) катастрофически устарела еще в первой половине XX века. Сегодня необходимо сделать научить студента «культуре размышления» и не только сохранить у него мотивацию к обучению, но и выработать понимание, для чего ему нужен тот или иной предмет. Постигая фундаментальные науки, молодежь должна реально включаться в проектную и исследовательскую деятельность, синтезировать получаемые знания, чтобы уметь решать весь спектр конкретных профессиональных задач.

Большинство специалистов едины во мнении, что сегодняшнее российское образование не соответствует потребностям окружающей действительности и требует обновления, как самой модели, так и применяемых в ней подходов. Молодое поколение проявляет все большую заинтересованность в знаниях, которые могут реально пригодиться в жизни. Знания, которые дают вузы сегодня, не всегда отвечают тем потребностям студентов, которые нужны в жизни. Большинство предметов изучаются студентами для того, чтобы сдать экзамен и выполнить, тем самым, формальные требования учебной программы, но не зная, куда эти знания можно потом применить. После экзамена эти знания, не будучи реально востребованными, забываются. Как следствие, выпускник вуза имеет только «корочки» на руках и знания тех предметов, которые ему очень сильно понравились. И это становится еще одной проблемой системы высшего образования. Решение проблемы видится в системном подходе к обучающим программам, отвечающим следующим принципам:

1. Определить те знания, которые пригождаются в повседневной жизни, примером могут быть такие предметы как: тайм-менеджмент (управление временем), планирование, стратегический анализ целей и т.д.

2. Теоретические знания, которые необходимы, нужно подкреплять конкретными примерами с практическим применением в жизни, для того, чтобы у учащегося сложилась четкая картина, где это знание можно применить

3. Практика – это применение на практике, тех знаний, которые преподаются, они отличаются от лабораторных работ тем, что там уклон идет на науку – смешивая химические элементы, получаем научное изобретение, а здесь смешивая экономические показатели получаем решение конкретной задачи в жизни, т.е. уклон на жизненные обстоятельства (пример: оптимизировать процесс планирования своим временем, правильно расставить приоритеты в жизни и т.д.)

4. Анализ проделанной работы совместно с учащимися, выявление неопределенностей, сложностей и т.д., с последующим исправлением ошибок.

Такой подход обучающей программы позволит студенту:

- сформировать четкое представление, куда можно применить знания, которые он получает в вузе;
- получить навыки практического применения теоретических знаний;
- формировать мотивацию к получению новых знаний, потенциально применимых практической деятельности.

Любой вуз должен готовить молодежь так, чтобы «научить ее хотеть учиться» и продолжать это обучение в течение всей жизни (то есть стремиться постоянно наращивать свой потенциал) [1]. Наметив некоторые проблемы, существующие в системе образования и у обучающейся молодежи, стоит обратиться к классификации инноваций для возможного решения подобных проблем в будущем. Лазарев в своих работах разделяет все образовательные инновации на системные, модульные и локальные. По его мнению, системные инновации подразумевают принципиальную перестройку существующей образовательной модели, модульные способствуют изменениям лишь в некотором сегменте образовательной системы (например, в целостном курсе естественных наук или во всей начальной школе), а локальные представляют собой внедрение какой-либо новой технологии или нового учебника в деятельность отдельного преподавателя, учителя или группы специалистов. Таким образом, наиболее сложными и наиболее нужными сегодня являются именно системные нововведения, подчеркивает Валерий Лазарев.

Несколько иначе представляется эта проблема декану Московской школы управления «Сколково» В. Ванхонакеру. По его мнению, в понятии «инновации в образовании» имеет смысл выделить три ключевых измерения: инновации в содержании, инновации в стратегии и инновации в процессе. При этом инновации в содержании предполагают разработку и внедрение новых предметов, изучение новых тематик. Инновации в стратегии представляют собой создание новых концепций, моделей, структур образовательного процесса. И, наконец, инновации в процессе относятся напрямую к тому, каким образом происходит передача знаний, какие технологии используются. При этом стоит различать характер инноваций: «эволюционный, то есть постепенный, совершенствующий все то, что есть на сегодняшний день, и революционный, то есть кардинально отличающийся от всего существовавшего ранее». Схожим образом классифицирует инновации М. Волинкина, заведующая кафедрой инновационного предпринимательства Института гуманитарного образования, разделяя их на организационные (связанные с оптимизацией условий образовательной деятельности), методические (направленные на обновление содержания образования и повышение его качества) и управленческие. [2]

Если говорить только о конкретных инновационных программах вузов (которые, по классификации В. Лазарева, в большинстве случаев относятся к модульным и локальным нововведениям), то они, по мнению специалистов

Международного независимого эколого-политологического университета, должны предусматривать: введение в образовательную практику новых и качественно усовершенствованных образовательных программ; применение новых (в частности информационных) образовательных технологий, внедрение прогрессивных форм организации образовательного процесса и активных методов обучения, а также учебно-методических материалов, соответствующих современному мировому уровню качества; интеграцию образования, науки и инновационной деятельности; постоянную актуализацию профессиональных компетенций, формирующуюся у выпускников, что и обеспечит их конкурентоспособность на рынке труда.

Нужно создать такую программу образования, чтобы все предметы в ней были взаимосвязаны, что бы они не воспринимались отдельно друг от друга, а наоборот находили точки соприкосновения. Каждый предмет должен стать своего рода «мостиком», который переводил бы учащегося от одного вида знания к другому, благодаря чему можно увидеть, в чем цельность мироздания (Анатолий Костенников [3]).

Результатом качественного образования, получить которое можно, только опираясь на инновационные методы формирования содержания и организации обучения в вузе, должно быть не просто грамотность, приближенная к модели той или иной профессии, а грамотность, имеющая прикладной характер, опирающаяся на практический опыт и персональные потребности индивида.

Примечания

1. Ставка на инновацию // «Газета», № 224 от 29.11.2007
2. *Волынкина М. В.* О месте инноваций в образовании / [Электр. ресурс]: <http://www.innovatika.ru/>
3. Культурно-образовательный фильм "Игры Богов. Правильное образование" Режиссер: *Сергей Стрижак*. Производство творческая мастерская "Студия ЖАК", 2005 г.

ФОТОГРАФИЯ В КОНТЕКСТЕ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ПАМЯТИ

И. С. Шилова

Уральский Государственный университет
им. А.М. Горького (г. Екатеринбург)

В исследовании фотография рассматривается прежде всего как неотъемлемая часть социокультурной жизни и как ценностный феномен человеческого бытия. Для выявления важнейших аксиологических форм фотографии я обратилась к многоуровневой системе фундаментальных культурных ценностей и выделила одну из основных — память. Для более подробного исследования выделяется два уровня памяти — индивидуальный и коллективный — и в большей степени затрагивается первый.

Что касается памяти персональной, индивидуальной, то эта территория является, пожалуй, самой «освоенной» фотографией. Существование материализованных личных воспоминаний в виде фотографий в настоящее время в подавляющем большинстве своём локализуется в некоторых «сборниках» подобных воспоминаний - фотоальбомах. Пожалуй, сегодня не существует ни одной семьи и ни одного человека (речь, конечно, идёт об охваченных техническим прогрессом территориях), у которых не было бы своего фотоальбома, что означает закрепление истории своей семьи и своего Я в форме фотографий. Я считаю необходимым описать и проанализировать функционирование автобиографической памяти через фотографию как аналог памяти.

Автобиографическая память личности существует зачастую в форме «памяти-о-себе» и в форме «памяти-для-себя». Она имеет многоуровневую структуру, содержащую уровни ярких эпизодов прошлого, линии жизненных этапов, переживания прошлого как целостности, уникальной в каждой конкретной жизненной истории. Сам факт существования автобиографии как формы самоосмысления, самосознания и так далее, говорит о сложной структуре индивидуального знания личности о самой себе и о своём месте среди других. Известно внутрижанровое многообразие в письменной автобиографии, когда история своей жизни становится объектом как простой хронологической матрицы, так и художественного творчества.

Потребность иметь презентацию истории личностного существования воплощается в особую деятельность автостроительства своей жизни, материалом для которой выступает содержание индивидуальной памяти. Появление фотографии стало удачным подспорьем для воплощения подобных притязаний личности в отношении описания и, по большей части, всё же создания своей микроистории. Фотография вошла в резонанс с потребностью личности помнить, знать, понимать и конструировать собственную историю жизни и пути развития. К тому времени эта потребность уже воплощалась в опыте создания устных форм (исповедь, автобиографичные рассказы) и в литературе (дневники, мемуары, заметки и тому подобное). Фотография даёт новые возможности для подобной деятельности, становясь одновременно и новым материалом и средством организации. Автобиографические воспоминания, материализованные в форме фотографий, служат не только потребности быть личностью, но и потребностям в успешном налаживании коммуникаций с окружающими, смыслообразования для построений стратегий жизни, осознания вписанности в определённый культурно-исторический аспект. Использование фотографий повышает уровень произвольности и осознанности автобиографической памяти. Личный архив фотографий помогает достигнуть временной и смысловой упорядоченности воспоминаний о прошлом. Современный человек имеет серию своих «жизненных» фотографий, которые представляют собой визуальную «выжимку», «экстракт» истории его жизни.

Описанное выше применение фотографии, которое даёт возможность вернуться к реальности, в которой было пережито определённое состояние, погрузиться в неё, раствориться в ней, объясняет ценность фотографии и для

«памяти-о-себе». Она выступает в качестве инструмента целенаправленного обращения к конкретному эпизоду прошлого и одновременно выступает средством регуляции внутренних состояний личности. Переживание характерных, имеющих положительную личную оценку состояний с помощью значимых фотографий, а вместе с ним и осознание личной уникальности как совокупности склонностей к этим состояниям несёт за собой конструктивные следствия для самоидентичности человека.

С помощью фотографии существует возможность активизировать те свойства личности, которые могут быть использованы в качестве ресурса в проблемной жизненной ситуации. Фотография становится одним из социокультурных средств, обращающих память на службу формирования личности и Я-концепции. Один из вариантов создания желанного образа самого себя посредством архива фотографии проявляется уже на уровне создания снимка с собственным изображением, когда человек, по Барту, сознательно перед объективом пытается стать тем, кем он «хотел, чтобы его считали», переставая быть самим собой.

Автобиографический «багаж» личности необходим и важен так же и для коммуникации человека с другими людьми, а потому выработка и умелое оперирование этим багажом позволяет налаживать и поддерживать социальные контакты наиболее успешно. Рассказ человека о самом себе это всегда некая легенда, которая основывается по большей части на реальных фактах, но всё же личностно переосмысленных и оформленных в стройную линию выгодного самопредставления. Актом коммуникации может выступать показ фотографий. С такого рода коммуникацией, в которую вовлечена персональная фотография, мы сталкиваемся в жизни постоянно. Например, визит гостей в дом, где они никогда не были, может включать в себя просмотр семейного альбома, а визит в дом, где гости привыкли бывать, - просмотр свежих фотографий. Рассказ об отпуске или о свадьбе чаще всего сопровождается показом фотографий. Фотография в этом контексте становится способом удостоверения факта переживания определённого состояния, нахождения в каком-либо месте, наличие связей с какими-либо людьми, обладание какими-либо значимыми предметами (экспансивная роль фотографии). Самопрезентация для других становится тем более впечатляющей, чем более ценностно-значимые общечеловеческие элементы в ней содержатся (значимые местности, знаменитые люди на снимке, неординарные обстоятельства съёмки).

Коммуникативное действие фотографии обнаруживается и на уровне попыток передачи личного уникального опыта и индивидуально-значимых ценностей последующим поколениям. Современный человек имеет возможность накапливать фотографические свидетельства своей жизни, начиная с самого раннего детства. Стремление сначала родителей, а затем самого человека запечатлеть себя в юном, цветущем состоянии имеет своей подоплёкой стремление создать материал для воспоминаний в будущем, когда подобное состояние человека уже станет частью невозвратимого прошлого. С помощью серий фотографий в состоянии своей молодости и зрелости пожилые

люди стараются обеспечить преемственность опыта и традиций. Коммуникация в этом случае налаживается с помощью комментария к фотографиям, содержание которого строится на личных эмоциональных ощущениях и чувствах, связанных с переживанием данного жизненного этапа.

jug17@mail.ru

ТЕЛЕВИДЕНИЕ И ОБРАЗ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Ю. А. Ляшенко

Горно-Алтайский государственный университет

На протяжении всей своей жизни человек захвачен движением информации, неразрывно связан со СМИ. Влияние радио и печати, телевидения и сети Интернет всесторонне охватывает людей в современном мире, образует их аудиторию, формируя общественное мнение, идеологические позиции, мировоззрение. В связи с бурным развитием информационного поля, создаваемого различными средствами массовой информации, определенные изменения претерпевает менталитет населения, особенно молодежи.

В современном обществе СМИ играют ключевую роль в процессе воспитания и социализации личности, выступая как средство общения и взаимопонимания. Среди положительных функций следует также назвать расширение кругозора людей, доступность информации из любой точки земного шара, получение новых знаний об образе жизни народов других стран, оперативность информации. Как показывает практика, функции, которые на сегодняшний день выполняют средства массовой информации, оказываются различными для разных групп населения в зависимости от их образа жизни и информационных потребностей. Например, для пенсионеров и домохозяек телевидение стало практически единственным каналом удовлетворения всех культурных потребностей и интересов, занимая большую часть их свободного времени. А для людей, активно вовлеченных в различные виды духовной жизни и пользующихся широким спектром источников печатной и межличностной информации, телевидение выполняет лишь второстепенные функции.

Увеличение роли телевидения в удовлетворении информационных и культурных потребностей особенно заметно в тех социальных группах, где образ жизни характеризуется, во-первых, повышением степени урбанизированности (города-мегаполисы); во-вторых, большим количеством свободного времени, в-третьих, большей ориентацией на домашнее времяпровождение, в-четвертых, ограниченными объективными и субъективными возможностями участия в активных формах духовной жизни общества.

Проблема включенности человека в сферу влияния средств массовой информации, несомненно, интересна современной науке. Связано это с тем, что в условиях развития информационного общества способ удовлетворения информационных потребностей населения смещается от прямого общения к опосредованному, через прессу, телевидение и другие обезличенные носители информации, которые представляют собой мощную силу, позволяющую людям ежедневно быть в курсе событий политической, экономической и общественной жизни, обмениваться информацией и корректировать свою деятельность [4].

Однако с начала своей деятельности, средства массовой информации стали приобретать отрицательную социальную нагрузку, которая сегодня выросла в существенную преграду действительному становлению человека и процессу его социализации. Очень часто массовая информация начинает использоваться властью и СМИ в угоду корпоративным эгоистическим интересам. Мы часто можем наблюдать, как обществу преподносится только та информация, которая необходима высшей политической элите. СМИ производят, тиражируют и распространяют массовую информацию, которая не ведет к возвышению духовных ценностей, не способствует социальной ориентации людей, а направлена на достижение иных, чаще всего, противоположных интересов. В результате происходит изменение менталитета граждан, под которым мы понимаем общий склад мышления, особенности сознания, психологические и нравственные предрасположенности социальной общности; устойчивый способ мировосприятия, объединяющий рациональные, эмоциональные, ценностные и прочие воззрения, нормы и стереотипы.

Необходимо отметить, что отдельные слухи, новости, сообщения прессы, радио-, телепередач, реклама или фильм едва ли сразу способны изменить ценностные установки. Лишь сильное впечатление, переживание, обостренное восприятие, потрясение того или иного характера могут внушать и корректировать жизненные позиции человека.

Эффективность СМИ в данном случае зависит от того, насколько учтены особенности менталитета, его ценностно-смысловой и мировоззренческий аспекты. Лишь определенная, прежде всего, личностно-переживаемая, а не любая информация интересна и может быть востребована людьми. СМИ, надо полагать, знают менталитет своей аудитории, а, следовательно, ее предпочтения и мотивации. Хотя менталитет зрелого народа в целом молчалив и устойчив, но менталитет массовой аудитории, особенно молодежи, нередко перестраивается с течением времени и начинает приспосабливаться к глобальному информационному пространству. Прежде всего, телевидение реально способствует тому, что человек в сегодняшней России занят пассивной адаптацией к тому, что ему показывают. Об этом говорят и физиологи, и философы, и психологи. Часто, отвечая на критику в адрес современного телевидения, его защитники говорят: «Не нравится, не смотрите!». Однако, как утверждает Л. Буева, далеко не все люди способны критично относиться к тому, что ежедневно демонстрируется по телевизору, далеко не каждый мо-

жет нажать кнопку «выключить», даже если ему что-то не нравится. Оказывается, существует особое антропсихологическое воздействие телевизионной картинки на человека. Результатом всего происходящего являются «феномены растерянного сознания», «невозможность сосредоточения или осмысления, когда реальность и видеоряд либо сливаются, либо перепутываются». Это наблюдается у людей - «телеманов» [1. С. 223]. У человека возникает децентрация сознания — «когда резко снижается способность диагностики реальности, критерии реальности все больше подменяются критериями правильного исполнения роли, трафаретами моды, суггестивными клише, которые создаются тем же телевидением» [2. С. 230]. Телевидение создает особую форму квазижизни для миллионов людей, которые часами просиживают у телеэкранов и в значительной степени отвлечены от реальной жизни. По словам Я. Засурского, телевидение, «претендуя вроде бы лишь на свободное время человека», на деле посягает на большее — «на формирование его как личности: на образ жизни, на строй мышления, на ценностные ориентации» [3. С. 228]. Последствия всего этого мы уже достаточно наглядно ощущаем сегодня.

В последние два десятилетия информационное воздействие телевидения на менталитет российских граждан носило в значительной степени деструктивный характер. В результате, за период, истекший с конца 80-х годов выросло новое поколение россиян, значительно отличающееся в образе жизни от предыдущих. Прежде всего, это отличие заключается в падении уровня культуры и образования, политической инфантильности, потере моральных устоев, культе страстей, утрате стремления к самосовершенствованию, веры в духовные идеалы.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что проблемы влияния телевидения на образ жизни человека в условиях бурно развивающегося информационного пространства менее всего изучены в социальной философии, социологии и других науках и требуют пристального внимания со стороны ученых.

Примечания

1. Бueva, Л. ТВ разрушает экологию человека и культуры / Борецкий Р. Осторожно, телевидение! – М., 2002
2. Дубровский, Д. ТВ как форма квазижизни для миллионов / Борецкий Р. Осторожно, телевидение! – М., 2002
3. Засурский, Я. ТВ опасно тем, кому оно нравится / Борецкий Р. Осторожно, телевидение! – М., 2002
4. Назаров, М.М. Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследований / М. Назаров - М., 2000

ljashenko@yandex.ru

Раздел III

Теоретические проблемы права

НАУКА КОНСТИТУЦИОННОГО (ГОСУДАРСТВЕННОГО) ПРАВА В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (40-80-е гг.)

А. Б. Дидикин

Новосибирский государственный университет

Советская государственно-правовая наука сохраняет в своей основе традиционное нормативное правопонимание, понятия и категории науки государственного (конституционного) дореволюционного периода, сложившуюся отраслевую дифференциацию отраслевой правовой науки и является одним из этапов «неклассического» периода развития теории российского конституционализма.

В 1942 г. в Московском университете воссоздается юридический факультет, на котором кафедру государственного права возглавил академик И.П. Трайнин. В 40-е гг. в рамках данной кафедры изучались проблемы работы местных Советов и иных органов государственной власти, в трудах И.П. Трайнина, И.Д. Левина, В.Н. Дурденевского, Н.Я. Куприца активно разрабатывались теоретические проблемы науки советского строительства и государственного права стран народной демократии, в том числе под влиянием постановления ЦК ВКП (б) от 5 октября 1946 г. «О расширении и улучшении юридического образования в стране». После объединения с Московским юридическим институтом в 1954 г. государственно-правовые исследования концентрируются в Московском университете, Институте государства и права АН СССР, ВНИИ советского законодательства, Академии управления МВД СССР и других научных и образовательных учреждениях. Но помимо них кафедры государственного права были созданы в Ленинграде, Свердловске, Саратове, союзных республиках [1].

Наблюдается углубление отраслевой специализации в науке советского государственного права, в особенности на основе взаимодействия научных исследований в сфере не только государственного права, но и советского строительства [2]. После того, как кафедру государственного права МГУ возглавил профессор С.С. Кравчук, наиболее значимые научные результаты были представлены в трудах Л.В. Воеводина, А.А. Мишина, Н.Я. Куприца, Д.Л. Златопольского, К.Ф. Шеремета, Г.В. Барабашева. В конечном итоге это способствует повышению качества преподавания государственно-правовых дисциплин, увеличению объема научно-исследовательской работы. Под влиянием общетеоретических дискуссий о системе советского права 1939-1941 и

1956-1959 гг. активно разрабатывается проблема предмета государственного права.

Исследования 30-50-х гг. XX в. о предмете советского государственного права показали не только определенную историческую преемственность в исследовании государственно-правовой проблематики и методов ее изучения, но и значительное расширение предмета государственно-правового регулирования, его распространение на широкий круг общественных отношений, лежащих в основе социально-экономической и политической сфер общества, а также теоретическое обоснование усиления роли государства в правовом регулировании общественных отношений. Особое значение в дальнейшем приобретают методологические исследования в общей теории государства и права 60-70-х гг. (В.П. Казимирчук, Л.С. Явич, А.М. Васильев, В.М. Сырых, Д.А. Керимов, В.С. Нерсисянц), которые, тем не менее, не оказали существенного влияния на нормативный подход в науке советского государственного права.

В 50-70-е гг. наблюдается тенденция к переосмыслению методологических основ советской государственно-правовой науки, предпринимаются попытки диалектического осмысления правовых категорий и понятий (понятия народовластия, суверенитета, гражданства, категории объекта, предмета, структуры науки и отрасли государственного права), методов и отдельных элементов системы права (правовые отрасли, подотрасли, правовые институты) [3]. Сохраняется идеологическая нагруженность, связанная с обоснованием на основе Программы КПСС идеологической доктрины «общенародного государства» и «конституции развитого социализма», которое формируется в связи с выполнением государством диктатуры пролетариата своей исторической миссии, а также обоснование ведущей роли КПСС в политической системе советского общества. Вместе с тем неправомерны утверждения современных авторов о том, что «советский конституционализм можно определить как специфический способ единого устройства и осуществления политической власти коммунистической партии, где конституционно-правовая регламентация государственного строя, политический режим, права, свободы, обязанности граждан всецело зависят от идеологии и служат «партийному» государству» [4]. Объективная характеристика этапов становления и развития советского конституционализма предполагает анализ не только правотворческой и правоприменительной деятельности советских государственных органов, но и изменение научных представлений о государственном (конституционном) праве и соответственно, влияние политической и правовой идеологии [5].

В 70-е гг. под влиянием идеологической доктрины «общенародного государства» происходят организационные изменения в системе высшего юридического образования. Разделение в 1970 г. в Московском университете единой кафедры на две составляющие (кафедру государственного права под руководством профессора С.С. Кравчука и кафедру советского строительства под руководством профессора Г.В. Барабашева) в конечном итоге показало

необходимость интеграции научных исследований и объединения этих кафедр в единую структуру. В 1976 г. кафедры были вновь объединены под руководством профессора Г.В. Барабашева. Несмотря на то, что Московский университет приобретает статус координатора научно-исследовательской и учебно-методической работы в сфере государственного права, государственно-правовые исследования активно развиваются в региональных вузах и научных учреждениях Саратова (И. Фарбер), Свердловска, союзных республик. В этом смысле основным элементом предмета советской науки государственного права постепенно становится государственная власть и формы ее осуществления [6].

Новым импульсом к расширению научных исследований в области государственного права послужили нормативные положения Конституции СССР 1977 г. и Конституции РСФСР 1978 г. [7] Однако современные ученые указывают на декларативный характер положений Конституции СССР 1977 г., в которой были расширены и конкретизированы полномочия Советов народных депутатов. В частности, к началу 80-х гг. многие депутаты были членами КПСС, что позволяло партийным структурам контролировать принятие любых решений в Советах. При этом официально провозглашалось, что «партийное руководство – высшее проявление власти народа, отражающее интересы трудящихся в построении коммунистического общества» [8].

Впоследствии в 80-е гг. под влиянием социально-исторических условий в государственно-правовой науке существенно пересматривается основная проблематика научных исследований. Важнейшим социально-историческим фактором является, прежде всего, правовая политика советского государства в годы перестройки (1985-1991 гг.) [9]. Вопрос о необходимости перестройки политической и правовой системы советского общества был поставлен на Пленуме ЦК КПСС в феврале 1987 г., а затем получил статус официальной партийной программы после проведения XIX Всесоюзной партийной конференции [10]. Как отмечает М.Н. Марченко, основными идеями конференции стало разграничение функций партийных и государственных органов, и разработка вместо концепции разделения властей теории разделения полномочий и функций элементов политической системы [11]. Также существенное значение в данный период приобретает проблема формирования политического лидера и повышения престижа Советского государства в мировом сообществе [12]. Соответственно, внутринаучным фактором трансформации государственно-правовой науки становится сформулированная в официальных партийных документах концепция социалистического правового государства, которая разрабатывается советскими правоведом в форме концепции «социалистического конституционализма» [13]. Эта концепция получает достаточно широкое научное обсуждение в юридической литературе периода перестройки [14]. Тем самым менялось и отношение к содержанию ст. 6 Конституции о руководящей роли КПСС. Внесение изменений в Конституцию СССР в годы перестройки привело к отказу от монопольного положения партии в связи с утверждением принципа многопартийности [15].

Теоретическое осмысление реформы политической системы СССР в советской государственно-правовой науке способствует модификации теоретико-методологических оснований «неклассического» этапа развития теории российского конституционализма [16]. Этому способствуют как социально-исторические условия, связанные с распадом СССР и формированием новой правовой системы, так и внутринаучные факторы, характеризующие изменение научных представлений об идеях и ценностях конституционализма.

Литература

1. См.: Старовойтов А.В. Государственное право на юридическом факультете МГУ в 40-60-е гг. // Конституционное право в Московском университете. М., 2005. С.63.
2. См.: За дальнейшее развитие науки советского государственного права (передовая) // Советское государство и право. 1954. №7. С.3-13.
3. См.: Актуальные теоретические проблемы развития государственного права и советского строительства. – М., 1976; Еременко Ю.П. К разработке предмета науки советского государственного права // Правоведение. – 1980. – №6. – С.34-40; Вопленко Н.Н. Официальное толкование норм права. – М., 1976. – С. 15-19.
4. Коноваленко О.Л. Становление и развитие конституционализма в России. Автореф. дисс. канд. юрид. наук. – М., 2004. – С.15.
5. См.: Барнашов А.М. Единство власти и его воплощение в государственном строительстве в СССР. – Томск, 1979. – С. 27; Лукьянова Е.А. Российская государственность и конституционное законодательство в России (1917-1993). – М., 2000. – С. 70-71.
6. См.: Старостина И.А. 70-80-е гг.: преподавание государственно-правовых дисциплин и развитие науки государственного права и советского строительства // Конституционное право в Московском университете. – М., 2005. – С.70-71; Мамитова Н.В. Российский конституционализм: история и современность. Дисс...докт. юрид. наук. – М., 2006. – С.165.
7. См.: Теоретические основы советской Конституции. Отв. ред. Б.Н. Топорнин. – М., 1981. – С. 61-62; Степанов И.М. Конституция и политика. – М., 1984. – С. 9-11; Михалева Н.А. Социалистическая конституция (проблемы теории). – М., 1981. – С.100-101.
8. Цит. по: Матвеев М.Н. Статус и правовые основы деятельности Советов народных депутатов после принятия Конституции 1977 г. // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. – 2006. – №1(41). – С.39.
9. См.: Деев Н.Н., Четвернин В.А. Советское государство и перестройка (проблемы теории). – М., 1990. – С.19-31; Политико-правовые средства обеспечения перестройки. – Казань, 1990. – С. 43-50.
10. См.: XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. Т.1. – М., 1988. – С.49.

11. См.: Марченко М.Н. XIX Всесоюзная конференция и реформа политической системы // Правоведение. – 1989. - №1. – С.3-15; Бондарь Н.С. Теоретическая деятельность КПСС и развитие конституционно-правовой науки // Правоведение. – 1986. – №4. – С.3-11; Российское народовластие: развитие, современные тенденции и противоречия. Под общ. ред. А. В. Иванченко. – М., 2005. – С. 89-90.

12. См.: Черненко А.К. Лидеры и лидерство // Партийная жизнь. – 1991. - №3. – С.28.

13. См.: Степанов И.М. Социалистический конституционализм: сущность, опыт, проблемы // Советское государство и право. – 1987. – №10. – С.3.

14. См.: Алексеев С.С. Правовое государство — судьба социализма. - М., 1988. - С. 49; Вагнер И. О концепции социалистического правового государства // Правоведение. -1990. - № 1. - С. 12 – 16; Ржевский В.А., Овсепян Ж.И. Конституционные основы социалистического правового государства // Правоведение. – 1990. - №1. – С.3-12.

15. См.: Сыродоев Н. А. Крупный шаг на пути реформы политической системы // Правоведение. -1989. - № 2. - С. 3 - 13 Алексеев С. С. Интервью Председателя Комитета конституционного надзора СССР // Правоведение. - 1991. - № 3. - С. 3-7; см. также: Митюков М.А. Предтеча конституционного правосудия в России (взгляды, проекты, институциональные предпосылки). – М., 2006.

16. См.: Основин В.С. Перестройка представительной системы: тенденции, парадоксы, проблемы // Правоведение. – 1991. - №2. – С.28-34.

abdidikin@bk.ru

ИНТЕГРАЛЬНОЕ ПРАВОПОНИМАНИЕ: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Д. К. Сияков

Санкт-Петербургский государственный университет

Одной из актуальных задач современной теоретико-правовой науки является поиск целостного понимания права. Данная проблема нашла своё отражение в трудах как зарубежных, так и отечественных мыслителей. Интерес к интегральному знанию являлся характерной чертой русской философии. Богатая традиция обоснования синтетических идей была накоплена в разных философских течениях (славянофильство, космизм, евразийство), но особый интерес в данном плане представляет русская религиозная философия. Представители данного направления пытались представить право в целостности, органично включив его в систему всеобщего религиозно-нравственного синтеза. Данная идея проистекает из философии всеединства Вл. Соловьева. Основываясь на взглядах великого русского философа, его ученик – А.С. Яценко впервые обосновал синтетическую теорию права [См.: Яценко, А. Опыт

синтетической теории права / А. Ященко. – Юрьев: Типография К. Маттисена, 1912. – 262 с.].

Во второй половине XX века интегральные идеи получают распространение в США. Многие известные ученые обратили внимание на разорванность теоретического знания о праве, наличие множества с трудом соотносящихся друг с другом теорий и как следствие этого – отсутствие целостной картины права. Наиболее известным теоретиком, высказавшим интегральные идеи в явном виде, был Д. Холл (1901-1992). Американский ученый впервые использовал термин «интегрированная юриспруденция» в 1947 году, хотя немногим позже и независимо от него идеи интегральной юриспруденции стал развивать известный историк права Г. Дж. Берман, который впоследствии принес Д. Холлу извинения за неумышленное использование этого термина [Берман Г. Дж. Вера и закон: примирение права и религии. М.: Ad Marginem, 1999. – С. 340.].

В общем виде интегральный подход к пониманию права следует рассматривать в качестве направления современной теоретико-правовой науки, в рамках которого постулируется недостаточность классических односторонних концепций правопонимания и одновременно утверждается необходимость понимания права как целостного, многогранного феномена, основанного на принципах открытости, динамизма, социокультурной обусловленности. Из этих предпосылок исходил Д. Холл, который характеризовал интегративную юриспруденцию как «такой взгляд на правовую систему и правовые проблемы, который основан не на разделении вопросов ценности и вопросов факта, а на синтезе признанных идеалов, фактов и оценок в соответствии с критерием полноты» [Hall J. Studies in Jurisprudence and Criminal Theory. New York. 1958. P. 37.].

При обосновании интегрального подхода к пониманию права необходимо учитывать, что само право в онтологических и аксиологических своих характеристиках является неотъемлемым элементом общей культуры любого цивилизованного общества. В зависимости от типа культур (типа обществ) интегральный подход наполняется разным содержанием. Иными словами, для каждой культуры органичен свой особый путь к целостности. Обоснование целостности зависит от ценностных основ существования социума, т.е. тех аксиологических ориентиров, которые разделяются членами данного общества и интерпретируются ими как общезначимые.

В зависимости от типа культуры право занимает в каждом обществе свое место среди иных социальных феноменов (морали, религии, обычаев, публичной власти). В связи с этим И.Ю. Козлихин утверждает, что существуют не просто разные типы правопонимания, а разные типы миропонимания. При этом он полагает, что западный тип в сущности правовой, а восточный – неправовой [Козлихин, И. Ю. Позитивизм и естественное право // Государство и право. – 2000. – № 3. – С. 11.]. В этом смысле русская культура может быть отнесена скорее к неправовой, поскольку право в её рамках никогда не являлось самостоятельной ценностью. Наиболее ярко данное положение может

быть проиллюстрировано на примере «изящного» правового нигилизма Л.Н. Толстого. Уже упоминавшийся русский философ В.С. Соловьев утверждал, что право ценно не само по себе, а вторично по отношению к нравственности.

В то же время в большинстве стран континентальной Европы и англосаксонского мира (в т.ч. США) право ставится в центр совместного бытия людей. Но какие бы варианты обоснования высшей ценности права не предлагались, очевидно, что право не всеильно и не может рассматриваться обособленно, в частности, от морали. Действительно, в период стабильного функционирования социальной системы может сложиться впечатление, что посредством права можно разрешить любую возникающую в обществе проблему. Однако на «переломных» этапах, когда связь ценностно-целевых характеристик права и его формы (напр., закона) разрывается, открывается путь моральной аргументации. Яркие примеры, характеризующие данную проблему, были представлены Г. Радбрухом и Л. Фуллером при осмыслении ими сущности нацистского законодательства. Поэтому в поиске интегрального понимания права необходимо учитывать, что данная цель может быть достигнута только на основе осознания теснейшей связи права и морали (для «западных» культур), или понимания права в контексте традиций и веры (для «восточных» культур). Если же игнорировать влияние иных нормативно-регулятивных систем на право, можно прийти только к «чистой» теории права. Такая теория, несмотря на создание видимости четкого отграничения права от неправа, практически полностью игнорирует анализ его оснований, целей и роли в жизни общества.

При обосновании интегрального подхода нельзя не обратить внимание на то, что помимо общей культуры как онтологии, существует еще и культура мышления, основные характеристики которой проявляются в стилях, принципах, методах познания права. Например, в XX веке в англо-американской философии права доминирующей является аналитическая традиция с её культом логики и особым вниманием к эмпирической реальности. В то же время развитие теоретического знания в континентальной Европе в XX веке происходило под влиянием рационалистической философии, феноменологии, герменевтики, экзистенциализма. Континентальная традиция более разнообразна как по онтологической широте, так и по методологическому разнообразию. Своя теоретическая традиция имеется и в России. Особое место русской философии обусловлено спецификой поднимаемых в её рамках проблем – метафизики любви, Бога, размышления о судьбах самой России. Таким образом, разные теоретические традиции напрямую влияют на особенности понимания права.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод: главная задача интегрального подхода сводится в представлении объекта в его целостности. В любом обществе право фактически существует в единстве формы, процедуры и ценностей и свое полноценное выражение может получить только в качестве реализованной связанности данных элементов. В теоретическом плане

целостная картина права может быть основана на единстве логической формы, социального и психологического содержания, а также общего и частного аксиологического обоснования.

Список литературы

1. Берман Г. Дж. Вера и закон: примирение права и религии. М.: Ad Marginem, 1999. - 431 с.
2. Козлихин, И. Ю. Позитивизм и естественное право // Государство и право. – 2000. – № 3. – С. 5 – 11.
3. Яценко, А. Опыт синтетической теории права / А. Яценко. – Юрьев: Типография К. Маттисена, 1912. – 262 с.
4. Hall J. Studies in Jurisprudence and Criminal Theory. New York. 1958.

dmsinyakov83@mail.ru

ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ: СОДЕРЖАНИЕ И ЗНАЧЕНИЕ

А. Ю. Акашкин

Институт философии и права СО РАН

О степени разработанности понятия «категория», вообще, можно говорить только в рамках философского знания. *Категории* (от греч. *kategoria* - высказывание, обвинение; признак) в философии, наиболее общие и фундаментальные понятия, отражающие существенные, всеобщие, универсальные свойства и отношения явлений действительности и познания, это нечто, обладающее свойством предельно абстрактного. Категории являются узловыми пунктами познания, моментами проникновения мышления в сущность вещей. Отсюда вытекает их методологическая ценность и необходимость применения к исследованию явлений и природы, и общества, и мышления. Освоение категориальной формы мышления в ходе индивидуального развития человека является необходимым условием формирования способности теоретического мышления.

В вопросе определения природы и содержания правовых категорий наиболее оптимально работает концепция диалектического материализма. Трактовка юридической сущности вещей и явлений с материалистической точки зрения помогает точнее определить содержание объектов правового мышления в их диалектической взаимосвязи друг с другом. Несколько слов хотелось бы сказать о категориальной структуре человеческого мышления. Исходя из того, что любое отношение есть отношение объекта и субъективного знания о нем, то можно выделить четыре базовых направления движения человеческого мышления [15. С. 67-70].

Первое, объектное, связано с такими категориями как «пространство», «время», «качество», «количество», «причинность», «содержание», «форма», «необходимость», «возможность» и др. Данную группу условно можно назвать онтологической. Для сравнения, такие категории как «истинно», «ложно», «правдоподобно», «вероятно», «неопределенно», «доказательно» и т.п., относятся к эпистемологическим. Если онтологические категории относятся прежде всего к объекту, определяют важнейшие грани объективной действительности, то эпистемологические – напротив, определяют не объект непосредственно, а характеризуют меру субъективных знаний субъекта об объекте, поэтому последние вторичны по отношению к онтологическим категориям. Третья группа – информологическая. К ней относятся такие категории как «тривиально», «известно», «понятно», «неожиданно» и т.п. Они отражают уровень знания субъекта, сопоставляя его с каким-либо фактом действительности. Последняя группа аксиологических категорий включает в себя понятия «важно», «ценно», «желательно» и показывает соответствие определенных свойств объекта направленности и потребностям субъекта. Как видно из приведенных примеров, настоящее научное значение мысли, в том числе правовой, должно соответствовать всем четырем критериям: онтологическому, эпистемологическому, информологическому и аксиологическому.

Несомненно, перечисленные характеристики присущи многим юридическим понятиям, что позволяет их причислить к разряду правовых категорий. Главной аксиологической характеристикой правового мышления является принцип *эквивалентности воздаяния (вменения)*. Любое нарушение норм права сопровождается возникновением в сознании образа наступающей в качестве последствия такого деяния ответственности, т.е. право без ответственности невозможно. Причем ответственность в виде возмещения тогда будет правовой, когда это возмещение эквивалентно нанесенному ущербу [14. С. 48-49]. Эквивалентность возмещения – это именно тот признак, который ограничивает правовое мышление от морального.

Вторая главная характеристическая черта правового мышления связана с рационально-рассудочной направленностью и заключается в его *абстрактности, формализме и догматизме*. В этом смысле соотношение между эквивалентностью возмещения и формализмом, между этими двумя императивами, следует рассматривать как соотношение цели и средства [14. С. 54, 58]. Именно эти две характеристики и необходимо взять за основу при ограничении в дальнейшем правовых категорий от моральных, этических и прочих других.

Нетрудно заметить, что по принципам конструирования и свойствам категории схожи с понятиями. Однако отождествлять их было бы неправильным. Детерминировать (или хотя бы попытаться детерминировать) можно абсолютно любой объект или явление. Наука называет это выработкой понятийного аппарата. При ближайшем рассмотрении видно, что множество категорий уже множества понятий, входит в него и соотносится с последним как

частное с общим. Действительно, все категории суть понятия того или иного онтологического уровня, но не каждое понятие есть категория.

Отличительных признаков правовой категории, на мой взгляд, несколько. Во-первых, как следует из данного выше определения, категория есть универсальная, высокой степени абстрактности форма обобщения явлений и объектов окружающей действительности, проявляющаяся на различных уровнях познания. Во-вторых, категории (или, по крайней мере, представления о них) способны к развитию, к эволюционированию, к усложнению, что влечет их переход с более низкого уровня на более высокий. В-третьих, категории должны обладать свойствами тождественности и объема (могут шире либо уже одна другой). Это значит, что разные по своему объему категории можно сравнивать друг с другом и определять одну категорию через другие категории или понятия.

Д.А. Керимов утверждает, что знания, выраженные в специфической форме основных фундаментальных понятий - категорий, составляют логический аппарат юридической науки. Категориальный состав выполняет познавательную, логическую и мировоззренческую функции, являясь средством организации готовых правовых знаний [10. С. 35]. Значение же их мыслится в том, чтобы, благодаря абстрагирующей деятельности мышления, объективно, с высокой степенью истинности понять правовую действительность и показать основные закономерности социального развития.

В заключении попытаемся дать некоторую классификацию подходов к пониманию сущности правовой категории, критерием которой будет служить глубина ее научного осмысления. На уровне практического, а также *обыденного* мышления, который проявляется в малой степени научного абстрагирования, не делается никаких различий между категориями, понятиями, терминами, принципами, режимами и т. п. Другой вариант понимания категории представлен О.А. Красавчиковым как *инструмент юридической техники*, применяемой в целях осуществления права [7. С. 232-233]. Этот прием представляет собой не что иное, как формально-логическое обобщение, широко применяемое как средство юридической техники наряду с выработкой терминологии. И последний уровень понимания сущности категории – это самое глубокое ее осмысление на философском уровне как предельно абстрактного, универсального и собирательного понятия. Именно последний подход является глубоко *теоретическим*, призван поддерживать и постоянно развивать уровень правовой науки.

Список литературы

1. Красавчиков О. И. Категории науки гражданского права. Избранные труды: в 2 т. Т. 1. М., 2005.
2. Керимов Д.А. Проблемы методологии и методики правоведения. М., 1974.

3. Овчинников А. И. Правовое мышление: теоретико-методологический анализ. Ростов н/Д, 2003.

4. Радовель М. Р. Категориальная структура исследовательского мышления. Ростов н/Д, 1993.

wwwcom@ngs.ru

ПРАВО НА ЖИЗНЬ КАК ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМЫ ПРАВОМОЧИЙ ПРАВА НА СВОБОДУ И ЛИЧНУЮ НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЧЕЛОВЕКА

Е. Ю. Серкова

Институт философии и права СО РАН

Особенность права на свободу и личную неприкосновенность человека состоит в том, что оно включает в себя ряд самостоятельных прав личности. На наш взгляд, система правомочий исследуемого права представляет собой совокупность личных конституционных прав и свобод человека и гражданина, закрепленных в статьях 20, 21, 22 Конституции РФ. Рассмотрим в качестве правомочия право на жизнь.

Анализ положений ст. 20 Конституции РФ показывает, что трактуется это право в уголовно-правовом аспекте, т.е. в узком смысле как запрет на произвольное (не основанное на законе) лишение жизни. Жизнь понимается как биологическое и психическое функционирование организма, единственно возможная форма существования человека.

В широком смысле право на жизнь – это право на достойное человеческое существование, включающее создание государством правовых, социально-экономических, политических, нравственных условий, обеспечивающих полноценную жизнь человека. Право на жизнь понимается, как право человека родиться, достойно жить и умереть естественной смертью, эти составные: вхождение, бытие и смерть - определяют сущность права на жизнь. В этом плане жизнь человека как биосоциального существа является не только биологической основой его существования, но и высшей социальной ценностью, поскольку все остальные права утрачивают смысл и значение в случае гибели человека.

В юридической науке разделяют категории право на жизнь и саму жизнь. С позиции права жизнь можно охарактеризовать как высшее нематериальное благо, возникающее с момента отделения жизнеспособного ребенка от организма матери и продолжающееся в течение функционирования всего головного мозга.

Изучение различных точек зрения, связанных с содержанием право на жизнь позволяет включить в него следующие элементы: 1. право на непри-

косновенность жизни; 2. право на самостоятельное распоряжение жизнью путем добровольного поставления ее в опасное положение.

Право на неприкосновенность жизни трактуется как реальная возможность физического существования в таких условиях, когда отсутствуют противоправные посягательства, могущие повлечь смерть, либо угрозы таких посягательств. Этот элемент права на жизнь включает право личности на защиту от любых незаконных посягательств на ее жизнь со стороны государства, его представителей, частных лиц, а также право на требование от государства создания и поддержки необходимых и достаточных условий жизни. Нарушение права на неприкосновенность жизни рассматривается в двух аспектах: 1) непосредственная угроза жизни путем совершения посягательства на жизнь (войны и военные конфликты, убийства и т.п.); 2) совершение преступлений (правонарушений), не имеющих целью лишение жизни человека, но создающих опасность для жизни и приводящих или могущих привести к смерти людей (экологические преступления и др.). Особенность права на неприкосновенность жизни состоит в том, что человек не может отказаться от охраны государством его жизни, являющейся обязанностью последнего.

Право на распоряжение жизнью понимается как возможность самостоятельного принятия лицом решения о поставлении своей жизни в опасное положение, обусловленного осознанным изъявлением воли, направленной на достижение положительной (с точки зрения правовых и моральных критериев) цели в интересах самого человека, других лиц и общества в целом. Указанная составная часть права на жизнь предполагает возможность человека требовать от государства и отдельных лиц соблюдения обязанности не препятствовать распоряжению своей жизнью, а также обязанность государства создавать условия минимизации степени риска для жизни человека. Данное правомочие личности заключается в двух моментах: 1) в свободе осознанного волеизъявления относительно поставления своей жизни в опасное положение для достижения положительной цели; 2) в свободе выбора формы поставления жизни в опасное положение. Причем, фактором обладания правомочием являются условия реализации права, исключающих угрозу жизни других лиц. К аспектам права на распоряжение жизнью относятся вопросы трансплантации органов, проблемы эвтаназии и другие. Особенности данного элемента права на жизнь заключается в возможности государства распоряжаться жизнью человека помимо его собственной воли.

Несмотря на конституционный запрет ограничения права на жизнь в какой бы то ни было ситуации, включая чрезвычайное положение (ч.3 ст.56 Конституции РФ), объем рассматриваемого права в процессе реализации может быть правомерно ограничен (например, при необходимой обороне).

Затронем вопрос смертной казни как законного способа лишения жизни. С 1996 года как Россия вступила в Совет Европы, смертная казнь в нашей стране фактически не применяется, хотя формально не отменена.

В соответствии с заключением Парламентской Ассамблеи Совета Европы Россия обязана была подписать в течение одного года и ратифицировать не

позднее трех лет с момента вступления в Совет Европы Протокол №6 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, касающийся отмены смертной казни в мирное время, и установить со дня вступления мораторий на исполнение смертных приговоров. 16 апреля 1997 года Российская Федерация подписала Протокол №6 в г. Страсбурге. Но до сих пор закононо установленного «моратория на исполнение смертной казни со дня вступления» нет.

В соответствии с Постановлением Конституционного Суда РФ от 2 февраля 1999 г. № 3-П впредь до введения в действие федерального закона, обеспечивающего на всей территории Российской Федерации рассмотрение дел с участием присяжных заседателей, суды не могут назначать наказание в виде смертной казни. В то же время в соответствии с ФЗ от 27 декабря 2006 г. № 241-ФЗ «О внесении изменения в статью 8 Федерального Закона «О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» планируется, что с 1 января 2010 г. рассмотрение уголовных дел судьей и коллегией из 12 присяжных заседателей станет возможным на всей территории России [1]. Это означает, что с этого момента при дальнейшей волоките с ратификацией Протокола № 6 суды смогут снова выносить приговоры с назначением наказания в виде смертной казни.

При этом «объявленный мораторий на исполнение смертной казни», юридически дефектен. Во-первых, он не был опубликован и, следовательно, не является юридически действующим. Во-вторых, считается, что на реализацию обязательства России о введении моратория на смертную казнь был направлен Указ Президента РФ № 724 от 16 мая 1996 г. «О поэтапном сокращении применения смертной казни в связи с вхождением России в Совет Европы» [2]. Буквальное толкование этого акта не приводит к выводу об установлении в России моратория на исполнение смертных приговоров. В-третьих, ни Конституцией РФ, ни каким-либо иным законом объявление моратория на применение того или иного федерального закона в части или в целом специально не предусматривается. Вместе с тем, согласно смыслу Конституции РФ, действие федерального закона может быть отменено только другим законом, изданным в установленном порядке Федеральным Собранием. До сих пор российский парламент не выполнил обязательства о введении моратория на исполнение смертной казни. Учитывая сказанное, ратификация Протокола № 6 к Европейской Конвенции – наиважнейшая задача на пути к полноценному обеспечению как права на жизнь, так и права на свободу и личную неприкосновенность человека.

Литература

1. Российская газета. 2006. 31 декабря.
2. См., например: Специальный доклад уполномоченного по правам человека в Российской Федерации о выполнении Россией обязательств, принятых при вступлении в Совет Европы 20 мая 2002 года//Официальный сайт Упол-

К ВОПРОСУ ОБ АЛИМЕНТНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ МЕЖДУ РОДИТЕЛЯМИ РЕБЕНКА

К. А. Кириченко

Институт философии и права СО РАН

Как показывает статистика, 30 % рожденных в России детей – внебрачные, а родители 35 % детей, рожденных в браке, заключили его уже после зачатия [1].

В соответствии с Семейным кодексом Российской Федерации (далее – СК РФ) для возникновения алиментного правоотношения в связи с осуществлением родительских функций необходимы «общность» ребенка, а также наличие зарегистрированного брака между плательщиком и получателем алиментов (ст. 89, 90 СК РФ). При этом на фактические браки данные нормы не распространяются. Теоретически можно говорить о применении здесь положений СК РФ по аналогии (с учетом принципов равенства полов и равенства прав родителей), хотя судебная практика демонстрирует обратное. Незамужние матери малолетних детей обращаются с исками к своим фактическим мужьям – отцам детей, однако право на алименты признается только за ребенком, но не за самой матерью [2]. Даже если суды первой инстанции применяют нормы СК РФ, впоследствии такие решения отменяются: «аналогия закона в данном случае неприменима, поскольку ст. 90 СК РФ защищает интересы женщин, бывших в браке, и отказывает в такой защите женщинам, не состоявшим в браке» [3].

Изучение законодательства стран СНГ обнаруживает отличные от российского подходы. К примеру, право на алименты в связи с уходом за малолетним ребенком закрепляется за родителем (а не только женщиной, матерью, женой) в Армении, Беларуси, Молдове, Украине. Не во всех странах право на получение алиментов признается только за замужней матерью: Закон Казахстана «О браке и семье» предоставляет женщине право на содержание от отца ребенка в течение родового и послеродового периода, а Семейный кодекс Украины распространяет на родителей, не состоящих в браке, нормы об алиментных обязательствах супругов, занимающихся уходом за ребенком.

Даже в отечественной законодательной практике право на алименты только лишь замужней матери не всегда было аксиомой: в Кодексах 1918 г. и 1926 г. закреплялась обязанность лица, признанного судом отцом внебрачного ребенка, по участию в расходах, связанных с беременностью, родами, рождением и содержанием ребенка [4].

Наконец, право незамужней матери на получение содержания от отца ребенка становилось предметом рассмотрения дореволюционных цивилистов (при этом анализировалось как российское, так и европейское законодательство). К примеру, по саксонскому уложению мужчина, находящийся во внебрачном сожительстве с женщиной должен был «уплатить ей издержки, сопряженные с родами и крещением ребенка». Германское уложение накладывало на отца незаконного ребенка обязанность возместить его матери издержки, вызванные родами, а также издержки на ее содержание в течение 6 недель после родов, «а когда беременностью и родами были вызваны какие-либо еще другие издержки, то возместить ей и их». В российском же дореволюционном законодательстве обязательство отца по содержанию матери незаконнорожденного ребенка и самого ребенка изначально рассматривалась как вытекающее из деликта [5], однако в 1902 г. нормы о содержании были перемещены в отдел постановлений о правах семейных [6].

Итак, можно констатировать, что принцип равенства полов проводится в действующем СК РФ недостаточно полно. В нем обнаруживаются как нормы, которые предоставляют определенные льготы лишь женщине, хотя с практической точки зрения в подобной ситуации отсутствуют основания для создания искусственного баланса прав мужчины и женщины (абз. 3 п. 2 ст. 89 и абз. 2 п. 1 ст. 90 СК РФ), так и нормы, которые не содержат необходимых балансирующих положений (ст. 89 и 90 СК РФ в части закрепления права на алименты во время беременности и послеродовой период только за замужними матерями).

Однако во время беременности ребенок (будущий ребенок) связан с матерью, является частью ее организма, а значит, создание для нее достойных условий жизни служит не только ее собственным интересам, но и интересам самого ребенка, пусть даже не приобретшего пока правоспособность. Если мы признаем равные обязанности обоих родителей вне зависимости от их половой принадлежности и состояния в браке в отношении уже родившихся детей, почему такое же равенство не должно распространяться на обязанность по равному обеспечению интересов еще не рожденных детей?

Наконец, требует особого рассмотрения вопрос о праве на содержание суррогатной матери. Исходя из той функции, которую она выполняет, а также с учетом ст. 2 СК РФ, право на алименты от предполагаемых родителей следует предоставить и суррогатной матери (по крайней мере, в период беременности и восстановления после родов).

Вышеизложенное дает основание для формулировок *de lege ferenda* в виде внесения в раздел V СК РФ новой главы «Алиментные обязательства между родителями ребенка», состоящей из двух статей: «Обязанности родителей ребенка по содержанию друг друга» и «Обязанности предполагаемых родителей по содержанию суррогатной матери».

Примечания

1. См.: Рождения вследствие внебрачных зачатий // <http://demoscope.ru/weekly/2006/0229/tema01.php>.
2. См., напр.: Определение судебной коллегии по гражданским делам Свердловского обл. суда от 12 окт. 2004 г. // http://www.ekbobljud.ru/show_doc.php?id=2511; Справка о работе по делам, споры по которым регулируются семейным законодательством Ростовского обл. суда // http://www.rostobljud.ru/pictures/court_review/semya.doc.
3. Определение судебной коллегии по гражданским делам Свердловского обл. суда от 25 марта 2003 г. // http://www.ekbobljud.ru/show_doc.php?id=2511.
4. Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве от 16 сент. 1918 г. // КонсультантПлюс; О введении в действие Кодекса законов о браке, семье и опеке от 26 нояб. 1926 г. // Там же.
5. О теории деликта и иных теориях алиментарных обязанностей см. также: *Загоровский А. И.* Курс семейного права. М., 2003. С. 308–317.
6. *Анненков К.* Система русского гражданского права. Т. IV. СПб., 1904. С. 564–567.

kiksenia@yandex.ru

МЕРЫ ПО ПРОФИЛАКТИКЕ БЕЗНАДЗОРНОСТИ И ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

А. В. Мангир

Новосибирский государственный университет экономики и управления

Детская безнадзорность и беспризорность угрожает национальной безопасности России, их распространение способствует росту преступности среди несовершеннолетних, а также подрыву нравственных устоев общества.

«Безнадзорность как социальное явление означает отсутствие или неразвитость широкого круга надзорной деятельности за общественными отношениями, обязанными в силу своей государственной и общественной значимости находиться под постоянным надзором со стороны уполномоченных для осуществления этой деятельности». [1. с. 74]. Детская безнадзорность – одна из составляющих общего социального явления безнадзорности, а рост преступности – неизбежное следствие качественных изменений самого общества.

По данным МВД РФ за различные правонарушения в ОВД в среднем ежегодно доставляется 1,1 млн. несовершеннолетних, из которых примерно 50 тыс. не имеет родителей, около 12 тыс. не имеет опекунов или попечителей. Из них за употребление наркотических средств, психотропных либо одурманивающих веществ – около 21 тыс.; также регистрируется более 70 тыс. под-

ростков в возрасте до 18 лет как хронических алкоголиков, 1200 – убийц. На учете в ОВД состоит более 170 тыс. «проблемных» родителей, с которыми проживает 280 тыс. несовершеннолетних детей. В судебном порядке родительских прав было лишено около 40 тыс. родителей. [2. с.5].

В последние годы МВД России совместно с заинтересованными федеральными органами исполнительной власти осуществляет комплекс организационно-практических мероприятий, направленных на повышение эффективности профилактики беспризорности и безнадзорности среди несовершеннолетних, защиту их интересов. Так, с 202 по 2004 гг. выявлено и изъято с улиц и других общественных мест свыше 2,2 млн. безнадзорных, беспризорных несовершеннолетних. [3. с. 6].

В 2006 г. была создана Правительственная комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав, выступающая координационным органом, образованным для обеспечения единого государственного подхода к решению проблем защиты прав и законных интересов несовершеннолетних. [4].

Но вместе с тем ситуация по решению вопросов защиты прав и законных интересов несовершеннолетних за последние годы не претерпела существенных изменений и даже усугубилась. В настоящий момент не существует единой государственной статистической базы данных по безнадзорности и беспризорности несовершеннолетних, и детей групп социального риска. Все это влияет на федеральном уровне на оценку масштабов данного явления.

Комплекс проблем, происходящих из социально-экономических сложностей, указывает на необходимость совершенствования законодательства по поддержке семьи, материнства и детства. [1. с. 76].

Основные проблемы сложной социально-экономической ситуации России следующие: распад семей, алкоголизм и наркомания, безработица, слабая социальная поддержка малообеспеченных семей государством и др. Основные усилия по изменению и улучшению ситуации следует направлять на профилактику безнадзорности всеми существующими институтами системы профилактики.

Основные меры по повышению эффективности деятельности системы профилактики в большинстве своем многие авторы называют следующие:

- развитие правовых, организационных, финансовых, информационных и других механизма взаимодействия между органами, учреждениями, организациями, участвующими в работе по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, их социальной реабилитации;
- создание специального органа управления, отвечающего за решение указанных проблем и координацию действий различных министерств, ведомств, организаций и учреждений;
- передача функции по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, их социальной реабилитации одному конкретному субъекту обеспечения национальной безопасности.

На сегодняшний день не существует единого комплекса скоординированных мероприятий по профилактике безнадзорности и правонарушений несо-

вершеннолетних, а соответствующие министерства и ведомства не определили степень ответственности за работу с ними. [5. с. 2].

С 2003 года на территории Российской Федерации был создан и функционирует институт «школьных инспекторов» милиции, занимающийся индивидуальной профилактикой в отношении несовершеннолетних в тесном контакте с преподавательским составом.

Таким образом, подразделениям по предупреждению правонарушений несовершеннолетних надлежит:

- повысить престиж указанного института «школьных инспекторов» милиции;
- осуществлять продуктивное взаимодействие с государственной комиссией по делам несовершеннолетних под председательством министра внутренних дел для объединения усилий руководителей всех министерств, депутатов и иных заинтересованных лиц для совместной работы по защите несовершеннолетней части населения от вовлечения в преступную деятельность, оказанию помощи в восстановлении их нарушенных прав на жилье, учебу и другое жизненно важное обеспечение;
- осуществлять работу по организации разноплановой разъяснительной работы среди молодежи требований российского законодательства.

Список литературы

1. Кардашова И.Б. Детская безнадзорность и беспризорность как угроза национальной безопасности Российской Федерации //Профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: Материалы семинара-совещания МВД России (24-26 ноября 2006 г., Белгород). – М.: ВНИИ МВД России, 2007. – с. 74-79.
2. Из выступления Р.Г. Нургалиева на заседании Государственной Думы 17 мая 2006 года.
3. Голубовский В.Ю. О совершенствовании деятельности органов внутренних дел и других субъектов системы профилактики по предупреждению безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних //Материалы Международной научно-практической конференции (26-27 августа 2005 г.). М.: ДООП МВД, ВНИИ МВД России, 2006. С. 4-14.
4. Постановление Правительства РФ от 6 мая 2006 г. № 272 «О Правительственной комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав» //Российская газета. 2006. 11 мая.
5. Нургалиев Р.Г. Новое время – новая милиция // Щит и меч. № 37. 2005. с. 2.

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ НАРУШЕНИЙ ОБЩЕПРИНЯТЫХ ПРАВИЛ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ, ВЫЯВЛЯЕМЫХ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Е.-Д. С. Третьякова

Сибирский университет потребительской кооперации (г. Новосибирск)

Постановлением Правительства Российской Федерации от 03.06.1995 г. № 550 «О дополнительных функциях Министерства юстиции Российской Федерации» [1] на Министерство юстиции Российской Федерации возложено проведение юридической экспертизы правовых актов, принимаемых органами государственной власти субъектов Российской Федерации, на предмет их соответствия Конституции Российской Федерации и федеральным законам. При проведении юридической экспертизы Министерство юстиции Российской Федерации и его территориальные органы используют Рекомендации по проведению юридической экспертизы нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации [2]. В соответствии с пунктом 18 указанных Рекомендаций в ходе юридической экспертизы рекомендуется оценить соблюдение правил юридической техники при подготовке акта, т. е. наличие набора реквизитов, построение, правильность использования юридической терминологии. Вместе с тем, на федеральном уровне соответствующие правила формально не установлены. Необходимы единые требования к принимаемым нормативным правовым актам на всей территории Российской Федерации. До сих пор остается открытой проблема отсутствия Федерального закона о нормативных правовых актах, вместе с тем, в юридической литературе не однократно высказывалось мнение о необходимости принятия такого закона. Представляется, что в разработке закона может активно участвовать Министерство юстиции, поскольку полномочия, направленные на совершенствование нормотворческого процесса, закреплены за Министерством Указом Президента Российской Федерации от 13.10.2004г. № 1313 «Вопросы Министерства юстиции Российской Федерации» [3]. Необходимо отметить, что в некоторых субъектах Российской Федерации приняты нормативные правовые акты, в которых затрагиваются вопросы порядка подготовки проектов законов и иных нормативных правовых актов, их рассмотрения, принятия, опубликования, вступления в силу, толкования и отмены.

Актуальной является проблема упорядочения, единообразного использования юридических терминов в нормативных правовых актах. Так, в работе, посвященной этой проблеме «Язык закона» [4], под унификацией юридических терминов его авторы понимают всю совокупность приемов и средств, всю деятельность, направленную на достижение единства юридической терминологии, ее однозначности, на устранение излишней синонимии, противоречий и разночтений в значении и написании терминов. Кроме того, А. С.

Пиголкин, особо выделяет требование унификации, единообразия формы и структуры нормативных актов и формулирует его как один из наиболее общих принципов, который должен быть положен в основу готовящихся проектов нормативных правовых актов [5]. В любом случае, при прочтении как вступившего в законную силу нормативного правового акта, так и его проекта, «термин должен быть понятен даже вне контекста - таков критерий его точности» [6].

При проведении юридической экспертизы нередко встречается несоответствие дефиниций одного и того же понятия в федеральных и региональных нормативных правовых актах. Например, в ходе проведения юридической экспертизы Закона Республики Алтай от 14.02.2006 г. № 17-РЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан в органы местного самоуправления в Республике Алтай» установлено, что статья 2 указанного Закона Республики содержит ряд дефинитивных норм (обращение, жалоба, заявление, предложение), которые не в полной мере соответствуют аналогичным нормам, закрепленным в статье 4 Федерального закона от 02.05.2006г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» [7]. Поскольку в статье 4 вышеназванного Федерального закона уже даны определения указанных категорий, а в компетенцию субъектов Российской Федерации не входит решение этого вопроса, органу власти Республики, принявшему акт, рекомендовалось устранить выявленные технико-юридические нарушения во избежание неоднозначного толкования названного Закона при применении его на практике должностными лицами органов государственной власти, органов местного самоуправления и гражданами. В настоящее время указанный Закон Республики признан утратившим силу.

Изложенная ситуация, диктует законодательной регламентации единых требований юридической техники как совокупности правил, приемов и методов подготовки, принятия (издания) региональных нормативных актов, которыми следует руководствоваться при проведении юридической экспертизы нормативных актов субъектов Российской Федерации.

Список литературы

1. Российская газета, № 111, 09.06.1995г.
2. Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 29.10.2003г. № 278
3. Российская газета, № 230, 19.10.2004г.
4. Язык закона / Под ред. А. С. Пиголкина. М.: Юридическая литература, 1990. С. 133.
5. Законотворчество в Российской Федерации / Под ред. А.С. Пиголкина. М.: Формула права, 2000. С. 252.
6. Лотте Д. С. Основы построения научно-технической терминологии. М.: Наука, 1961. С. 74.
7. Российская газета, № 95, 05.05.2006г.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ КОРПОРАЦИЯ И УЧРЕЖДЕНИЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫХ ФОРМ

А. В. Семенов, Т. А. Серегина

Московский университет МВД РФ (филиал, г. Тула)

Говоря о соотношении государственной корпорации и учреждения, следует отметить, что организационно-правовая форма учреждения имеет давнюю историю. Возможность их создания была предусмотрена как ГК РСФСР 1922 г., так и ГК РСФСР 1964 г. (притом Кодекс 1922 г. предусматривал в т.ч. создание частных учреждений).

Ныне действующий ГК РФ 1994 г. также воспринял конструкцию учреждения, посвятив ей ст. 120, где определено, что учреждением признается некоммерческая организация, созданная собственником для осуществления управленческих, социально-культурных или иных функций некоммерческого характера.

В отличие от учреждения, государственная корпорация является одной из самых молодых форм организации некоммерческой деятельности, т.к. введена она в российскую правовую систему лишь в 1999 г., когда Федеральный закон «О некоммерческих организациях» был дополнен ст.7.1, в соответствии с которой государственной корпорацией признается не имеющая членства некоммерческая организация, учрежденная Российской Федерацией на основе имущественного вноса и созданная для осуществления социальных, управленческих или иных общественно полезных функций.

Учреждениями по своей форме сейчас являются большинство организаций образования, науки, здравоохранения, культуры и спорта и др. (школы и вузы, научные институты, больницы, музеи, библиотеки и т.п.). Напротив, число государственных корпораций крайне мало (на сегодняшний день функционируют лишь 7 корпораций, притом абсолютное большинство из них создано в 2007 г.).

Тем не менее, сравнительный анализ гражданского законодательства о юридических лицах позволяет нам сделать вывод, что государственная корпорация и учреждение очень близкие между собой некоммерческие организации и имеют ряд схожих черт.

1. Данные юридические лица создаются для достижения общественно полезных целей (на что также прямо указывает их легальная дефиниция).

2. Формирование имущества и государственной корпорации, и учреждения, в т.ч. его финансирование, осуществляет лицо, являющееся собственником передаваемого имущества. Основой деятельности и учреждения, и корпорации является целевое имущество, переданное учредителем.

3. Членство в государственной корпорации, также как и в учреждении, исключено, так как это может нанести ущерб государству (в результате конфликта интересов) и затруднить достижение заявленных целей.

Однако, анализ положений законодательства о некоммерческих организациях свидетельствует о том, что между этими юридическими лицами присутствует и ряд существенных различий.

Во-первых, ст. 7.1 ФЗ «О некоммерческих организациях» определяет, что имущество, переданное государственной корпорации Российской Федерацией, является ее собственностью. Учреждение же пользуется правом оперативного управления на это имущество (ст. 296, 298 ГК РФ), а собственником этого имущества остается учредитель.

Во-вторых, Российская Федерация не отвечает по обязательствам государственной корпорации, если законом, предусматривающим ее создание, не установлено иное. В то же время, по долгам учреждения при недостаточности средств для удовлетворения требований кредиторов собственник несет субсидиарную ответственность.

В-третьих, учреждение может быть создано любыми собственниками. В настоящее время можно выделить частные (созданные гражданином либо юридическим лицом и полностью или частично финансируемые ими), государственные (созданные Российской Федерацией или субъектом Российской Федерации) и муниципальные (созданные муниципальным образованием) учреждения. В свою очередь, государственные и муниципальные учреждения подразделяются на бюджетные и автономные.

Государственная корпорация же учреждается исключительно Российской Федерацией, соответственно ни субъект РФ, ни муниципальное образования, ни физическое или юридическое лицо таким правом не обладают.

Однако, даже не это является главным, ключевым отличием. Учреждение и государственная корпорация имеют различное функциональное назначение. Учреждение, на наш взгляд, является наиболее оптимальной организационно-правовой формой юридических лиц, осуществляющих свою деятельность в сферах образования, медицины, культуры. Государственные корпорации – особый вид юридических лиц со специальным правовым статусом, предполагающим уникальный порядок создания и ликвидации, специфический вид вещных прав на свое имущество и особый характер участия в имущественном и предпринимательском обороте. Государственные корпорации создают для решения первоочередных экономических и социальных задач, для выполнения специальных национальных проектов Президента РФ, федеральных целевых программ. Данная некоммерческая организация создает возможность высокой концентрации и расширения масштабов производства в целях повышения конкурентоспособности экономики России, она позволяет более эффективно осваивать вложения инвесторов.

Несмотря на закрепленный некоммерческий статус, государственная корпорация имеет право на осуществление деятельности, характерной исключительно для коммерческих организаций.

Основное предназначение государственной корпорации – эффективная реализация бюджетных средств, их рациональное и своевременное использование, формирование эффективных механизмов управления вверенным имуществом.

Таким образом, в силу некоммерческой природы между корпорацией и учреждением, действительно, имеются отдельные сходства. Однако, анализ порядка создания и ликвидации корпорации, вещных прав на свое имущество и ответственности учредителя за деятельность юридического лица говорит о том, что различий между корпорацией и учреждением гораздо больше. В дополнение к сказанному, следует отметить, что специфика участия корпорации в предпринимательском обороте более напоминает деятельность акционерного общества.

ПОРЯДОК РЕАЛИЗАЦИИ РЕГИСТРАЦИОННО-ЛИЦЕНЗИОННЫХ ПОЛНОМОЧИЙ БАНКА РОССИИ

В. А. Загривный

Сибирский университет потребительской кооперации (г. Новосибирск)

Одной из главных форм административно-правового регулирования предпринимательской деятельности крупных банковских организаций является легализация этой деятельности, выражающаяся в виде государственной регистрации кредитных организаций и лицензировании осуществляемых ими банковских операций.

Применительно к банковской системе законодатель исходит из того, что незаконная банковская деятельность в случае отсутствия специального разрешения (лицензии), наличие которой предопределяет возможность кредитной организации осуществлять банковские операции, может привлечь серьезные последствия, сопряженные с причинением ущерба гражданам и юридическим лицам.

О теоретической значимости института лицензирования свидетельствуют многочисленные научные изыскания специалистов и ученых, поскольку несомненно применение режима лицензирования предоставляет определенные преимущества. В его рамках усиленный государственный контроль за деятельностью, которая представляет публичный интерес, может быть реализован как путем предварительного, так и последующего контроля за соблюдением обладателями лицензий тех условий, на которых они были выданы. Именно лицензирование предоставляет возможность государству, с одной стороны, обеспечивать безопасность высокодоходной деятельности, связанной с реализацией экономических, социальных и других прав и интересов граждан, которая нуждается в государственном воздействии в целях осуществления добросовестности осуществляющих ее хозяйствующих субъектов, с

другой стороны не вводить монополию на ее осуществление, не ограничивая свободу предпринимательства.

Объединяя опыт ранее разработанного законодательства с законодательством банковской сферы, в частности с федеральным законом «о банках и банковской деятельности» можно определить что, лицензия на осуществление банковских операций – специальное разрешение Банка России на осуществление банковской деятельности (банковских операций) в форме официального документа, удостоверяющего с соблюдением установленной Банком России формы (реквизитов) право кредитной организации на осуществление указанных в нем банковских операций, без ограничения срока действия этого документа.

Для определения правовой природы лицензирования банковских операций следует определиться относительно общего понятия регулирования, надзора и контроля. Это целесообразно сделать прежде всего потому, что в отечественной литературе можно встретить самые различные точки зрения на сущность лицензирования банковских операций как неотъемлемой составляющей банковского надзора или банковского контроля, и в результате, отсутствует единство во взглядах относительно отнесения данной категории к банковскому регулированию, контролю или надзору.

В соответствии со статьей 54 Федерального Закона «О Центральном Банке Российской Федерации (Банке России)» последний является органом валютного регулирования и валютного контроля и осуществляет эти функции в соответствии с Федеральным Законом «о валютном регулировании и валютном контроле».

Федеральный Закон «о Центральном Банке Российской Федерации (Банке России)» [6] устанавливается в статьях 56 и 59, что Банк России является органом банковского регулирования и банковского надзора, осуществляет контрольные функции. Глава X данного закона определяет направления «приложения» надзорных и контрольных полномочий Банка России.

Деятельность по лицензированию банковских операций отнесена нормами Главы X Федеральным законом «О Центральном Банке Российской Федерации (Банке России)» к контрольно-надзорной. Она является на сегодняшний день одним из созданных государством эффективным инструментом государственного контроля и надзора над предпринимательской деятельностью юридических лиц. Лицензирование - одно из направлений государственной разрешительной политики, одна из распространенных форм разрешительной системы. [2]

Начальным условием для получения лицензии на осуществление банковских операций, является государственная регистрация кредитной организации, установленной в соответствии с Федеральным законом "О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей" [4] с учетом специального порядка, установленного Федеральным законом «О банках и банковской деятельности» (ст. 12 ФЗ «о банках и банковской деятельности») [5], а так же Инструкцией Банка России №109-И «О порядке

принятия Банком России решения о государственной регистрации кредитных организаций и выдаче лицензий на осуществление банковских операций», утвержденной Приказом Банка России от 14 января 2004 г. [2]

Все подготовительные и проверочные функции, связанные с регистрацией и лицензированием кредитных организаций, осуществляют территориальные учреждения Банка России. Так, все необходимые документы направляются инициативной группой в главное управление (национальный банк) Банка России, где эти документы изучаются. После изучения поступивших документов по ним составляется заключение территориального учреждения, которое направляется в Банк России вместе с другими необходимыми согласно действующим правилам документами. Рассмотрев поступившие материалы, Банк России принимает решение о регистрации кредитной организации или отказе в регистрации. После этого рассматривается вопрос о выдаче кредитной организации соответствующей лицензии. Конкретные требования, предъявляемые к кредитным организациям, которые являются соискателями соответствующих видов лицензий, и порядок их предоставления определяются инструкцией Банка России «О порядке регистрации кредитных организаций и лицензировании банковской деятельности» [3]. Однако существует общее требование, согласно которому основанием для выдачи кредитной организации лицензии на осуществление банковских операций является подтверждение своевременной оплаты 100% уставного капитала.

Действующими нормативными актами предусмотрено два вида лицензий: лицензии, выдаваемые вновь создаваемым организациям, и лицензии на расширение сферы деятельности уже функционирующим организациям.

Вновь созданным кредитным организациям может выдаваться:

- 1) лицензия на осуществление банковских операций со средствами в рублях (без права привлечения средств физических лиц);
- 2) лицензия на осуществление банковских операций со средствами в рублях и иностранной валюте (без права привлечения во вклады физических лиц);
- 3) лицензия на привлечение во вклады и размещение драгоценных металлов (разрешение на право совершения сделок с драгоценными металлами выдается Банком России по согласованию с Минфином России).

При расширении видов деятельности в банковской сфере, организации, имеющие лицензию, могут получить следующие виды лицензий:

- 1) лицензии на осуществление банковских операций со средствами в рублях и иностранной валюте (без права привлечения средств физических лиц), а так же лицензии на осуществление операций с металлами, если они не выдавались при создании кредитной организации;
- 2) лицензия на привлечение во вклады средств физических лиц в рублях, которая может быть выдана по истечении двух лет с даты государственной регистрации кредитной организации;
- 3) лицензия на привлечение во вклады средств физических лиц в рублях и иностранной валюте, при условии наличия лицензии на осуществление бан-

ковских операций со средствами в рублях и иностранной валюте (без права привлечения средств физических лиц). Подобная лицензия может быть выдана по истечении двух лет с даты государственной регистрации кредитной организации. Банк России вправе выдавать генеральную лицензию, дающую право на выполнение всех банковских операций со средствами в рублях и иностранной валюте, а также право в установленной порядке открывать филиалы за рубежом и/или приобретать доли в уставном капитале кредитных организаций-нерезидентов. В отличие от других лицензий, генеральная лицензия выдается только банкам.

В соответствии со ст. 6 ФЗ «О банках и банковской деятельности» [5], кредитные организации имеют право осуществлять профессиональную деятельность на рынке ценных бумаг на основании лицензии, выданной Банком России, при условии, что данные операции не требуют получения дополнительной лицензии.

Действующее законодательство не связывает принятие решения о государственной регистрации и выдаче кредитной организации лицензии с принятием какого-либо правового акта. Предполагается, что сам факт внесения кредитной организации в Книгу регистрации и выдачи соответствующей лицензии и является правовой формой принятого Банком России индивидуально-правового решения. По мнению Гейвандова Я.А., такая практика представляется не вполне приемлемой. Факт регистрации и лицензирования является лишь следствием принятого Банком России решения, а само это решение все же должно быть сформулировано в надлежащей правовой письменной форме. [3] Целесообразно решение о регистрации и выдаче кредитной организации соответствующей лицензии оформлять в форме приказа Банка России с последующим его опубликованием. Учитывая, что действующее законодательство не требует издания специальных приказов по рассматриваемым вопросам, индивидуально правовыми актами в случае регистрации кредитной организации следует считать соответствующие письма Банка России и отметки о регистрации на учредительных документах кредитных организаций, а так же сами лицензии, подписанные руководителем Банка России (или его заместителем) и заверенные печатью. О Государственной кредитной организации выдается свидетельство в двух экземплярах. [1] В свою очередь хочу не согласиться с мнением Гейвандова Я.А., поскольку нет необходимости в дополнительном подтверждении о принятии решения о государственной регистрации кредитной организации или выдаче лицензии на осуществление банковских операций, поскольку результат деятельности уполномоченного органа Банка России, выраженный в положительном решении, уже задокументирован как в учредительных документах юридического лица, так и в самом сборнике зарегистрированных кредитных организаций.

Литература

1. *Гейвандов Я.А.* Государственное регулирование банковской деятельности. / Диссер. на соискание учен.ст. д-ра.юрид.наук. С 262.
2. Инструкция Банка России №109-И «О порядке принятия Банком России решения о государственной регистрации кредитных организаций и выдаче лицензий на осуществление банковских операций» от 14.01.2004 г. / Правовая система «Консультант Плюс».
3. Инструкция Банка России № 49 "О порядке регистрации кредитных организаций и лицензирования банковской деятельности" от 27.09.1996г / Правовая система «Консультант Плюс».
4. Федеральный закон «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» от 8 августа 2001 года № 129-ФЗ / Правовая система «Консультант Плюс».
5. Федеральный закон «О банках и банковской деятельности» от 2 декабря 1990 года N 395-1 / Правовая система «Консультант Плюс».
6. Федеральный закон «о Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» от 10 июля 2002 года № 86-ФЗ

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

Материалы VI Региональной научной конференции молодых ученых Сибири
в области гуманитарных и социальных наук

Тексты докладов печатаются
в авторской редакции

Подписано в печать 19.05.2008 г.
Формат 60х84 1/16. Офсетная печать.
Усл. печ. л. 12,3. Уч.-изд. л. 11,5. Тираж 100 экз.

Заказ № 214
Редакционно-издательский центр НГУ.
630090, Новосибирск-90, ул. Пирогова, 2.